

КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**МИГРАЦИОННЫЕ РИСКИ
КАК ФАКТОР ВОЗНИКНОВЕНИЯ
КОНФЛИКТОВ**

ЕВРАЗИЙСКИЙ И ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ РЕШЕНИЯ

Монография

**КАЗАНЬ
2020**

УДК 316.4
ББК 60.56
М57

*Издается при финансовой поддержке РФФИ
и Правительства Республики Татарстан
в рамках научного проекта № 18-411-160006 от 2018 г.*

Под общей редакцией

доктора исторических наук, профессора **Р.Р. Фахрутдинова**;
кандидата исторических наук, доцента **В.Т. Сакаева**;
кандидата социологических наук, доцента **О.Л. Панченко**

Научный редактор

доктор исторических наук, профессор **Р.Р. Фахрутдинов**

Рецензенты

доктор исторических наук **И.А. Гилязов**;
доктор юридических наук **В.А. Летяев**;
доктор педагогических наук **Ф.Г. Мухаметзянова**

М57 **Миграционные риски как фактор возникновения конфликтов: евразийский и европейский опыт решения:** монография / Р.Р. Фахрутдинов, В.Т. Сакаев, Р.И. Измайлов и др. – Казань: Издательство Казанского университета, 2020. – 252 с.

ISBN 978-5-00130-350-3

В монографии представлен теоретический и эмпирический анализ развития миграционных процессов в региональном аспекте. Дан теоретический срез проблемы исследования рисков миграционных процессов и потенциала возникновения конфликтов в поликультурном пространстве, рассмотрены пути решения конфликтов в европейской практике и в российском контексте. Представлены методические материалы для прогнозирования рисков возникновения конфликтов мигрантов с принимающим населением. В зависимости от степени адаптируемости мигрантов разработана классификация групп мигрантов. На основе эмпирических исследований выявлен потенциал их адаптации. Определены факторы, в наибольшей степени влияющие на процесс адаптации мигрантов. Представленный эмпирический срез представляет своего рода характеристику миграционной среды в отдельных регионах РФ. Монография предназначена для ученых, исследующих вопросы миграционного развития современных обществ; для экспертов и специалистов, работающих в сфере управления конфликтами, а также для широкого круга научной и педагогической общественности, общественных организаций.

УДК 316.4
ББК 60.56

ISBN 978-5-00130-350-3

© Издательство Казанского университета, 2020

Оглавление

Предисловие	4
Раздел 1. Теоретические аспекты исследования миграционных процессов в поликультурном пространстве	6
1.1 Миграционные процессы как фактор политики (Игонин Д.И., КФУ, г. Казань)	6
1.2 Миграционные риски как объект исследования (Труфанов Д.О., Феньвеш Т.А., СибФУ, г. Красноярск)	28
1.3 Культурно-исторический анализ миграционных процессов (Фахрутдинов Р.Р., Измайлов Р.И., Зайнуллин Л.И., КФУ, г. Казань)	49
Раздел 2. Миграционные процессы и конфликты в странах ЕС	59
2.1 Гражданское образование как основной путь формирования триединства: город – мигранты - гражданство. Научно-практическая реализация кейса (Бигнами Ф., Университет прикладных наук и искусств Южной Швейцарии, Швейцария)	59
2.2 Иммигранты в Италии: интеграция, конфликты и ксенофобия (Заннони Ф., Болонский университет, Италия)	88
Раздел 3. Риски возникновения миграционных конфликтов в регионах Российской Федерации	105
3.1 Миграционные риски в полиэтничном регионе: опыт эмпирического анализа (на примере Волгоградской области) (Дроздова Ю.А., ВИУ РАНХиГС, г. Волгоград)	105
3.2 Миграционные процессы и потенциальные риски миграции в Республике Татарстан (Сакаев В.Т., КФУ, г. Казань)	129
Раздел 4. Методика прогнозирования рисков возникновения миграционных конфликтов	161
4.1 Обоснование новой методики, ее валидация и стандартизация, возможности применения (Панченко О.Л., КФУ, г. Казань)	161
4.2. Апробация методики анализа миграционной ситуации в Республике Татарстан с целью прогнозирования конфликтных рисков (Панченко О. Л., Фахрутдинов Р.Р., Сакаев В.Т., Измайлов Р.И., Фахрутдинов Б.Р., КФУ, г. Казань)	181
Заключение	236
Приложение. Вопросник для мигрантов	238
Сведения об авторах	246

Предисловие

В первом разделе монографии рассмотрены теоретические аспекты исследования миграционных процессов. Определены характеристики миграции и дан развернутый анализ миграционным процессам как фактору политики. Раскрыта специфика миграционных рисков как исследовательской проблемы с точки зрения понятия «миграционное пространство». Отдельное внимание при этом уделено факторам и механизмам социальной изоляции мигрантов в принимающем сообществе.

Во втором разделе монографии отражены некоторые современные теоретические и практические подходы к изучению и управлению рисками миграции в странах ЕС. Один из параграфов данной главы посвящен понятию «гражданское образование» и его роли в преодолении новых вызовов миграции. Автором были поставлены, в частности, вопросы о роли городов в интеграции мигрантов и о разработке и внедрении новых подходов в рамках образовательной системы для реализации данной задачи. Во втором параграфе раздела рассмотрена специфика процессов интеграции мигрантов на примере итальянского общества и раскрыты основные миграционные риски, связанные с уровнем образования, состоянием здоровья, степенью интеграции мигрантов в итальянское общество, а также уровнем ксенофобии.

Третий раздел посвящен значению миграционных процессов как фактору возникновения конфликтов в полиэтничных регионах Российской Федерации. В качестве примеров, рассмотрены кейсы Волгоградской области и Республики Татарстан, которые отличаются высокой степенью миграционной привлекательности. Исследование миграционных рисков здесь базировалось на анализе, как результатов эмпирических исследований, так и статистических данных о миграционных потоках. Особое внимание авторами было уделено выявлению и анализу рискогенных факторов в исследуемых регионах страны.

В четвертом разделе монографии представлены методические основы изучения рисков развития конфликтов в принимающих регионах. Приведены результаты исследований по выявлению адаптационного потенциала мигрантов в инокультурной среде региона. Разработана авторская методика диагностики степени адаптируемости мигрантов к условиям инокультурной среды. Методика представляет собой систему факторов, критериев и индикаторов, а также уровневых показателей адаптируемости (способности к адаптации) мигрантов к условиям инокультурной среды. На основе проведенных в Республике Татарстан социологических исследований сделан вывод о доминирующем позитивном влиянии миграционных потоков на социально-экономическое развитие региона. На основе апробации разработанной методики были определены ее возможности в предупреждении конфликтов между мигрантами и принимающим населением региона.

Раздел 1. Теоретические аспекты исследования миграционных процессов в поликультурном пространстве

1.1. Миграционные процессы как фактор политики

Игонин Д.И.

В рамках исследования важно рассмотреть основные подходы к понятию «миграция», «миграционный процесс» с точки зрения их конкретизации в политической науке, и показать взаимосвязь миграции с политической реальностью государства и политическими процессами в обществе.

Миграция – это глобальное явление, развернувшееся с новой силой в начале 2010-х годов XXI столетия под воздействием многих разнородных факторов. На миграционные потоки перемещения людей через государственные границы влияют экономические, природно-географические, культурно-бытовые, а также негативные социальные и социально-психологические условия, порождаемые внутренними конфликтами и противоречиями межрелигиозного и этнополитического характера, гуманитарные катастрофы. Сложность миграционных процессов заключается не только в проблеме переселения мигрантов, но и в последствиях, к которым эти перемещения приводят – как для самих мигрантов, так и для принимающего общества. В научной литературе встречаются несколько десятков определений миграции, имеющих разное смысловое значение.

Миграция и миграционные процессы представляют собой сложный массив проблем, требующий своего осмысления посредством междисциплинарных усилий, деятельностью экспертов социально-гуманитарного знания. Данный массив выражает направления демографического, экономического, правоведческого, психологического, социологического, культурологического и иных характеров и свойств. Политологический ракурс познания миграции и миграционных процес-

сов играет особую роль в изучении места миграции в политических процессах и ее влияние на политическую жизнь общества.

В своем изначальном происхождении термин «миграция» имеет привязку с английским словом -migrate – что означает «странствовать, путешествовать».

Многие исследователи подчеркивают междисциплинарность явления миграции, отмечая как динамику перемещения людей, так и возможности их интеграции в новой среде принимающего общества, «разрыв определенных групп людей со «своими» экологическими, социокультурными, производственными структурами идентичности и вхождение в «чужие» структуры идентичности на новой территории»¹. Существуют похожие точки зрения, отмечающие, – «миграция по своей этимологии является междисциплинарной категорией, объектом изучения многих социальных наук, которые типологизируют ее, исходя из собственных методологических оснований»².

В рамках проведенных исследований миграции как явления, выявился ряд междисциплинарных подходов.

Демографический подход. В русле данного подхода делается упор на рассмотрении численности, гендерно-возрастной структуры мигрантов, а также анализируется воздействие миграции, миграционных потоков на жизнь населения регионов и стран принимающего общества. Важной чертой деятельности экспертов-демографов является вопрос о влиянии миграции на рост численности населения государства и его восполнение, при этом многими экспертами исключаются из миграции переселения людей, живущих в границах одного населенного пункта. Правда, единство мнений здесь отсутствует. Например, Л. Л. Рыбаковский и Т. И. Заславская дифференцировали «миграцию» и «мобильность», указывая под миграцией «фактическое

¹ Акмалова А. А., Капицын В. М. Социальная работа с мигрантами и беженцами. М., 2015. С. 7.

² Шекихачева Н. И. Теоретико-методологические подходы к изучению миграционных процессов: сб. науч. трудов Северо-Кавказского государственного технического университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2005. № 1 (13).

перемещение населения», а мобильность – склонность (способность) людей к перемещениям, которая не всегда может оправдаться. Ю.Н. Козырев отмечает, что все перемещения населения, в том числе внутри городов и деревень, являются миграцией, даже если это «поход по торговым предприятиям»³.

Миграция как часть демографической науки исследуется В. А. Ионцевым, Б. С. Хореевым и М. Б. Денисенко, при этом образуя новое направление – миграциологию⁴, которая рассматривает в основном миграционную мобильность населения, игнорируя влияние миграции на социальную жизнь принимающего и отдающего общества. Отсюда существует критика того, что миграция не только часть демографической науки, но и предмет изучения других социально-гуманитарных направлений⁵.

Экономический подход. Данный подход ориентирован на исследование миграции как квинтэссенции по производству людских ресурсов для нужд экономики, ее развитию и создания конкурентоспособной среды в трудовой сфере. Ряд ученых утверждают, что миграционная политика – это часть социально-экономической политики (Н. Н. Дидух⁶, Ж. А. Зайончковская⁷, С. Е. Метелев⁸, О. Л. Рыбаковский⁹ и др.). Так, Н. Н. Дидух считает, что политика в сфере миграции особенно воздействует на экономическую среду и способствует достижению поставленных обществом целей – это построение ры-

³ Козырев Ю. Н. Демографическое развитие - гипотезы и решения: сб. Демографические тетради. Вып. 8. Киев, 1973. С. 76.

⁴ Денисенко М. Б., Ионцев В. А. Миграциология. М.: Изд-во МГУ, 1989. 96 с.

⁵ Юдина Т. Н. О социологическом анализе миграционных процессов // Социологические исследования. 2002. № 10.

⁶ Дидух Н. Н. Трудовая миграция как фактор развития Дальневосточного региона (социологический анализ). Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2008. 113 с.

⁷ Зайончковская Ж. А. Миграция населения и рынок труда в России // Программа по исследованию миграции. Вып. VII. М.: ИНП РАН, РЭНД, 1993. 174 с.

⁸ Метелев С. Е. Международная трудовая миграция и развитие российской экономики. М.: ЮНИТИ: Закон и право, 2006. 269 с.

⁹ Рыбаковский О. Л. Миграция населения между регионами: проблемы методологии и методики анализа. М.: Экон-Информ, 2008. 287 с.

ночной экономики, развитие демократии, прав человека и интегрированность в международные экономические связи.

Правоведческое направление фокусируется на характере правового статуса переселенцев и на вопросах нормативно-правового обеспечения в процессе контролирования миграционных потоков. Так, миграция предстает «сознательной, целенаправленной, подлежащей правовому регулированию деятельность субъектов в рамках общественных отношений, возникающих в процессе территориального перемещения людей, в результате которой приобретает, прекращается, изменяется и реализуется правовой статус мигранта»¹⁰.

Психологический подход вычленяет мотивы переселенцев, непосредственные побудительные силы миграции. В частности, предлагается определить миграцию с точки зрения некоего полимотивированного явления в обществе, возникающего вследствие людской подвижности, в процессе реализации человеком его потребностей. Так, С. К. Бондырева отмечает, что миграция – это деятельность человека, связанная с переселением, осуществляемая во времени и пространстве и ориентированная на смену места жительства и приобретение ресурсов в новой среде обитания¹¹.

Социологический подход в центр внимания ставит вопросы социокультурной интеграции, адаптации и «приживаемости» мигрантов, связей прибывающих групп и местного населения, качественный состав мигрантов и механизмы воздействия миграции на общественную систему социума. Так, Т. Н. Юдиной предлагается понимать под миграцией – изменение общественной среды и статусов социальных групп и слоев национального и регионального уровней государства под воздействием миграционных потоков, выходящих за государственные или административные границы на достаточно долгий пе-

¹⁰ Жеребцов А. Н. Концепция административно-правового регулирования миграционных отношений в Российской Федерации) (Комплексный анализ теории и практики): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 10.

¹¹ Бондырева С. К. Миграция (сущность и явление). М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО МОДЭК, 2004. С. 39.

риод времени¹². Данный подход отражает новые грани в понимании миграции как части социального движения.

Как видно из проведенного анализа, в понятии «миграция» выражаются самые различные интерпретации этого явления. Современное значение термина чрезвычайно широко. По мнению О. Д. Воробьевой, существенные отличия в истолковании этого явления указываются ниже:

- берется ли в расчет расстояние, в процессе переселения людей;
- указывается ли временной параметр присутствия мигрантов в пределах принимаемой страны и периодичность переселений в разных направлениях;
- учитывается ли процесс перемещения формально обозначенных границ¹³.

Примечательно то, что западные исследователи также не имеют единого истолкования термина миграции. Швейцарский исследователь Р. Перручоуд подчеркивает отсутствие согласованного термина «миграция» и ориентирует на конкретные лица – субъекты миграции: вынужденные переселенцы (беженцы), насильственно переселенные мигранты и трудовые и коммерческие мигранты. Он предлагает следующее понимание миграции: это перемещения людей, уезжающих из своей страны с целью поиска нового места жительства в другой стране на постоянной или временной основе¹⁴.

Многообразие демографических, экономических, юридических, психологических и социологических концепций объясняется тем, что разные авторы берут за основу своей классификации те или иные обоснования. Можно заключить, что эти концепции социального перемещения демографического состава населения обоснованы эконо-

¹² Юдина Т. Н. Социология миграции. М.: Академический проект, 2006. С. 209.

¹³ Воробьева О. Д. Миграционные процессы населения: вопросы теории и государственной миграционной политики // Проблемы правового регулирования миграционных процессов на территории Российской Федерации / Аналитический сборник Совета Федерации ФС РФ. 2003. № 9 (202). С. 6.

¹⁴ Док. ООН/CN.4/SER.A/1993/Add.1 // Ежегодник комиссии международного права. Т. 2. Нью-Йорк; Женева: ООН. 1993. Р. 32.

мическими факторами, психологическими мотивами и требуют юридического закрепления. При научном исследовании миграции необходимо исходить из ее междисциплинарного характера.

Политическая наука при изучении миграционных проблем переносит акцент воздействия миграции на процессы в политической жизни общества, на деятельность государственных институтов власти. Важно отметить политологов-исследователей, рассматривающих вопросы миграции, к коим можно отнести А. В. Баранова, О. Д. Воробьеву, В. Г. Гельбраса, А. И. Демидова, В. С. Малахова, В. И. Мукомеля, И. В. Лукьянову, Ю. Г. Ефимова, А. Я. Янцупову, Д. В. Драгунского, А. Е. Шапарова и многих других¹⁵.

С начала 1990-х начинают формироваться научные школы, рассматривающие процессы миграционной мобильности населения и общей миграционной ситуации в стране. В их числе Центр этнополитических и региональных исследований (ЦЭПРИ), возглавляемый Э. А. Паиным и В. И. Мукомелем. Это было вызвано остротой проблем распада СССР, перемещением больших масс населения, необходимостью решения социальных, культурных, политических и экономических задач.

В политологии даются следующие определения «миграции»: «Миграция – перемещение людей, этносов, их частей, отдельных представителей, связанное со сменой постоянного места проживания или с возвращением в него. Миграция населения – сложный по своей природе, многообразный по формам и последствиям социальный процесс. Оказывая огромное влияние на общественное развитие, он сам подпадает под воздействие политических, социально-экономических, демографических и иных трансформаций»¹⁶.

¹⁵ Гельбрас В. Г. Россия в условиях глобальной китайской миграции. М.: Муравей, 2004. 203 с.; Мукомель В. И. Миграционная политика России. Постсоветские контексты. М.: Диполь-Т, 2005. 351 с.; Ефимов Ю. Г. Политическая миграциология: миграционные процессы в контексте политологических проблем. М.: ООО "НТИ-КОМПАКТ", 2005. 202 с.

¹⁶ Политическая энциклопедия. В 2 т. Т. 1. М.: Мысли, 1999. С. 74.

О. Д. Воробьева предлагает определить миграцию в более широком значении, как фактически любое пересечение границ и территорий, как внутри страны, так и за ее пределами, осуществляемых с целью поиска нового места жительства, либо временного присутствия с различными краткосрочными целями (трудовая, учебная, коммерческая, туристическая, религиозная миграция и т.д.), вне зависимости от условий на них влияющих¹⁷. Кроме того, исследователи выделяют «внутреннюю миграцию», включающую передвижение людей в границах одного государства среди административно-территориальных единиц (регионов) страны, муниципальных районов, городов и деревень, а также «миграцию внешнюю (международную)», осуществляемую при пересечении границ между государствами. В свою очередь внешняя миграция делится на иммиграцию, эмиграцию и реэмиграцию.

Особое внимание заслуживает определение миграции, выступающей как изменения политической реальности различных уровней государства под воздействием миграционных потоков, выходящих за государственные или административные границы на достаточно долгий период времени¹⁸.

По мнению А. Р. Файзуллиной, миграция выступает в качестве сложного социального процесса, подпадающего под влияние политического процесса, тем самым воздействуя на развитие общества¹⁹.

Д. Е. Слизовский утверждает: с позиции политологии вся миграция и миграционная политика это – политические действия. Ми-

¹⁷ Воробьева О. Д. Миграционные процессы населения: вопросы теории и государственной миграционной политики // Проблемы правового регулирования миграционных процессов на территории Российской Федерации / Аналитический сборник Совета Федерации ФС РФ. 2003. № 9 (202). С. 6.

¹⁸ Ефимов Ю. Г. Политическая миграциология: миграционные процессы в контексте политологических проблем. М.: ООО "НТИ-КОМПАКТ", 2005. С. 62.

¹⁹ Файзуллина А. Р. Миграционная политика в современной России: федеральный и региональный аспекты: дис. ... канд. полит. наук. Уфа, 2007. С. 20.

грация выступает не как что-то самостоятельно отдельное, а как орудие политики²⁰.

Таким образом, политологические подходы основываются на том, что миграция является социальным процессом перемещения населения, оказывающим влияние на политическую реальность государства.

Теперь перейдем к понятию «миграционный процесс». В рамках данной работы он будет системообразующим. Становление теоретических научных разработок миграционных процессов принадлежит и к советскому периоду, когда исследовались теории миграционных процессов, их причины и последствия, проводившиеся В. И. Переведенцевым, Ж. А. Зайончковской²¹, Л. Л. Рыбаковским²² и др.

Рассматривая «миграционный процесс» с политологической точки зрения, Ю. Г. Ефимов предлагает ввести в научный оборот новую политическую субдисциплину – «политическую миграциологию», «объектом которой являются миграционные процессы как часть политической реальности, а предметом – тенденции ее развития и изменения, связанные с политизацией миграционных процессов, с возникновением политической компоненты у миграционных процессов, направленные на конституирование, институционализацию, трансформацию политической реальности»²³.

Миграционные потоки приносят особые эффекты социально-политической жизни для принимающего общества и рассматриваются как трудовой и демографический потенциал и, одновременно, как вызов для социально-политической системы страны пребывания. Та-

²⁰ Слизовский Д. Е. Национальная безопасность и миграционные процессы: концептуальные аспекты проблемы // Приоритетные направления стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2011. 672 с.

²¹ Зайончковская Ж. А., Переведенцев В. И. Современная миграция населения Красноярского края ; Акад. наук СССР, Сибирское отд-ние, Ин-т экономики и организации пром. производства. Новосибирск: 1964. 105 с.

²² Рыбаковский Л. Л. Региональный анализ миграций. М.: Статистика, 1973. 159 с.

²³ Ефимов Ю. Г. Миграция в современном политическом процессе: дис. ... д-ра полит. наук. Ставрополь, 2007. С. 15.

ким образом, складывается противоречие, влекущее за собой большое число конфликтов, приводящее субъектов политической деятельности к решению сложившихся проблем. Отсюда миграция констатируется как явление, которое неминуемо политизируется фактически в любой стране, где, так или иначе, происходят миграционные процессы.

В рамках данной работы миграция выступает как фактор, воздействующий на политическую среду и политический процесс принимающего общества. Политический процесс – это длительная и последовательная изменчивость элементов политической системы, смена их состояний, совершаемое под воздействием внешних и внутренних факторов общественной системы. Он характерен своими стадиями развития и принципами взаимосвязи различных его элементов. Политический процесс отражает динамичность политической жизнедеятельности, как общества-реципиента, так и донора-общества, что способствует политизации процессов миграции. Политика – это та сфера жизни людей, которая воздействует на все области жизнедеятельности человека и процессы, происходящие в рамках этого социума. Миграция является не исключением. В связи с этим, появляется политическая компонента миграционных процессов. Поэтому активное участие субъектов миграционного процесса сосредоточено на деятельности реализации своих интересов в условиях политической системы и в процессе принятия решений.

В итоге, миграционный процесс является не только частью социального, но и политического процесса, который отражает динамичность политической жизнедеятельности, как общества-реципиента, так и донора-общества. Кроме того, процессы миграции воздействуют на развитие всех сфер жизни общества. Активность мигрантов достаточно массовая, поэтому требует реализации их интересов политическими мерами, в частности деятельностью государства.

В ходе анализа данной проблемы предлагается рассмотреть сравнительное сопоставление двух значимых понятий темы как миграционная политика и государственная миграционная политика.

В современных теоретических исследованиях к соотношению этих двух понятий многими учеными ставится знак равенства.

Политика в сфере миграции есть совокупность факторов, методов и мер осуществления контроля над миграционным движением. Миграционная политика – это массив мер, необходимых для регуляции миграционных потоков и необходимой миграционной модели государства²⁴. Миграционная политика – это государственная политика, направленная на регуляцию численности, качества, вектор передвижения, местопребывания и адаптации мигрантов, которые считаются частью национальной (этнической) политики и связаны с проблемами демографического характера, так как воздействуют на численность населения и его качественный состав и неуклонно вовлекаются в исторический процесс развития общества²⁵.

Политологический ракурс при рассмотрении политики в сфере миграции ориентирован на регуляцию миграции при помощи государственных институтов власти и деятельностью иных политических институтов общества.

Соотношение процессов миграции и политики имеет разносторонний вид: миграция выступает как источник проблем, что требует принятия важных политических решений и обусловлено активностью политических акторов, и как объект влияния со стороны органов государственной власти в ходе принятия этих же решений.

Политологический подход к анализу миграционной политики в зарубежных исследованиях представлен А. Золбергом, Г. Фриманом, Дж. Холлифилдом, С. Штеттером²⁶. Зарубежные политологи в качестве цели государственной политики в области миграции пола-

²⁴ Хомра А. У. Миграция населения: вопросы теории, методики исследования. Киев: Наук. думка, 1979. С. 50.

²⁵ Мармора Л. Миграция в контексте социально-экономической политики // Миграция в России. 1998. № 3. С. 37.

²⁶ Zolberg A.R. The Next Waves: Migration Theory for a Changing World // International Migration Review. 1989. № 23(3); Freeman G.P. Models of Immigration Politics in Liberal Democratic States // Ibid. 1995. № 29(4); Stetter S. Regulation Migration: Authority Delegation in justice and Home Affairs // Journal of European Public Policy. 2000. Vol. 7.

гают наличие контролирующего режима за перемещениями людей, совокупность критериев близости мигранта к принимающему обществу и роль политических институтов в регулировании миграционных процессов и политической системы в целом.

В итоге, приведенные в работе подходы к политике в сфере миграции опираются на первостепенной роли государства в регулировании миграционных процессов. Таким образом, важно, исследуя миграционную политику определить центр принятия решений в лице государства, характеризуя его собственно государственной миграционной политикой.

Перейдем к рассмотрению собственно «государственной миграционной политики». Политика в сфере государственной деятельности – это строго направленное действие в решении различных общественных задач в области экономики, социальной среде, обороне и т.д., отражающие основные принципы и ценности использования власти²⁷.

Политика в сфере миграции выражает собой сложное социальное явление и образуется как комплекс связей и взаимодействий между участниками политических отношений – представителей власти национального, регионального и муниципального уровней, групп интересов, союзов предпринимательской деятельности по найму рабочей силы, политических партий, национально-культурных сообществ. В данном качестве понятие миграционная политика соотносится к термину “politics” – всему комплексу политических взаимоотношений, практик, видов политической активности, артикуляции общественных интересов, осуществляемых акторами политической деятельности. “Policy” – конкретные решения и действия, программы, концепции, принимаемые, как правило, органами государственной власти.

Миграционная политика государственного характера воспринимается как деятельность органов власти в процессе регулирования

²⁷ Соловьев А. И. Политология: Политическая теория, политические технологии. М.: ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2014. 575 с.

миграционной подвижности людей в ходе реализации задач по минимизации негативных последствий перемещений населения и формировании условий эффективной интеграции мигрантов. В данном случае государственная миграционная политика соотносится с понятием “policy” и отражает комплекс государственных управленческих мер, именуемый стратегией. Отличие понятий “politics” и “policy” на Западе воспринимается как отличие «политического» от собственно «политики».

В современной отечественной политологии в изучении миграции значение имеют оба этих понятия. Под их влиянием образуется иммиграционный режим – как система действий институтов власти, устанавливающих порядок въезда, так и возможности успешной интеграции мигрантов в среду принимающего общества.

В итоге, проблемы миграции, оказывающие воздействие на общественную среду принимающих стран, задевают интересы многих социальных групп, тем самым являясь причиной конфликтов и противоречий, отражают всю суть влияния их на политический процесс и политическую систему общества. Соответственно, взаимосвязь процессов политической жизнедеятельности общества и процессов, возникающих в ходе миграционной подвижности людей, несет порой различный оттенок и является причиной возникновения активности различных партийных и общественно-политических сил. Таким образом, политизируясь проблемы миграции, попадают в прямую связь с электоральными процессами.

Особенным для государства считается то, что оно имеет монополию на применение узаконенного насилия, но и, одновременно, является организацией обеспечивающей безопасность населения страны. Государство как центральный институт политической системы имеет монополию на принятие и издание правовых норм, и посредством этого оно в состоянии координировать и контролировать миграционные процессы. Кроме того, в самой политике изначально заложен основополагающий момент целеполагания, т.е. она возникает

и осуществляется ради определенных параметров желаемого состояния общества. Это – определенный способ использования средств и ресурсов, направленный на достижение цели, который представляет собой стратегию. В миграционной политике государства наблюдается регуляторная деятельность решения задач в области миграции, доминирующим является ценность реализации государственной власти.

Исходя из этого, важно отметить, что миграционная политика государства содержит два основных компонента – стратегическая и тактическая компоненты. А план реализации принятых государственных решений формируется исходя из стратегических и тактических соображений. Стратегический компонент присутствовал в утвержденной от 13 июня 2012 года Концепции государственной миграционной политики, в качестве ее целей. Кроме того, важен учет тактических задач. Тактическая компонента служит стратегической и представляет собой звенья, намеченные на достижение общих целей. Тактика зависит от стратегии.

Стратегия в миграционной политике государства является собой целеполагающую основу, определяемую на реализацию целей в долгосрочной перспективе. В свою очередь тактика представляет отдельные решения и действия, ориентированные на реализацию внутренних задач в стратегии. Здесь важно понимать, каковы основополагающие цели государства. Одной из важнейших целей является сохранение общенациональной безопасности государства – это определяет характер взаимообусловленности миграционного и политического процессов, что прослеживается в государственной миграционной политике. Отсюда управление процессами миграции – одно из государственных целей стратегии.

Структурно-функциональный подход является значимым для данной работы, в связи с тем, что политика рассматривается как целостность, сложный саморегулирующий механизм, вступающий в постоянные контакты с внешней средой – остальными областями общественной жизни, посредством «входа» и «выхода» политической си-

стемы. Притом что сама политическая система постоянно ощущает воздействие со стороны этой среды, т.е. миграционных процессов. Политическая система как саморегулирующий механизм выдвигает ответные действия, как реакция на импульсы внешней среды, приспосабливаясь к этим условиям, т.е. на вход политической системы поступают требования субъектов миграционного процесса, а на выходе принимаются решения и осуществляются действия именуемые стратегией миграционной политики государства. «Самодостаточность (системы) в отношении среды означает стабильность отношений взаимообмена в интересах собственного функционирования и способность контролировать взаимообмен в интересах собственного функционирования. Этот контроль может варьироваться от способности предотвратить или «пресечь» какие-то нарушения до способности благоприятным для себя образом формировать отношения со средой»²⁸.

В политической науке в рамках теории политических систем выделяются две среды системы, которые мы будем определять как факторы государственной миграционной политики – интрасоциетальные (внутренние) и экстрасоциетальные (внешние)²⁹. К первой относятся экономика, социальная жизнь, культура и т.д. Ко второй – сфера международной деятельности.

Внутренние факторы определяют условия, при которых образуются переселенческие потоки, имеющие связь с политической системой общества. Отсюда государственная политика в сфере миграции акцентирует внимание на развитие экономики в стране; стремится к сохранению социо- и этнокультурных ценностей населения, а, следовательно, нацеливается на приобщение мигрантов к социокультурной среде принимающего общества; решает проблемы демографического характера – восполнение численности населения за счет мигрантов.

²⁸ Parsons T. Some Reflections on the Place of Force in Social Process / H.Eckstei (ed.). Internal War: Basic Problems and Approaches. – New York: The Free Press of Glencoe, 1964.

²⁹ Easton D. ed. A system s Analysis of Political Life. N.Y., 1967.

Сфера международной деятельности в государственной политике о миграции характеризует глобалистский фактор. В процессе глобализации значимость придается развитию отношений на наднациональном уровне между участниками разных стран во многих сферах жизнедеятельности общества. Это побуждает к развитию взаимоотношений в сфере осуществления мировой хозяйственной деятельности, увеличиваются возможности миграционной мобильности рабочей силы. Затем возникают взаимобязательства между странами, подписываются акты и соглашения, направленные на регулирование миграции, что в достаточной мере сближает принципы миграционных политик государств. Данная деятельность способствует выработке правил и норм, согласно которым формируются модели миграционных режимов в мире.

Участие в глобальных международных процессах страны в русле формирования миграционных потоков во многом зависит от ее потенциальных возможностей. Разные по качеству международные миграционные потоки по-разному воздействуют на изменчивость сторон национальной хозяйственной деятельности. Эти воздействия могут иметь значимость или не иметь таковой, быть локальными, региональными, макроэкономическими, положительными, нейтральными или отрицательными по своему значению. Они в состоянии влиять на техническую и экономическую сферу, модернизацию страны, межкультурные связи населения, его этнокультурную особенность, на власть различного уровня, спектр политических институтов, трудовую сферу, рынок, занятость, безработицу, бюджет государственного и муниципального уровней, а также обладать возможностью иметь доступ к общенациональным ресурсам.

Таким образом, политическая система выражает интересы среды, определяемые как требования на входе системы в миграционной сфере, и разрешает их в форме принятых политических решений – на выходе системы, в качестве государственной политики в области миграции.

Государственная миграционная политика базируется на следующем основании (цели) – сохранение социальной устойчивости в стране, посредством регулирования миграционных процессов. Политическая система реагирует на импульсы, поступающие из окружающей среды – остальных областей общества, и стремится к устойчивости развития и функционирования, путем избегания конфликтных ситуаций, спровоцированной внешней (миграционной) средой.

Подводя к результатам важно отметить, что стратегическая компонента миграционной политики государства должна выражаться адекватной реакцией на импульсы окружающей среды и отвечать внешним и внутренним условиям для поддержания существования системы в целом.

Государство обозначает динамичность общего национального уровня политического процесса за счет принятия нормативно-правовых актов с целью их реализации органами, контролирующими и регулирующими миграцию. Процессы политической жизни способны определяться потоками миграции, и это ведет к политизации миграции, происходит формирование стратегических концепций в области регуляции процессов миграции.

От национального уровня возникает перенос на уровень региональный политического процесса в плане реализации стратегических целей, направленных на сохранение единства страны посредством контроля над миграционными потоками, приспособление в зависимости от региональных условий.

Как ранее отмечалось, процессы миграции различны по своему строению, природе и протеканию. Исходя из этого, принято делить миграцию на иммиграцию и эмиграцию. Отсюда полагаем, что государственная миграционная политика состоит из:

- эмиграционной политики;
- иммиграционной политики;
- реэмиграционной политики.

Рассмотрим различные подходы к разработке стратегии иммиграционной и эмиграционной политики. В парадигме институционального подхода В. А. Суворова определяет иммиграционную политику как государственную политику, субъекты которой стремятся реализовать интересы страны в процессе размещения мигрантов, нацеленных на временное пребывание, либо на постоянное место жительства³⁰.

Рассматривая государственную политику в области эмиграции, можно выделить следующие направления: снижение числа трудовых мигрантов, развитие возможностей возврата соотечественников, некогда покинувших пределы страны, их максимальная адаптация³¹.

При этом задачами государственной политики в области эмиграции являются: государственные меры по уменьшению числа незанятых граждан за счет ликвидации безработицы и выдворения нелегальных трудовых элементов из принимающей социальной среды, стимулирования поступлений финансовых средств от трудовых мигрантов за осуществление деятельности на территории принимающего государства. Эмигрантам за рубежом должен быть обеспечен соответствующий жизненный уровень; возвращение на родину эмигрантов сочетается с приобретением последними в зарубежных странах профессий и образования.

Итак, выделим следующее:

Во-первых, миграция и миграционные процессы представляют собой сложный массив проблем, требующий своего осмысления посредством междисциплинарных усилий, деятельностью экспертов социально-гуманитарного знания. Данный массив выражает направления демографического, экономического, правоведческого, психологического, социологического, культурологического и иных характеров и свойств. Политологический ракурс познания миграции и ми-

³⁰ Суворова В. А. Современная иммиграционная политика Российской Федерации: политико-правовой и институциональный аспекты: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2008. 25 с.

³¹ Любецкий В. В. Мировая экономика и международные экономические отношения. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2015. 350 с.

миграционных процессов играет особую роль в изучении места миграции в политических процессах и ее влияние на политическую жизнь общества.

Во-вторых, миграционные потоки приносят особые эффекты социально-политической жизни для принимающего общества и рассматриваются как трудовой и демографический потенциал и, одновременно, как вызов для социально-политической системы страны пребывания. Таким образом, складывается противоречие, влекущее за собой большое число конфликтов, приводящее субъектов политической деятельности к решению сложившихся проблем. Отсюда миграция констатируется как явление, которое неминуемо политизируется фактически в любой стране, где, так или иначе, происходят миграционные процессы.

В-третьих, соотношение процессов миграции и политики имеет разносторонний вид: миграция выступает как источник проблем, что требует принятия важных политических решений и обусловлено активностью политических акторов, и как объект влияния со стороны органов государственной власти в ходе принятия этих же решений.

В-четвертых, политика в сфере миграции выражает собой сложное социальное явление и образуется как комплекс связей и взаимодействий между участниками политических отношений – представителей власти национального, регионального и муниципального уровней, групп интересов, союзов предпринимательской деятельности по найму рабочей силы, политических партий, национально-культурных сообществ. В данном качестве понятие миграционная политика соотносится к термину “politics” – всему комплексу политических взаимоотношений, практик, видов политической активности, артикуляции общественных интересов, осуществляемых акторами политической деятельности. “Policy” – конкретные решения и действия, программы, концепции, принимаемые, как правило, органами государственной власти.

Миграционная политика государственного характера воспринимается как деятельность органов власти в процессе регулирования миграционной подвижности людей в ходе реализации задач по минимизации негативных последствий перемещений населения и формировании условий эффективной интеграции мигрантов. В данном случае государственная миграционная политика соотносится с понятием “policy” и отражает комплекс государственных управленческих мер, именуемый стратегией.

Наконец, в-пятых, проблемы миграции, оказывающие воздействие на общественную среду принимающих стран, задевают интересы многих социальных групп, тем самым являясь причиной конфликтов и противоречий, отражают всю суть влияния их на политический процесс и политическую систему общества. Соответственно, взаимосвязь процессов политической жизнедеятельности общества и процессов, возникающих в ходе миграционной подвижности людей, несет порой различный оттенок и является причиной возникновения активности различных партийных и общественно-политических сил. Таким образом, политизируясь проблемы миграции, попадают в прямую связь с электоральными процессами.

Литература

1. Акмалова, А. А. Социальная работа с мигрантами и беженцами [Текст]: учеб. пособие / А. А. Акмалова, В. М. Капицын. – М.: НИЦ ИНФРА-М, 2015. – 183 с.

2. Бондырева, С. К. Миграция (сущность и явление) [Текст]: учеб.-метод. пособие / С. К. Бондырева. – М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО МОДЭК, 2004. – 294 с.

3. Воробьева, О. Д. Миграционные процессы населения: вопросы теории и государственной миграционной политики [Текст] / О. Д. Воробьева // Проблемы правового регулирования миграцион-

ных процессов на территории Российской Федерации. Аналитический сборник Совета Федерации ФС РФ. – 2003. – № 9 (202). – С. 6.

4. Гельбрас, В. Г. Россия в условиях глобальной китайской миграции [Текст]: монография / В. Г. Гельбрас. – М.: Муравей, 2004. – 203 с.

5. Денисенко, М. Б. Миграциология [Текст] / М. Б. Денисенко, В. А. Ионцев, Б. С. Хорев. — М.: Изд-во МГУ, 1989. — 96 с.

6. Дидух, Н. Н. Трудовая миграция как фактор развития Дальневосточного региона (социологический анализ) [Текст]: монография / Н. Н. Дидух. – Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2008. – 113 с.

7. Док. ООН/CN.4/SER.A/1993/Add.1 // Ежегодник комиссии международного права [Текст]. Т. 2. Нью-Йорк; Женева: ООН. – 1993. – Р. 32.

8. Ефимов, Ю. Г. Миграция в современном политическом процессе [Текст]: дис. ... д-ра полит. наук 23.00.02: защищена 25.06.07 / Ефимов Юрий Германович. – Ставрополь, 2007. – 289 с.

9. Ефимов, Ю. Г. Политическая миграциология: миграционные процессы в контексте политологических проблем [Текст]: монография / Ю. Г. Ефимов. – М.: ООО "НТИ-КОМПАКТ", 2005. – 202 с.

10. Жеребцов, А. Н. Концепция административно-правового регулирования миграционных отношений в Российской Федерации) (Комплексный анализ теории и практики) [Текст]: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А. Н. Жеребцов. – М., 2009. – 57 с.

11. Зайончковская, Ж. А. Миграция населения и рынок труда в России [Текст] / Ж. А. Зайончковская // Программа по исследованию миграции. Вып. VII. М.: ИНП РАН, РЭНД, 1993. – 174 с.

12. Зайончковская, Ж. А., Переведенцев, В.И. Современная миграция населения Красноярского края [Текст] / Ж. А. Зайончковская, В. И. Переведенцев // Акад. наук СССР, Сибирское отделение, Ин-т экономики и организации пром. производства. – Новосибирск: 1964. – 105 с.

13. Козырев, Ю. Н. Демографическое развитие – гипотезы и решения [Текст] / Ю. Н. Козырев // Сб. Демографические тетради. – Вып.8. – Киев, 1973. – С. 62-80.
14. Мармора, Л. Миграция в контексте социально-экономической политики [Текст] / Л. Мармора // Миграция в России. – 1998. – № 3. – С. 37.
15. Метелев, С. Е. Международная трудовая миграция и развитие российской экономики [Текст]: монография / С. Е. Метелев. – М.: ЮНИТИ: Закон и право, 2006. – 269 с.
16. Мукомель, В. И. Миграционная политика России. Постсоветские контексты [Текст]: монография / В. И. Мукомель. – М.: Диполь-Т, 2005. – 351 с.
17. Политическая энциклопедия [Текст]: В 2 т. / Г. Ю. Семитин. – М.: Мысли, 1999. – Т. 1. – 701 с.
18. Рыбаковский, Л. Л. Региональный анализ миграций [Текст]: монография / Л. Л. Рыбаковский. – М.: Статистика, 1973. – 159 с.
19. Рыбаковский, О. Л. Миграция населения между регионами: проблемы методологии и методики анализа [Текст]: монография / О. Л. Рыбаковский. – М.: Экон-Информ, 2008. – 287 с.
20. Слизовский, Д. Е. Национальная безопасность и миграционные процессы: концептуальные аспекты проблемы [Текст]: коллективная монография / Д. Е. Слизовский // Приоритетные направления стратегии национальной безопасности Российской Федерации. – Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2011. – 672 с.
21. Соловьев, А. И. Политология: Политическая теория, политические технологии: уч. / А. И. Соловьев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2014. – 575 с.
22. Суворова, В. А. Современная иммиграционная политика Российской Федерации: политико-правовой и институциональный аспекты [Текст]: автореф. дис. ... канд. полит. наук / В. А. Суворова. – Москва, 2008. – 25 с.

23. Файзуллина, А. Р. Миграционная политика в современной России: федеральный и региональный аспекты [Текст]: дис. ... канд. полит. наук 23.00.02: защищена 20.09.07 / Файзуллина Альбина Раисовна. – Уфа, 2007. – 186 с.
24. Хомра, А. У. Миграция населения: вопросы теории, методики исследования [Текст] / А. У. Хомра. – Киев: Наук. думка, 1979. – 146 с.
25. Шекихачева, Н. И. Теоретико-методологические подходы к изучению миграционных процессов [Текст] / Н. И. Шекихачева // Сб. науч. трудов Северо-Кавказского государственного технического университета. Сер. «Гуманитарные науки». – 2005. – № 1 (13).
26. Юдина, Т. Н. О социологическом анализе миграционных процессов [Текст] / Т. Н. Юдина // Социологические исследования. – 2002. – № 10.
27. Юдина, Т. Н. Социология миграции [Текст]: учеб. пособие / Т. Н. Юдина. – М.: Академический проект, 2006. – 272 с.
28. Easton D. ed. A system s Analysis of Political Life. – N.Y., 1967.
29. Freeman G.P. Models of Immigration Politics in Liberal Democratic States // Ibid. 1995. – №29(4).
30. Parsons T. Some Reflections on the Place of Force in Social Process / H.Eckstei (ed.). Internal War: Basic Problems and Approaches. – New York: The Free Press of Glencoe, 1964.
31. Stetter S. Regulation Migration: Authority Delegation in justice and Home Affairs // Journal of European Public Policy. – 2000. – Vol. 7.
32. Zolberg A.R. The Next Waves: Migration Theory for a Changing World // International Migration Review. 1989. – №23(3).

1.2. Миграционные риски как объект исследования

Труфанов Д.О., Феньвеш Т.А.

Выявление, изучение и прогнозирование миграционных рисков – актуальные задачи для любого социума, в котором осуществляются активные миграционные процессы³². Решение этих задач требует теоретического осмысления миграционных рисков, построения теоретической модели для их анализа и эмпирического исследования. Отправной точкой такого анализа выступает определение понятия «миграционный риск», выражающее его существенные признаки. В общественных науках риск обсуждается как реальная или субъективно воспринимаемая вероятность возникновения неблагоприятных событий (опасных, кризисных явлений), которые могут снизить уровень защищенности человека и общества от внутренних и внешних угроз³³. Понятием «миграционный риск» исследователи обозначают

³² Боришполец К. Бабаджанов А. Миграционные риски стран Центральной Азии: Аналитические записки. Выпуск 2(22) (февраль 2007). Научно-координационный совет по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. М., 2007; Отношение взрослого населения Красноярского края к представителям других национальностей, иностранным трудовым мигрантам и национальному экстремизму (по результатам социологических исследований, апрель-май 2015 г.) // Информационный бюллетень по вопросам межэтнических, межконфессиональных и миграционных отношений в Красноярском крае № 9. Красноярск: Поликор, 2015. 160 с.; Практика взаимодействия сибирского региона в сфере реализации государственной национальной политики: поликультурная образовательная платформа Сибирского федерального университета: коллективная монография / отв. ред. О. Г. Смолянинова. Красноярск: Гротеск, 2016. 236 с.; Сакаев В.Т. Миграции в Российской Федерации в XXI веке: социально-политические риски // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. Кн. 1. С. 214-221; Труфанов Д.О., Рафиков Р.Г. Миграционное пространство региона и его деформации // *Siberian Socium*. 2018. Том 2. № 1. С. 97-114.

³³ Риск в социальном пространстве / Под ред. А.В. Мозговой. М.: Изд-во Института социологии РАН. 2001. 347 с.; Савочкин Д.В., Кунах М.В., Труфанов Д.О., Антипина О.И., Горбунов В.А. Основы сервиса безопасности: Учебное пособие. Красноярск: филиал НОУ ВПО «Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права» в г. Красноярске, 2016. 156 с.; Шлыкова Е.В. «Риск» как фактор интолерантного отношения к мигрантам // *Социология: методология, методы, математическое моделирование*. 2010. №30 (январь-июнь). С. 151-180; Яницкий О.Н. Социология риска: ключевые идеи // *Мир России*. №1. 2003. С. 3-35.

меру неопределенности, вероятность возникновения неблагоприятных событий, явлений, процессов, обусловленную прибытием на конкурентную территорию мигрантов – представителей других государств, национальностей, культур. Формирование миграционных рисков может приводить к социальным деформациям – отклонениям от нормального хода социальных процессов, которые снижают качество социальных связей и способствуют возникновению дисфункций социальных систем.

Миграционные риски всегда связаны с территорией, на которой существует социальное пространство – совокупность социальных акторов, их связей, действующих в определенных ценностно-нормативных условиях. Такой территорией могут быть населенный пункт, регион, государство, какая-либо другая локация, где реализуются социальные связи между социальными акторами. Социальные пространства, формирующиеся на различных территориях, имеют как общие черты, так и отличительные, характеризующие уникальные условия реализации социальных связей. Они представляют собой контекст, в котором осуществляются миграционные процессы и возникают миграционные риски. Миграционный риск – показатель вероятности негативной деформации социального пространства в результате миграционных процессов.

Миграционные риски формируются в особом социальном поле³⁴ социального пространства – миграционном пространстве. Оно возникает в результате прибытия на территорию иностранных (инокультурных) мигрантов, которые вступают в отношения с принимающим обществом. Прибытие мигрантов создает особое социальное поле в социальном пространстве региона ввиду того, что мигранты, их сообщества и организации становятся новым социальным актором,

³⁴ В терминологии П. Бурдьё, который определил социальное пространство как совокупность социальных полей различной направленности. См.: Бурдьё П. Социология социального пространства / П. Бурдьё; пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 15-17.

вступающим в отношения с принимающим социумом. Специфика этого нового актора обусловлена тремя основными обстоятельствами: 1) инокультурные мигранты обладают собственной национально-культурной идентичностью, которая проявляется в их мировоззрении, образе жизни, социальном поведении; 2) мигранты образуют этносоциальные общности в принимающем социуме (диаспоры, национально-культурные автономии), в которых воспроизводят собственную культуру или ее элементы; 3) иностранные мигранты на территории прибытия приобретают особый правовой статус, их положение становится объектом государственного регулирования: устанавливается порядок их прибытия, пребывания, осуществления трудовой деятельности и др.³⁵ Теоретически возможно использование более широкого понимания миграционного пространства, включающего инокультурных мигрантов, прибывших из других районов одной территории (например, из регионов страны). При этом если прибывшие мигранты не обладают собственной национально-культурной идентичностью, отличающейся от идентичности принимающего социума, они не образуют качественно новых связей в социальном пространстве региона и интегрируются в уже сложившиеся связи и отношения.

Таким образом, миграционное пространство какой-либо территории представляет собой особое социальное поле – совокупность социальных связей, одним из субъектов-участников которых выступают иностранные (инокультурные) мигранты. В этом социальном поле формируются и осуществляются миграционные риски. Они способны оказывать значительное влияние на существование и функционирование других полей социального пространства – политического, экономического, культурного, этнического и др.

Миграционные риски формируются на различных уровнях миграционного пространства. Рассмотрим их с точки зрения трехуров-

³⁵ Труфанов Д.О., Рафиков Р.Г. Миграционное пространство региона и его деформации // *Siberian Socium*. 2018. Том 2. № 1. С. 97-114.

невой модели миграционного пространства региона³⁶ и результатов эмпирических исследований, проведенных под руководством Д.О. Труфанова в Красноярском крае. С нашей точки зрения, данная модель позволяет произвести систематическую оценку миграционных рисков в регионе и создать карту миграционных рисков, которая может способствовать повышению эффективности деятельности по управлению рисками в миграционном пространстве. С целью придания анализу прикладного характера, рассмотрим *миграционные риски региона* как эмпирически конкретного объекта с известными границами.

Трехуровневая модель миграционного пространства построена на основе теоретических принципов универсального подхода в социологии, разработанного В.Г. Немировским³⁷. С позиции данного подхода одна из базовых характеристик социальной системы – существование трех уровней, на которых разворачиваются социальные процессы. Первый уровень представлен социальными акторами, их количественными и качественными характеристиками, особенностями их размещения на территории; второй уровень характеризует социальные связи и практики взаимодействия между акторами, которые выражаются в существовании и функционировании социальных общностей, организаций, институтов; на третьем уровне представлены коммуникативные продукты, формирующиеся в ходе социальных взаимодействий – социальные нормы, ценности, коллективные мнения, смыслы, нарративы.

С точки зрения данного подхода, первый уровень миграционного пространства региона выражает 1) количество иностранных (ино-

³⁶ Труфанов Д.О., Рафиков Р.Г. Миграционное пространство региона и его деформации // *Siberian Socium*. 2018. Том 2. № 1. С. 97-114.

³⁷ Немировский В. Г. Универсальная парадигма современной российской социологии как перспектива развития / В. Г. Немировский // *Социология. Научно-теоретический журнал*. 2004. № 1. С. 39-49; Немировский В. Г. Универсальный подход к динамике социальных систем: анализ и прогнозирование: монография / В. Г. Немировский, В. И. Кудрявцева. Красноярский гос. ун-т, Белорусский гос. ун-т. Красноярск: Минск, 2003. 158 с.

культурных) мигрантов в регионе, их этнические и культурные особенности, 2) особенности размещения мигрантов на территории, наличие мест компактного проживания, 3) наличие диаспоры и ее размер, 4) уровень обеспеченности мигрантов основными социальными ресурсами – медицинской и социальной помощью, юридическим сопровождением, доступом к необходимым благам³⁸. На этом уровне возникают характерные для него миграционные риски, которые могут способствовать появлению следующих основных деформаций миграционного пространства:

1. Повышение уровня конкурентных отношений по поводу дефицитных ресурсов между мигрантами и группами принимающего общества. Объем ресурсов, размещенных на территории, может быть недостаточен для обеспечения основных потребностей прибывающих мигрантов ввиду значительного количества приезжих. Мигранты нуждаются в обеспечении жильем, медицинскими, социальными, юридическими услугами. Так, по результатам исследования в Красноярском крае, до 48% мигрантов из стран Центральной Азии обращаются за помощью в больницы и поликлиники региона. На эти ресурсы также претендуют мало защищенные в социальном отношении группы принимающего общества. В условиях ограниченности объема социальных ресурсов на территории, конкуренция за них способна выступить фактором роста уровня конфликтности в отношениях между мигрантами и принимающим социумом.

2. Появление мест компактного проживания прибывающих на территорию мигрантов. Данный риск способен привести к формированию относительно замкнутых общностей, в которых формируются особые ценностно-нормативные условия, воспроизводятся социальные институты и модели поведения, характерные для национальных культур мигрантов. Такие общности нередко становятся в той или иной мере закрытыми для коммуникации с принимающим обще-

³⁸ Труфанов Д.О., Рафиков Р.Г. Миграционное пространство региона и его деформации // *Siberian Socium*. 2018. Том 2. № 1. С. 97-114.

ством, в том числе для органов власти, ориентированных на взаимодействие с мигрантами. Данное обстоятельство может выступить благоприятной почвой для распространения различного рода девиаций в сообществах мигрантов, в том числе связанных с продвижением радикальных религиозных идей и установок. Этот риск также способствует увеличению социальной дистанции между принимающим обществом и мигрантами.

3. Низкий уровень профессиональной квалификации, социальных и личностных компетенций части мигрантов, прибывающих в регион. Как свидетельствуют результаты исследований, этот фактор способен выступить поводом для роста конфликтности в отношениях мигрантов и принимающего общества и, в частности, стать одним из оснований для распространения напряженности в межнациональных отношениях. Так, в контексте трудовых отношений мигрантов с работодателями из числа принимающего населения нередко встречаются ситуации, когда представители мигрантов не могут качественно выполнить профессиональные задачи, поставленные перед ними работодателями (например, в сфере строительства). В результате работодатели предъявляют претензии работникам-мигрантам, накладывают на них экономические санкции. Мигранты, в свою очередь, видят причину такого отношения к себе скорее в недобросовестности работодателя и дискриминации по национальному признаку с его стороны. Вследствие этого среди мигрантов формируются коллективные мнения о дискриминационном характере отношения работодателей к работникам-мигрантам, что способствует распространению негативного восприятия работодателей-представителей принимающего общества.

Одной из значимых компетенций, необходимых для успешной адаптации мигрантов в российских регионах, выступает знание русского языка. Исследования свидетельствуют, что отсутствие или слабое знание языка входит в тройку наиболее актуальных проблем, с которыми сталкиваются иностранные трудовые мигранты из Цен-

тральной Азии в Красноярском крае. С течением времени данная проблема будет приобретать актуальность, т.к. в миграционные потоки все больше включаются представители молодежи, которые получили образование в национальных школах своих государств, где русский язык зачастую не входит в обязательную программу обучения. Следует ожидать, что прибытие в регион мигрантов со слабым знанием русского языка будет способствовать увеличению социальной дистанции между мигрантами и принимающим обществом, росту уровня закрытости этносоциальных общностей мигрантов в регионе прибытия, снижению возможностей адаптации и социализации мигрантов в ценностно-нормативных условиях региона.

4) Наличие в регионе диаспор, объединяющих выходцев из стран выбытия мигрантов. С одной стороны, крупная диаспора становится фактором стимулирования прибытия мигрантов в регион. Этот фактор связан с возможностью снижения издержек для вновь прибывающих мигрантов, которые получают помощь и поддержку со стороны соотечественников, объединенных в диаспору. Особенно это касается представителей мигрантов со слабым знанием русского языка или дефицитом других личностных, социальных или профессиональных компетенций. С другой стороны, рост диаспоры может способствовать увеличению социальной дистанции между мигрантами и принимающим обществом, снижению эффективности процессов адаптации и интеграции мигрантов в регионе.

На втором уровне миграционного пространства существуют риски, связанные с организацией и практиками социальных взаимодействий с участием мигрантов в регионе. Исследования свидетельствуют, что актуальными рисками данного уровня в настоящее время выступают следующие.

1) Затруднения в функционировании социальных сервисов, нацеленных на обслуживание прибывающих в регион мигрантов (миграционная служба, сервисы по оформлению документов и др.). Возникающие здесь риски в основном связаны с длительностью и слож-

ностью процедуры оформления документов на пребывание мигрантов на территории региона и осуществление трудовой деятельности, размером платы за услуги по оформлению документов, отношением сотрудников организаций-поставщиков услуг к клиентам-мигрантам. На подобные сложности представители сообществ мигрантов указывают в ходе фокус-групповых интервью. Эти риски могут способствовать поиску мигрантом альтернативных возможностей для обеспечения своего пребывания на территории, в том числе выходящих за пределы правового поля. Формирование запроса на такие услуги (помощь в оформлении документов, поиске жилья, устройстве на работу без необходимого юридического оформления, получение денежных ссуд) приводит к появлению теневых организаций и групп, в том числе из числа ранее прибывших на территорию мигрантов, которые данные услуги оказывают. В результате возникает тенденция к росту уровня девиантного и делинквентного поведения среди мигрантов, перехода части мигрантов во внеправовое поле.

2) Недостаточная эффективность концепции управления миграционными отношениями в регионе. Риски здесь возникают в случае, если подходы к регулированию данных отношений не решают задачу интеграции и адаптации мигрантов в принимающем социуме.

3) Конфликтный характер отношений иностранных мигрантов с принимающим социумом. Он обусловлен культурными различиями мигрантов и принимающего общества: и первые, и вторые рассматривают друг друга как “out-groups” – носителей иной идентичности, иных социальных практик, нарративов и символов³⁹. Эти различия приводят к появлению социальной дистанции между мигрантами и принимающим обществом, размер которой зависит от величины различий между ними. Как показывают исследования, чем сильнее

³⁹ Ruspini P. Forms and Features of the Post-Enlargement Migration Space / P. Ruspini // The Romanian Journal of European Studies. 2005. No 4. Pp. 9-19.

межкультурные и межэтнические различия, тем больше социальная дистанция между мигрантами и принимающим обществом⁴⁰.

Миграционные риски третьего уровня приобретают особую актуальность в современном информационном обществе. Они связаны с образами «Другого» в представлении сообществ мигрантов и принимающего общества. Данные образы, как правило, сопряжены с восприятием мигрантов и принимающего общества сквозь призму отношения к их этническим характеристикам. В современном мире явление полиэтничности (инокультурности) скорее становится нормой, чем исключением. Очевидно, что ни одна этническая общность не может существовать в абсолютной изоляции от других этнических групп. При этом этносы вступают во взаимодействие при различных обстоятельствах и на различных уровнях функционирования общества. В современном мире информационная среда в силу своей плотности и всеохватности делает возможным перенос любых символических объектов практически мгновенным в любую точку культуры. К таким символическим (знаковым) объектам можно отнести образ «Другого», формирующийся в любой культуре и отражающий групповую идентичность.

Осознание принадлежности к определенной этнической группе может вызывать у человека эмоциональные переживания как позитивные, так и негативные, т.е., приобретать эмоциональные и ценностные значения, приписываемые членству в группе. Д. Кемпбелл

⁴⁰ Отношение взрослого населения Красноярского края к представителям других национальностей, иностранным трудовым мигрантам и национальному экстремизму (по результатам социологических исследований, апрель-май 2015 г.) // Информационный бюллетень по вопросам межэтнических, межконфессиональных и миграционных отношений в Красноярском крае № 9. Красноярск: Поликор, 2015. 160 с.; Панина Н. В. Факторы национальной идентичности, толерантности, ксенофобии и антисемитизма в современной Украине / Н. В. Панина // Социология: теория, методы, маркетинг. 2005. № 4. С. 26-45; Практика взаимодействия сибирского региона в сфере реализации государственной национальной политики: поликультурная образовательная платформа Сибирского федерального университета: коллективная монография / отв. ред. О. Г. Смолянинова. Красноярск: Гротеск, 2016. 236 с.

выделяет следующие психологические характеристики, свойственные по его мнению, всем людям:

1. Считать то, что происходит в их культуре естественным и правильным, а то, что происходит в других культурах, напротив, неестественным и неправильным;

2. Рассматривать обычаи и традиции своей группы как универсальные – что хорошо для нас, то хорошо и для других;

3. Считать ценности, модели поведения и нормы своей группы единственно и безусловно верными;

4. Считать помощь членам своей группы и кооперацию с ними естественной;

5. Действовать только в интересах своей группы, несмотря на ущерб, приносимый другим;

6. Испытывать чувство гордости за свою группу;

7. Чувствовать и не скрывать неприязнь к членам других групп⁴¹.

Можно сказать, что мы считаем свою этническую культуру стандартом, и все, что от него отклоняется, мы оцениваем негативно. При этом очевидно предположить, что уровень потенциального негативизма оценки определяется степенью различия самих культур. А. Фарнхем и С. Бочнер предложили понятие «культурной дистанции» для классификации культур по степени их различий по темам:

1. Климат.
2. Одежда.
3. Пища.
4. Язык.
5. Религия.
6. Уровень образованности.
7. Материальный комфорт.
8. Структура семьи.

⁴¹ Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию / Н.М. Лебедева. М.: «Ключ–С», 1999. 224 с.

9. Обычаи ухаживания.

10. Проведение досуга.

Согласно концепции социальной идентичности Г. Теджфела индивид демонстрирует положительный когнитивный и эмоциональный уклон в пользу ингруппы и негативный в сторону аутгруппы (аутгрупповая враждебность). Индивиду свойственно оценивать свою группу (ингруппу) позитивно, и этот положительный уклон в пользу «своей» группы, получивший название ингруппового фаворитизма, совершенно естественен, нормален. Он лежит в основе социально-психологического механизма, обеспечивающего на индивидуальном уровне необходимое личное самоуважение, а на групповом – сохранение и воспроизведение групповой культуры, ее ценностей, норм, моделей поведения и восприятия мира. Обратной стороной ингруппового фаворитизма является аутгрупповая враждебность, или негативная оценка других групп, с которыми индивид себя не идентифицирует. При этом аутгрупповая враждебность может возникнуть и без выраженного межгруппового противостояния или конфликта, будучи следствием естественного процесса деления человечества на группы (классы, слои, страты, этнические образования).

В настоящее время особое значение приобрели миграции, особенно трудовые. Миграции населения как сложное социально-культурное явление существуют с древнейших времен, но только в новейшее время процесс миграций утрачивает инвазивный характер и эволюционирует в постоянно делящееся явление. Межэтнические контакты в этих условиях на групповом уровне становятся неизбежным результатом массовых этнических миграций. Всё это происходит на фоне того, что в начале XXI века в мире значительно увеличился объём международных миграций, охвативший все географические регионы. Представители разных этносов переезжают как в соседние страны, так и на другие континенты. Они могут быть как трудовыми мигрантами и беженцами из неблагоприятных регионов мира, так и высококвалифицированными специалистами. Любопытной тенден-

цией развития обоих видов миграции является заметное изменение демографической структуры миграционных потоков. До недавнего времени в ней преобладали мужчины трудоспособного возраста. Однако сейчас наблюдается увеличение числа детей, женщин и людей пожилого возраста⁴². Хотя в действительности очень сложно искусственно разделить миграцию на отдельные виды ввиду того, что мотивации людей никогда не бывают однозначными, а состоят из множества различных причин. Но главная из них – всё же поиск лучших условий для проживания. Кроме того, положительное самоощущение, как резидентов, так и мигрантов проявляется не прямо, а, как полагает А.В. Дмитриев, путём указания на различные недостатки окружающей их общественной среды. Отрицательная оценка собственного положения, связанная с реакцией страха («страх неадекватности»), способствует объяснению собственной «обделённости» при помощи факторов, независимых от индивида, вплоть до иллюзорного толкования личных неудач. Фрустрация неизбежно вызывает агрессию и желание сохранить положение доминирующих. Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Объективные характеристики мигрантов и местного населения в своей основе не совпадают с их мнением друг о друге. Те и другие преувеличивают свои различия.

2. Негативная стереотипизация коррелирует с проявлением конфликтов, при этом этнические характеристики преобладают по сравнению с другими.

3. Чем чаще и ближе межкультурные контакты, тем выше схожесть групп (русские – украинцы, русские – белорусы и т. д.) При возрастании конкуренции за рабочие места или воздействии внешних факторов (обострение межгосударственных отношений) это чувство сходства заметно исчезает.

⁴² Дмитриев А.В. Конфликтогенность миграций: теоретические и практические проблемы//Социологическая наука и социальная практика. 2015. №1. С. 16-29.

4. Обсуждение миграционных конфликтов на тех или иных уровнях, в том числе и в средствах массовой информации, способно привести не только к положительным, но и к отрицательным результатам⁴³.

Дело в том, что в ходе взаимодействий обострение отрицательного первоначального мнения в отношении мигрантов практически неизбежно. В определённых условиях это мнение может измениться под нормативным давлением. В данном случае имеются ввиду не только юридические нормы, но и нормы морали и нравственности. В целом, комплекс превосходства, характерный для многих коренных жителей, сопровождается возрастающей неприязнью по отношению к мигрантам, что, естественно, вызывает соответствующую реакцию последних и, как следствие, создаёт «встречные» образы, характеристики которых почти полностью совпадают в деталях. По сути дела, происходит «зеркальное отражение» претензий сторон⁴⁴. Это явление не ново, оно существует во многих странах, в том числе и в России. Мигранты вынуждены вступать в более или менее длительное взаимодействие с представителями доминирующей культуры. Все исследователи в этой области сходятся в одном – ни одна миграция не проходит бесконфликтно. Столкновение систем ценностей, норм и правил поведения неизбежно создает социальную напряженность на всех уровнях функционирования общества, таким образом, происходит «нарушение механизмов социальной идентификации, в том числе этнической и гражданской, что резко снижает возможности интеграции мигрантов в другую культуру. Именно у мигрантов кризис идентичности следует рассматривать как специфическую форму психической дезадаптации. Если рассматривать кризис идентичности вынужденного мигранта как процесс, то в нем можно выделить два этапа. Первый этап заключается в трансформации социальной идентичности мигранта в целом на основе изменения этнической идентичности.

⁴³ Дмитриев А.В. Конфликтогенность миграций: теоретические и практические проблемы//Социологическая наука и социальная практика. 2015. №1. С. 16-29.

⁴⁴ Там же.

Второй этап кризиса идентичности связан с попаданием мигрантов в новую социокультурную среду, где они, помимо того, что испытывают «культурный шок», нередко сталкиваются с негативным отношением со стороны местного населения. Это еще более усугубляет кризис этнической идентичности, так как, вне зависимости от этнической принадлежности мигрантов, они воспринимаются местным населением как «чужие»⁴⁵. Реакция на эти проявления во многом определяется преобладающим типом этничности (этнической идентичности) как мигрантов, так и представителей доминирующего этноса. Кроме того, ситуация усугубляется в случае с мигрантами, прибывающими на постоянное место жительства или на неопределенно долгое время. Проблема отношения «Мы» – «Они» трагедизируется осознанием неизбежности адаптации к иной культуре со стороны носителей прибывающей культуры и нежеланием принимать носителей чуждой культуры со стороны общественного сознания страны-реципиента. Здесь усиливается стремление пребывающей группы сохранить национальное окружение как психологический противовес неизбежной и, возможно, необратимой адаптации. Контакты с соотечественниками, в этой ситуации, для мигрантов становятся более важными контактов вовне. Угроза целостности группы и положительной групповой идентификации (положительной этничности) часто приводит к возникновению неадекватности ингруппового и аутгруппового восприятия. Здесь, с одной стороны, усиливается воздействие автостереотипов, приводящее к в усилению этнической интолерантности, этноцентризму и, в некоторых ситуациях, к проявлениям национализма. С другой стороны, активизируются гетеростереотипы, в результате чего формируется негативный образ «другого», неизбежно трансформирующийся в образ «врага». Здесь можно говорить о ксении, т.е. такой форме взаимодействия этносов, когда прибывающий малочисленный по отношению к доминирующему, этнос

⁴⁵ Ковалева Н. И. Этническая идентичность как проблема социализации детей-мигрантов в образовательной среде / Н.И. Ковалева // Молодой ученый. 2016. № 9. С. 1027-1029.

ограничивает свои связи с принимающей стороной на неопределенное время, стремясь сохранить свою этнокультурную целостность⁴⁶. Процессы геттоизации усиливаются, когда возникает явная необходимость меньшинствам усвоить базовые ценности, нормы, знания и образцы новой социокультурной среды, а принимающему сообществу – адаптировать свои социальные институты к потребностям и запросам всех составляющих его этнических групп⁴⁷. Сопротивление нарастает с обеих сторон, выражаясь в усилении оппозиции «мы» – «они».

Реальное положение членов недоминирующих этнических групп в ситуации замкнутости можно оценить по ряду измеримых показателей:

1. Уровень детской смертности.
2. Уровень смертности взрослых от несчастных случаев, случаев суицида и насильственной смерти.
3. Распространение респираторных инфекционных заболеваний;
4. Алкоголизм.
5. Количество неполных семей, разводов, внебрачных детей, аборт, случаев отказа родителей о воспитания детей.
6. Низкое качество жилья, скученность.
7. Чувство зависимости, социальная пассивность.
8. Высокий уровень преступности, включая подростковую.
9. Безработица⁴⁸.

На сегодняшний день результаты большинства исследований в области кросс-культурных взаимодействия укладываются в рамки теории «культурного шока» (К. Оберг)⁴⁹. Контакт с иной культурой неизбежно вызывает эмоциональное потрясение, приводящее к нарушению психического здоровья в то или иной степени как этнической группы в целом, так и отдельных ее представителей. Мы восприни-

⁴⁶ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. М., 1997. С. 138.

⁴⁷ Кашпур В.В., Поправко И.Г. Социокультурная адаптация мигрантов: проблемы и стратегии (томский кейс). 2011. С. 88-93.

⁴⁸ Садохин А.П. Этнология: Учебник для ВУЗов/А.П. Садохин. М., 2005. 287с.

⁴⁹ Oberg K. Cultural shock: adjustment to new cultural environments// Practical anthropology, 1960. №7. Pp.177-182.

маем себя и других через систему символических сигналов социального окружения, включающую вербальные и невербальные способы общения. Эта система позволяет нам ориентироваться и действовать в ситуациях привычной повседневной жизни. При этом психологическое состояние каждого человека зависит от проявлений культуры, многие из которых не осознаются. Но в условиях инокультурной среды система сигналов становится неадекватной вызовам, что выражается в нарастающем чувстве неопределенности настоящего и непредсказуемости будущего. Как полагают А. Фарнхем и С. Бочнер⁵⁰, основными показателями культурного шока являются:

1. Чрезмерная забота о питьевой воде, посуде и постели.
2. Боязнь физического контакта с представителями иной культуры.
3. Чувство тревоги и беспомощности.
4. Стремление ограничить контакты только представителями своей культуры.
5. Страх быть униженными или оскорбленными представителями иной культуры. Здесь необходимо учитывать влияние следующих факторов:

1. Качество и количество различий в ценностной системе культур выхода и поселения.
2. Уровень толерантности к иным ценностным системам.
3. Возможность и способность к изменению своей ценностной системы (индивидуальная когнитивная сложность).

В геттоизированных этнических пространствах возрастают информационные риски, выражающиеся в резком искажении информации о внешнем окружении ксении.

Общее содержание этнического поведения можно выразить в следующих парадигмах:

1. Образ врага (другой, локализация источника зла).

⁵⁰ Furnham A., Bochner S. Culture Shock: Psychological reactions to unfamiliar environment. - L. & N.Y., 1986.

2. Образ себя или образ покровителя (локализация источника добра).

3. Представление об образе действия (противодействия) в борьбе с врагом⁵¹.

Здесь находит свое отражение механизм социально-психологической защиты при столкновении с иной культурой или инокультурном влиянии, направленный на сплочение своей группы и отдаление от другой (иной) культуры. Этот механизм предполагает формирование объекта, нуждающегося в защите. В этом качестве выступает сама этническая группа. Такие ее характеристики, как уникальность и отличность от других особенно подвержены опасности при столкновении с инокультурной средой, что неизбежно приводит к повышенной тревожности группы. Страх утраты собственной идентичности можно по силе эмоций сравнить со страхом смерти. Чем традиционнее культура пребывающей группы, тем выше ценность рода, выраженная в сознании кровного единства. Разрушение внутренней логики этнического существования группы приобретает форму рисков быть – не быть. Образ другого – первоначально обедненная по содержанию категория – в спокойном состоянии межэтнических отношений схематичен и однороден. Однако в условиях повышенной тревожности группы он неизбежно усложняется, детализируется, приобретает все более угрожающие и даже демонические черты. При этом «Мы», сплываясь, стремимся обособиться от «Них». В работе, посвященной народным представлениям о теле «инородца», О. Белова пишет: «В традиционной народной культуре образ любого этнически или конфессионально “чужого” может быть описан при помощи стандартной схемы. Выделяется ряд ключевых позиций, по которым “опознается” чужой среди своих: внешность, запах, отсутствие души, сверхъестественные свойства (способности к оборотничеству, магии и колдовству, чаще вредоносному); “неправильное”, с точки зрения носителя местной традиции, поведение (обусловленное “чужими” и,

⁵¹ Садохин А.П. Этнология: Учебник для ВУЗов/А.П. Садохин. М., 2005. 287с.

следовательно, неправильными, греховными, демоническими, ритуалами и обычаями), язык»⁵². Как уже говорилось выше, образ «другого» в инокультурном пространстве неизбежно эволюционирует в образ врага. Даже в условиях объективно благоприятной внешней среды образ своей же группы драматизируется, приобретает черты страдальческие и даже мученические. Причиной этих физических и душевных мук и страданий, без сомнения, выступает «другой». И «другой» приобретает черты преступные, связанные с насилием и несправедливостью. Отсюда рождается уверенность в естественном праве противостоять и даже причинять вред «другому». На этом этапе эволюции образа «другого» мы сталкиваемся с процессом этнизации территориальных, общественно-исторических и культурных явлений. Этнический образ «другого» выступает персонификацией народа и страны. И если этот образ достиг стадии врага, риски, связанные с общением пришлого населения с местным возрастают многократно. Здесь процесс этнизации следует рассматривать как социально-политическое явление, проявляющее себя и оказывающее воздействие на общество на информационном уровне. Образ «другого», персонифицирующий народ и страну, через информационные каналы приобретает в общественном (массовом) сознании социальную телесность, способность оказывать на общество принудительное воздействие (методологическая основа – подход Э. Дюркгейма). Структура образа «другого» в информационном пространстве усложняется, становится многослойной. В ней выделяются политическая, религиозная, образовательная и воспитательная составляющие. Кроме этого особое эмоциональное воздействие оказывают элементы художественной рефлексии, слухов и мифологем. С этой позиции образ «другого» в информационном поле культуры (общества) становится опасным инструментом манипулирования общественным сознанием,

⁵² Белова О. Тело «инородца»/Тело в русской культуре, сб. статей// Сост. Г.И. Кабанов. М., 2005. С. 147.

эффективным и, с эмоционально-чувственной позиции, очень привлекательным.

Литература

1. Боришполец К. Бабаджанов А. Миграционные риски стран Центральной Азии: Аналитические записки. Выпуск 2(22) (февраль 2007). Научно-координационный совет по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. М., 2007.
2. Белова О. Тело «инородца» / Тело в русской культуре, сб. статей // сост. Г.И. Кабанов. М., 2005. 147 с.
3. Бурдые П. Социология социального пространства / П. Бурдые; пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.
4. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. М., 1997. 138 с.
5. Дмитриев А.В. Конфликтогенность миграций: теоретические и практические проблемы // Социологическая наука и социальная практика. 2015. №1. С. 16-29.
6. Кашпур В.В., Поправко И.Г. Социокультурная адаптация мигрантов: проблемы и стратегии (томский кейс). 2011. С. 88-93.
7. Ковалева Н. И. Этническая идентичность как проблема социализации детей-мигрантов в образовательной среде / Н.И. Ковалева. Молодой ученый. 2016. №9. С. 1027-1029.
8. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., «Ключ-С», 1999. 224 с.
9. Немировский В. Г. Универсумная парадигма современной российской социологии как перспектива развития / В. Г. Немировский // Социология. Научно-теоретический журнал. 2004. № 1. С. 39-49.
10. Немировский В. Г. Универсумный подход к динамике социальных систем: анализ и прогнозирование: монография / В. Г. Немировский, В. И. Кудрявцева. Красноярский гос. ун-т, Белорусский гос. ун-т. Красноярск: Минск, 2003. 158 с.

11. Отношение взрослого населения Красноярского края к представителям других национальностей, иностранным трудовым мигрантам и национальному экстремизму (по результатам социологических исследований, апрель-май 2015 г.) // Информационный бюллетень по вопросам межэтнических, межконфессиональных и миграционных отношений в Красноярском крае. Выпуск 9. Красноярск: Поликор, 2015. 160 с.

12. Панина Н. В. Факторы национальной идентичности, толерантности, ксенофобии и антисемитизма в современной Украине // Социология: теория, методы, маркетинг. 2005. № 4. С. 26-45.

13. Практика взаимодействия сибирского региона в сфере реализации государственной национальной политики: поликультурная образовательная платформа Сибирского федерального университета: коллективная монография / отв. ред. О. Г. Смолянинова. Красноярск: Гротеск, 2016. 236 с.

14. Риск в социальном пространстве / Под ред. А.В. Мозговой. М.: Изд-во Института социологии РАН. 2001. 347 с.

15. Сакаев В.Т. Миграции в Российской Федерации в XXI веке: социально-политические риски // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. Кн. 1. С. 214-221.

16. Савочкин Д.В., Кунах М.В., Труфанов Д.О., Антипина О.И., Горбунов В.А. Основы сервиса безопасности: Учебное пособие. Красноярск: филиал НОУ ВПО «Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права» в г. Красноярске, 2016. 156 с.

17. Садохин А.П. Этнология: Учебник для ВУЗов. М., 2005. 287 с.

18. Труфанов Д.О., Рафиков Р.Г. Миграционное пространство региона и его деформации // Siberian Socium. 2018. Том 2. № 1. С. 97-114.

19. Шлыкова Е.В. «Риск» как фактор интолерантного отношения к мигрантам // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2010. №30 (январь-июнь). С. 151-180.

20. Яницкий О.Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. №1. 2003. С. 3-35.
21. Furnham A., Bochner S. Culture Shock: Psychological reactions to unfamiliar environment. L. & N.Y., 1986.
22. Oberg K. Cultural shock: adjustment to new cultural environments// Practical anthropology. 1960. №7. Pp. 177-182.
23. Ruspini P. Forms and Features of the Post-Enlargement Migration Space / P. Ruspini // The Romanian Journal of European Studies. 2005. No 4. Pp. 9-19.

1.3. Культурно-исторический анализ миграционных процессов

Фахрутдинов Р.Р., Измайлов Р.И., Зайнуллин Л.И.

В современном российском обществе в условиях роста этноконфессионального разнообразия, а также обострения этнического и религиозно-политического радикализма и экстремизма, актуализируется проблема обеспечения единства гражданского общества, формирования гражданской и этнонациональной идентичности.

Последнее десятилетие характеризуется целым рядом глобальных кризисных ситуаций, которые формируют масштабные угрозы национальной безопасности России. К числу таких угроз следует отнести рост миграций и прежде всего нелегальной миграции из мусульманских стран и регионов СНГ. Рост нелегальной миграции минимизирует усилия государств, направленные на управляемость миграции и наносит серьезный ущерб интересам национальной безопасности государств Евразии. Кроме того, адаптация мигрантов-мусульман к условиям жизни в чужих странах происходит достаточно сложно. Эти процессы актуализируют формирование гражданской идентичности, являющейся ключевым условием сохранения единого российского цивилизационного пространства на основе этнокультурного многообразия и национально-территориальных отличий. Важным фактором сохранения единства гражданского общества выступает также этнонациональная идентичность, которая осуществляется при помощи консолидирующих признаков и является инструментарием интеграции нации в современную Россию.

Миграция есть устойчивый и стабильный процесс развития истории человечества (социального, экономического, демографического, этнического), результатом которого становится обязательное изменение.

Франк Дювель (автор восьмифазовой модели миграции) предлагал преимущество одного из компонентов миграции – «культур-

ную дистанцию», которая в качестве ограниченного пространства призвана определить категорию «близости» и «несхожести» обществ по их культурному проявлению. В свою очередь, позиция Ф. Дювеля значительно похожа на традиционную западную модель изучения миграционного процесса – концепцией «притяжения-выталкивания» (основные авторы Г. Джером, Е. Ли), в которой культурный компонент является одним из «привлекающих факторов». Следовательно, можно говорить, что культура является силой притяжения обеих сторон и придает положительный процесс идентификации. Стоит отметить, становится очевидным, что миграция осуществляет функцию трансляции культуры, она выстраивает комфортные условия для последующих миграционных взаимоотношений.

Во-вторых, миграция обладает «созидающей» и «разрушающей» функциями, проявленными в категориях «временности» и «вневременности».

Это высказывание появляется на границе двух совершенно, как может показаться, не имеющих между собой ничего общего теорий. Каждая из теорий возникает на опыте многолетних исследований и на материале большого теоретического обобщения предшествующих научных разработок и концепций.

Ж. Зайончковская в одной из работ утверждает, что миграция – один из процессов, не поддающихся прогнозированию (экономическому, политическому, демографическому и т.д.). С одной стороны, статистические данные демонстрируют свою недостаточность даже при маленьком объеме данных в исследовании динамики развития миграции. С другой стороны, всякий раз при изучении результатов миграции (перепись населения, статистика) получается, что эти данные уже не имеют достаточного основания называться истинными указателями настоящего и будущего миграционных потоков. Поэтому, любые разработки сценариев могут быть действительны только в течение одного поколения населения. Это утверждение показывает «временный» и «вневременный» характер миграции. «Временность» как категория и атрибутивное свойство процесса миграции

обеспечивает ее стабильностью, порядком, устойчивостью и т.д. «Вневременность» делает стабильность иллюзией, существующей лишь на время, разрушает порядок ради построения качественно нового. Даже при качественном прогнозировании и разработке стратегии через время вырисовывается совершенно иной сценарий. Поэтому миграцию нельзя избирать в качестве основы для составления прогнозов развития – экономики, демографии, права и т.д. Так же миграцию невозможно полностью поставить под контроль политики государства.

Теория Дугласа Массея, изложенная в книге «Синтетическая теория международной миграции» (переведена на русский язык в 2002 г.), включает в себе два десятилетия теоретических и эмпирических наблюдений. Автор в своем исследовании сравнивает между собой шесть концепций: теорию неоклассической экономики Майкла П. Тодаро, новую экономическую теорию трудовой миграции О. Старка, теорию сегментированного рынка труда М. Пиора, теорию мировых систем С. Сассена, теорию общественного капитала и теорию кумулятивной причинности Д. Массея. Позиция автора по данному аспекту – миграция образует «миграционные сети» – связи между различными личностями, которые объединяют мигрантов, бывших мигрантов и не-мигрантов между собой посредством признака родственных отношений и общего социального происхождения. Согласно исследованиям, миграция выполняет синтезирующую роль: обладает специфической способностью проходить социальные (государственные, национальные и т.д.) границы и равномерно выстраивать их интересы (на экономическом, политическом, демографическом уровне). Социальные отношения уже являются результатом возникновения стабильных и регулярных контактов между людьми. Согласно Д. Массею, миграция каждый раз выполняет роль строителя, обеспечивает единство миграционного явления. Аргументация следует в виде авторского понимания процессов международной миграции и иммиграции:

- международная миграция является результатом не отсутствия экономического роста и развития, а итогом данного развития;
- иммиграция возникает вследствие огромного и стабильного спроса при планировании развития страны, поэтому иммигрант приезжает только с целью решить свои экономические затруднения;
- отношения между мигрантом и принимающим обществом возникают только когда мигрант въезжает с целью постоянного места жительства;
- мигранты, которые оказываются на территории относительно развитого государства первый раз, чаще всего не имеют намерения обосноваться там на постоянной основе;
- миграция как путь приобретения опыта (появление отношений со страной пребывания) за рубежом ведет к изменению мотивации, что приводит со временем к появлению вероятности постоянного переселения;
- миграция с течением времени имеет тенденцию создавать свою собственную структуру и механизмы взаимопомощи;
- иммиграционные потоки не вечны – они имеют естественный срок жизни, который может быть длиннее или короче, но всегда ограничен (в пределах ограничения срока жизни человеческого поколения).

Таким образом, миграция как целостный процесс проявляется посредством ее атрибутивных свойств «временность-вневременность», «созидание-разрушение». Они наглядно показывают «мерцающую» онтологию миграции, каждый раз вынуждая ученых проводить анализ происходящего, выявлять уникальность феномена миграции в каждый исторический отрезок времени. Данную гипотезу подтверждают существующие в научном дискурсе о миграции подходы: она одновременно есть и «глубоко историчное явление» и «извечное и повсеместное условие существования человека, характерное для любых более или менее значительных человеческих образований в любые времена».

«Размытие» границ, отсутствие информационных барьеров, во многом приводит к расширению информационного потока для граждан, к освоению ими новых способов поведения и коммуникации, которые способствуют формированию новых элементов, составляющих идентичность⁵³. Учитывая это, перед научным сообществом на сегодняшний день стоит задача определения современного понимания идентичности и действий по ее формированию.

Понятие «идентичность» в современной науке сравнительно новое. В общем смысле термин «идентичность» (от латинского *identificare* – отождествлять) понимается как «...соотнесенность чего-либо (имеющего бытие) с самим собой в связности и непрерывности собственной изменчивости и мыслимая в этом качестве»⁵⁴.

Благодаря работам американского ученого Эрика Эриксона изучение идентичности занимает одно из центральных мест в социальной психологии и социологии. Именно Э.Эриксон предложил последовательное разграничение понятий «идентичность» и «идентификация» и выявил определенные разновидности и особенности обоих явлений. Э.Эриксон в своих научных изысканиях начинает с того, что выделяет в личности два уровня: персональный и социальный⁵⁵.

Изучая работы Э.Эриксона, исследователь С.И. Лошкарева-Имгрунт С.И. приходит к выводу, что «исследователь рассматривает явление социальной идентичности в двух аспектах: 1) в контексте эго-идентичности, где в фокусе изучение оказывается личность; 2)

⁵³ Измайлов Р.И. Национальная идентичность и формирование концепции развития татарской культуры, науки и образования в век глобализации // Казанский вестник молодых учёных, vol. 3, №. 5 (13), 2019, С. 142.

⁵⁴ Всемирная энциклопедия: Философия XX век / Гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. - М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2002. – С.382.

⁵⁵ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М., 1996; Ericson E.H. Psycho-social identity// A way of looking at things. Selected Papers / Ed. By Schleim. New York, 1995.

и собственно в контексте социальной идентичности, где главную роль играют групповая и психосоциальная составляющие»⁵⁶.

Э.Эриксон уделяет особое внимание процессу формирования социальной идентичности, при этом разделяя данное явление на три этапа. Первый этап заключался в том, что индивид определяет себя как члена некой социальной группы. Вторым этапом, по мнению исследователя, характеризуется тем, что индивид включает в свою, так называемую, «Я-концепцию» характеристики «своей» группы, во многом заимствуя модель поведения группы и действуя в дальнейшем в соответствии с принятыми в этой группе нормами. Третий этап заключается в окончательном закреплении норм и стереотипов группы⁵⁷.

Хотя Э.Эриксона и можно считать «пионером» в изучении понятия «идентичность», его выводы не стали общепринятыми в научно-исследовательском сообществе. Во многом это связано с тем фактом, что в процессе изучения данной проблематики, ученый не прибегал к экспериментальным исследованиям. Определения данные Э.Эриксоном, по мнению ряда исследователей являются «достаточно широкими, метафоричными и слабо поддаются операционализации»⁵⁸.

В современной науке представлена довольно «пестрая» палитра взглядов относительно трактовок понятия «идентичность». На сегодняшний день можно выделить несколько школ, которые выстраивают собственные определения и теории идентичности.

⁵⁶ Лошкарева-Имгрунт С.И. Идентичность в контексте социально-философских и социогуманитарных исследований // Теория и практика общественного развития, 2014, № 4. С. 57.

⁵⁷ Ефтич З., Вучкович М., Младенович М. Интеграционные тенденции и проблема европейской идентичности // Знание. Понимание. Умение: Информационный гуманитарный портал. 2011. № 2 (март-апрель).

⁵⁸ Патырбаева К.В. Идентичность: социально-психологические и социально-философские аспекты: коллективная монография. - Пермь, 2012. – С. 14.

Так, теория, разработанная в рамках психоанализа (Дж.Г.Мид, Э.Эриксон, Г.Тэжфел, Дж.Тернер, Ч.Х. Кули)⁵⁹, определяет идентичность, как чувство тождественности человека самому себе, ощущение целостности во всех свойствах, качествах и отношениях к окружающему миру.

Согласно Г. Тэжфелу социальная идентичность предполагает способность индивида осмыслить не только свою «особость», но и поддержание своей «целостности», социальная идентичность определяется как осознание личностью своей принадлежности к социальной группе и признание эмоциональной значимости такой принадлежности⁶⁰.

В теории социальной идентичности Г. Тэжфела главенствующую роль занимает идея существования некоего социально-поведенческого континуума межличностного взаимодействия и взаимодействия представителей общностей. Личностная идентичность формируется за счет межличностных взаимодействий, социальная идентичность через взаимодействие общностей. При этом социальная и личностная идентичности оказываются на «противоположных полюсах континуума»⁶¹.

Большой вклад в изучение феномена идентичности проделана в рамках политической школы (Х.Кохн, Э.Смит, Э.Геллнер, Э.Хобсбаум)⁶², которая рассматривает идентичность, как процесс

⁵⁹ Эриксон Э. Указ. Соч.; Mead G.H. *Mind, Self and Society*. Chicago, 1934; Tajfel H., Turner J. *The social identity theory of intergroup behavior* // *Psychology of intergroup relations*. Chicago, 1986; Кули Ч.Х. *Социальная самость*. Американская социологическая мысль / Под ред. В.И. Добренкова. – М.: Международный университет бизнеса и управления, 1996. – С. 314–328; Кули Ч.Х. *Человеческая природа и социальный порядок*. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. – С. 125-154.

⁶⁰ Андреева Г.М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций // *Психологические исследования: электронный научный журнал*, 2011. № 6 (20). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 21.03.2016).

⁶¹ Муха В. Н., Литовка В. А. Личностная и социальная идентичность: проблема соотношения // *Сборники конференций НИЦ Социосфера*. 2013, № 6. – С. 17

⁶² Kohn H. *The idea of Nationalism*. N.Y., 1967; Smith A.D. *The ethnic origins of nations*. Oxford, 1986; Геллнер Э. *Нации и национализм*. – М., 1991; Хобсбаум Э. *Нации и национализм после 1780 г.* – СПб., 1998.

отношения себя индивидом или группой к определенному социуму и принятие определенных характеристик в качестве «своих». Данное направление определяет идентичность как результат естественного процесса формирования самоидентификации граждан, которые осознают свою принадлежность к определенной нации.

Исследование проблем идентичности занимает важное место в исторических и связанных с ней социальной и антропологической школах (О.Шпенглер, Б.Андерсен, Ф.Барт, К.Калхун)⁶³.

В рамках этих школ идентичность рассматривается как некий процесс, включенный в социокультурный контекст, подчеркивается его взаимосвязь с идеологией и культурными ценностями. Подход, предложенный исследователями, предполагает анализ идентичности через призму культурных границ, когда культурные различия закрепляются в качестве этнической дифференциации. По резонному мнению исследователя Ачкасова В.А., «для большинства людей именно этническая группа, к которой они принадлежат, представляется тем, что важнее и больше отдельного человека, что во многом определяет пределы и направленность его жизненных стремлений и что останется и будет существовать после него»⁶⁴. Таким образом, этническая идентичность является некой само собой разумеющейся данностью, через которую они себя осознают.

При этом американский ученый К. Калхун отмечает, что в период модерна «идентичность, преимущественно, осознается как национальная идентичность»⁶⁵. Не следует также забывать, что национализм является характерным для эпохи модерна способом

⁶³ Андерсен П. Воображаемые сообщества. – М., 2001. Калхун К. Национализм. – М., 2006; Barth F. Introduction// Ethnic Groups and Boundaries: the Social organizations of Culture Difference. Ed. By F.Barth Universitiesforlaget, Oslo, 1969.Reprint 1982.

⁶⁴ Ачкасов В.А. Этническая и национальная идентичности в современном мире // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2012. Вып. 1. - С. 86.

⁶⁵ Calhoon C. Nationalism and the contradictions of modernity // Berkeley journal of Sociology. 1997/1998. Vol. 42, - P. 1.

мышления и мировосприятия, это «очки», через которые мы смотрим на мир (Б. Андерсен), и «воздух», которым мы дышим⁶⁶.

Литература

1. Calhoun C. Nationalism and the contradictions of modernity // Berkeley journal of Sociology. 1997/1998. Vol. 42.
2. Kohn H. The idea of Nationalism. N.Y., 1967; Smith A.D. The ethnic origins of nations. Oxford, 1986.
3. Геллнер Э. Нации и национализм. – М., 1991.
4. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. – СПб., 1998.
5. Андерсен П. Воображаемые сообщества. – М., 2001. Калхун К. Национализм. – М., 2006.
6. Barth F. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries: the Social organizations of Culture Difference. Ed. By F. Barth Universitiesforlaget, Oslo, 1969. Reprint 1982.
7. Андреева Г.М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2011. № 6 (20). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 21.03.2016).
8. Ачкасов В.А. Этническая и национальная идентичности в современном мире // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2012. Вып. 1. – С. 85-91.
9. Всемирная энциклопедия: Философия XX век / Гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. – М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2002.
10. Ефтич З., Вучкович М., Младенович М. Интеграционные тенденции и проблема европейской идентичности // Знание. Понимание. Умение: Информационный гуманитарный портал. 2011. № 2 (март-апрель).

⁶⁶ Ачкасов В.А. Этническая и национальная идентичности в современном мире // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2012. Вып. 1. – С. 86.

11. Измайлов Р.И. Национальная идентичность и формирование концепции развития татарской культуры, науки и образования в век глобализации // Казанский вестник молодых учёных, vol. 3, №. 5 (13), 2019, С. 142-145.
12. Кули Ч.Х. Социальная самость. Американская социологическая мысль / Под ред. В.И. Добренькова. – М.: Международный университет бизнеса и управления, 1996. – С. 314–328
13. Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. – С. 125-154.
14. Лошкарева-Имгрунт С.И. Идентичность в контексте социально-философских и социогуманитарных исследований // Теория и практика общественного развития, 2014, № 4. С. 56-60.
15. Муха В. Н., Литовка В.А. Личностная и социальная идентичность: проблема соотношения // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2013, № 6.
16. Патырбаева К.В. Идентичность: социально-психологические и социально-философские аспекты: коллективная монография. – Пермь, 2012.
17. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М., 1996.
18. Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of intergroup relations. Chicago, 1986.
19. Ericson E.H. Psychosocial identity // A way of looking at things. Selected Papers / Ed. By Schleim. New York, 1995.

Раздел 2. Миграционные процессы как конфликтный фактор в странах ЕС

2.1. Гражданское образование как основной путь формирования триединства: город-мигранты-гражданство. Научно-практическая реализация кейса

Бигнами Ф.

Концепция гражданства в настоящее время обсуждается и находится под особым вниманием, часто её неудачно используют в аналитико-реконструктивном смысле, либо подразумевая только правовой статус. Она выходит за рамки конкретного определения специфической связи между людьми и обществом и определения политических, социальных, экономических и культурных характеристик такой связи, которая признается в конкретных проявлениях, влияющих на различные теоретические аспекты (исходя из политических и социальных исследований) и практические аспекты (правовые и административные). Что касается гражданства, то ключевую роль здесь играет индивид как основной субъект этой взаимосвязи. Это более актуально в наши дни, поскольку мы живем во взаимозависимом мире, характеризующемся растущими потоками мобильности не только по направлению «Юг-Север», но и внутренними потоками, например, «Юг-Юг» и из сельских районов в города. Эти миграционные потоки требуют глубокого внимания со стороны политиков и лиц, принимающих решения, поскольку необходимо тщательно учитывать равновесие в наших обществах, и зачастую они не могут надлежащим образом решить эту проблему. Таким образом, приобретение способности быть политически, социально, культурно и экономически активным членом общества является основополагающим компонентом гражданства, и в этом смысле гражданское образование выходит на первый план в качестве основного конкретного и применимого инструмента. Можно провести различие

между поведением гражданским поведением и компонентами компетенций, на которых строится это поведение. Эти компоненты компетенций могут быть сформулированы с точки зрения знаний, отношений, навыков и рефлексии⁶⁷.

Многое уже обсуждалось с точки зрения положительных аспектов имеющихся успешных программ обучения гражданственности в школах и в других учебных заведениях, а также для интеграции групп, подверженных риску маргинализации, таких, например, как мигранты. Некоторые известные авторы⁶⁸ считают, что гражданское образование должно быть сосредоточено на расширении прав и возможностей обучающихся, чтобы они могли играть активную роль в процессе определения и расширения самого гражданства. Кроме того, оно позволяет молодежи «учиться на практике» или использовать политические и социальные навыки и знания в действии⁶⁹. Это будет способствовать ориентации студентов на активную гражданственность. Pinkett, в свою очередь, рассматривает важность развития такой ситуации при обучении гражданственности, при которой возможно привлекать учащихся в качестве «активных агентов изменений», а не как клиентов, потребителей или подчиненных⁷⁰. Или, как сказал бы Warleigh, гражданское образование должно перейти от «знания о» к «дей-

⁶⁷ Geboers, E., Geijsel, F., Admiraal, W., & ten Dam, G. (2013). Review of the effects of citizenship education. *Educational Research Review* 9 (2013), 158–173.

⁶⁸ Menezes, I. (2003). Participation experiences and civic concepts, attitudes and engagement: implications for citizenship education projects. *European Educational Research Journal*, 2(3), 430-445; Isin, Engin F. (2017a). Enacting International Citizenship. In T. Basaran, Didier Bigo, E.-P. Guittet & R. B. J. Walker (Eds.), *International Political Sociology: Transversal Lines*. London: Routledge; Lin, A. R., Fahey Lawrence, J., & Snow, C. E. (2015). Teaching urban youth about controversial issues: Pathways to becoming active and informed citizens. *Citizenship, Social and Economics Education*, 14(2), 103–119.

⁶⁹ McIntosh, H., & Youniss, J. (2010). Toward a political theory of political socialization of youth. In L. Sherrod, J. Torney-Purta & C. A. Flanagan (Eds.), *Handbook of Research on Civic Engagement in Youth* (pp. 23–41). Hoboken, NJ: John Wiley & Sons.

⁷⁰ Pinkett, R. D. (2000). *Bridging the digital divide: socio-cultural constructionism and an asset-based approach to community technology and community building*. Paper presented at the 81st Annual Meeting of the American Educational Research Association (AERA). April, New Orleans, USA.

ствию», мобилизуя опыт обучающихся в качестве дополнительной силы для создания прочных и полезных институтов, таких как Европейский Союз⁷¹.

Гражданское образование является основным двигателем, способствующим развитию общества, но оно подразумевает и долгосрочную политическую повестку, а это непростая задача. Но этот вызов должен быть принят, в частности, рассматривая город как особую площадку. По сути, нынешняя эпоха характеризуется значительным ростом населения мира в сочетании с непрерывным процессом урбанизации. Эта глобальная траектория создает условия для увеличения миграционных потоков, требуя, в первую очередь, рассматривать их как нормальное состояние нашего общества, а не как чрезвычайную ситуацию. Это подразумевает развитие и обновление парадигмы интеграции (односторонние действия и меры) путем принятия парадигмы гражданства (двусторонние действия и улучшения, приносящие пользу обществу через отдельных лиц как его членов).

Эта глава имеет целью кратко объяснить в первом разделе значение понятия гражданства с некоторыми теоретическими оценками; во втором разделе показана связь между гражданством, городом и миграцией; третья часть посвящена необходимости углубления просвещения по вопросам гражданства для стимулирования интеграции и развития общества; в четвертом, заключительном разделе, описан опыт внедрения пилотного учебного модуля по гражданству, который предполагает использование активных методик обучения – в данном случае, быстрых дебатов и проблемного обучения – в средней общеобразовательной школе города Рио-де-Жанейро, адресованного одновременно как местным учащимся, так и обучающимся из числа мигрантов.

⁷¹ Warleigh, A. (2006). Learning from Europe? EU studies and the re-thinking of "international relations". *European Journal of International Relations*, 12(1), 31-51.

Обмен этим опытом может быть полезен не только для тех, кто заинтересован в разработке стратегий решения проблемы гражданственности в образовательной и обучающей среде, но особенно адресован городам, характеризующимся сложной социальной и политической структурой, в которых происходят миграционные процессы и которые сталкиваются с особыми проблемами в виде ослабления прогресса в социальных и политических демократических условиях.

1. Теория гражданства: краткое описание

Важно напомнить, что концепция гражданства и ее изучение характерны для западной цивилизации, которая в основном развивалась в Европе, в Соединенных Штатах и в каждой англоязычной стране, кроме того в древней Греции и в республиканском Риме, а затем в имперском Риме (около 500 г. н.э.), мы находим истоки этой концепции. Слово «гражданство» происходит от латинского *civis* (гражданин) и *civitas* (условие быть гражданином), и в классической древности оно обозначало отношения между человеком и городской властью. В то время как слово и его теоретическая ценность происходят из античной эпохи, современное изучение этой концепции берет начало в эссе «Гражданство и социальный класс». Опубликовано в 1950 году британским социологом Томасом Х. Маршаллом, который в 1950-х годах, в разгар развития государства всеобщего благоденствия и, в частности, плана Бевериджа для Соединенного Королевства, теоретизировал, что *«должна существовать фундаментальная форма человеческого равенства, связанная с концепцией полноправного членства в обществе»*⁷². Именно это полноправное членство в сообществе Маршалл предлагает назвать «гражданством», поскольку неизбежное социальное расслоение должно компенсироваться участием каждого гражданина в сообществе. И это участие обретает жизненную силу и обеспечивает

⁷² Marshall, T. H. (1950). *Citizenship and social class and other essays*. Cambridge: Cambridge University Press.

компенсацию социального синкретизма в правах. Маршалл считает, что права, из которых состоит гражданство, являются трехсторонними: «Я назову эти три части или элементы: гражданскую, политическую и социальную. Гражданский элемент состоит из необходимых прав на свободу личности (...). В качестве политического элемента я имею в виду право участвовать в осуществлении политической власти (...). Под социальным элементом я подразумеваю весь диапазон от минимума комфорта и экономической безопасности до права в полной мере участвовать в социальном наследии и жить гражданской жизнью, следуя социальным канонам»⁷³.

Гражданство имеет несколько теорий. Все они признают общую социальную и политическую связь между индивидуумом и коллективом. На самом деле, это концепция, которая широко оспаривается и обсуждается и в Европе, и в некоторых областях (и странах), принимает различные формы, часто не соответствующие её первоначальной концептуализации: от сопротивления и спонтанного процесса выдвижения социальных требований, например, в некоторых странах Южной Америки, до формирования пассивного участия в некоторых областях Восточной Европы, Евразии и Азии. Гражданство требует постоянного активного участия на политическом, социальном, гражданском, культурном и экономическом уровнях для укрепления личности и общества; в двух словах, необходима социальная и политическая взаимосвязь для консолидации коллективной системы участия и представительства, способной объединить гражданское общество, политику и институты. Особенно необходима такая связь для осуществления демократии, прежде всего, когда учреждения и правительства, по-видимому, не в состоянии эффективно представлять население.

В последние годы возникли более сложные дебаты о гражданстве, обусловленные: а) введением европейского гражданства и воз-

⁷³ Marshall, T. H. (1950). *Citizenship and social class and other essays*. Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 12-13.

возможностью для Европейского союза иметь право наделять лиц статусом гражданина; б) расширение термина «гражданство», вызванное усложнением общественно-политических проявлений; в) распространение на исследование аспектов, которые не обозначают отношения между индивидом и политическим сообществом. По этим причинам проще определить «гражданство» как фундаментальные социально-политические отношения между человеком и политико-правовым порядком, в котором он находится.

В этом смысле термин «гражданство» *«... служит для заполнения своего рода лексического и концептуального разрыва, позволяющего тематизировать важный профиль опыта (связь индивид-порядок), и где у нас нет альтернативных определений, на которые можно было бы ссылаться. «Гражданство» – это выражение, используемое для обозначения концентрации фундаментальных политических отношений и их главных проявлений: ожиданий и требований, прав и обязанностей, критериев принадлежности и дифференциации, стратегий включения и исключения»*⁷⁴.

Гражданство, как представлено в этом последнем значении, имеет многомерный характер, по существу сводимый к четырем измерениям:

- совокупность прав и обязанностей, отнесенных индивидуально;
- членство субъекта в политическом сообществе, поскольку интенсивность включения (или исключения) частично обусловлена тем, является ли он полноправной частью, является частично или не является членом сообщества;
 - участие этих работников в жизни общества;
 - идентичность, поскольку частичная изоляция на рабочем месте и условия миграции формируют новое самовосприятие субъекта.

Наличие этих четырех измерений полностью связано с миграционными процессами и их развитием с точки зрения их влияния

⁷⁴ Costa, P. (2005). *Cittadinanza*. Roma-Bari: Laterza.

в городских условиях, затрагивая как горизонтальные (индивид – индивид – коллектив индивидов), так и вертикальные (индивид – участвующие инстанции / политическая система – государство) аспекты измерения и подтверждается различием между так называемым «пассивным гражданством» и «активным гражданством» (хотя это и не является правильным разграничением с точки зрения строгой гносеологии), которое может характеризовать такого рода работников как социальных субъектов. В этом случае выражение «пассивное гражданство» относится к простому обладанию, как члену данного сообщества, набором прав и обязанностей, в то время как выражение «активное гражданство» относится к сознательному осуществлению этих прав и обязанностей, к участию в общественной жизни и, в частности, в политической жизни. Наличие этих двух измерений (активного и пассивного) подчеркивается в определении гражданства, которое содержится в статье «Гражданство, историческое развитие» «Международной энциклопедии социальных и поведенческих наук»: *«Гражданство означает членство в политическом сообществе. Как членство, гражданство означает статус равенства всем гражданам в отношении прав и обязанностей, которые подразумевает этот статус. Гражданство также означает форму активного поведения по отношению к сообществу, которое формирует хорошего и ответственного гражданина. Эти два основных понимания гражданства применимы ко всем историческим этапам, которые претерпело формирование гражданства как субъекта и понятия. Политико-правовой статус и идеал гражданской добродетели составляют два аспекта исторической концепции, которая с течением времени приобрела множество дополнительных значений и функций»*⁷⁵.

Некоторые интерпретации уменьшают контраст между активным и пассивным измерением гражданства применительно к различ-

⁷⁵ Smelser, N.J. , & Baltes, P.B. (Eds.). (2001). *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. Oxford: Elsevier. Pp. 1852-1853.

ным политическим представлениям о поведении человека в обществе. Это, например, случай Михаила Игнатьева, который, проводя различие между республиканской и либеральной концепцией гражданства, утверждает, что *«одна защищает концепцию свободы, основанную на активном участии, другая – пассивно-корыстное определение свободы; одна говорит об обществе как о «полисе»; другая – представляет общество как базирующуюся на рыночных принципах ассоциацию соревнующихся индивидов. Это напряжение между человеком-гражданином и экономическим человеком разделяет наш дух и лояльность по сей день: мы живем как рыночные люди, мы хотим, чтобы мы жили как граждане»*⁷⁶.

Различие между либеральной и республиканской концепциями также можно рассматривать как различие между формальным и субстанциональным видением гражданства, различие, которое предполагает концепцию гражданства как парадигматическое различие. Это означает, что характер отношений гражданства объединяет и обобщает различные представления о субъектах отношений, о сообществе и роли государства, а также о характере политического процесса.

Если гражданство для либералов – это «статус», определяемый субъективными правами, который позволяет отдельным лицам реализовывать коллективные интересы, в частности, через частные интересы в свободном от вмешательства пространстве (т.е. с преимущественным правом по отношению к обязанностям), то для республиканцев (и нео-республиканцев) гражданством является политический акт, направленный на обеспечение общего благосостояния каждого члена сообщества (т. е. преобладание обязанностей над правами). *«... Таким образом, в то время как в либеральной теории гражданство строится по категориям личности и прав, в республи-*

⁷⁶ Ignatieff, M. (1995). The Myth of Citizenship. In R. Beiner (Ed.), *Theorizing Citizenship*. New York: State University. P. 54.

канизме речь идет о понятиях сообщества и участия, нацеленных на не корыстную или частную цель, а на общую и коллективную»⁷⁷.

2. Создание города в качестве предпочтительного сценария, где возрастает информированность и обучение граждан

Последнее обновление «Мировых демографических перспектив»⁷⁸ показывает, что население мира, вероятно, увеличится на 2,2 миллиарда человек в период с 2017 по 2050 год, достигнув около 9,8 миллиарда человек. Как видно из Таблицы 2.1, ожидается, что более половины этого значительного прироста населения произойдет в Африке, население которой вырастет почти на 1,3 миллиарда. Дальше, после 2050 года, Африка будет основным источником глобального роста населения.

Таблица 2.1

Население мира и отдельных регионов
по среднему варианту прогноза

Region	Population (millions)			
	2017	2030	2050	2100
World.....	7 550	8 551	9 772	11 184
Africa.....	1 256	1 704	2 528	4 468
Asia.....	4 504	4 947	5 257	4 780
Europe.....	742	739	716	653
Latin America and the Caribbean.....	646	718	780	712
Northern America.....	361	395	435	499
Oceania.....	41	48	57	72

Источник: Организация Объединенных Наций, Департамент по экономическим и социальным вопросам, Отдел народонаселения (2017 год). Перспективы мирового населения: пересмотр 2017 года.

⁷⁷ Sau, R. (2004). *Il paradigma repubblicano. Saggio sul recupero di una tradizione*. Milano: Franco Angeli. P. 99.

⁷⁸ UNDESA. (2017). Population Facts No. 2017/4, October 2017 - The impact of population momentum on future population growth: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division.

В «Обзоре мировых перспектив урбанизации» за 2018 год⁷⁹ сообщается, что в 2018 году 55% мирового населения проживало в городских районах, а к 2050 году этот показатель, по оценкам, вырастет до 68%. В частности, в Африке, по крайней мере, 60% жителей будут проживать в городских поселениях уже в течение следующих нескольких десятилетий. Прогнозы утверждают, что урбанизация (постепенное перемещение населения из сельской местности в городскую) в сочетании с общим ростом населения мира может добавить к городскому населению 2,5 миллиарда человек, причем почти 90% этого прироста будет иметь место в основном в Африке и в Азии.

В том же «Пересмотре перспектив мировой урбанизации» отмечается, что в будущем увеличение численности городского населения мира будет в значительной степени происходить лишь за счет нескольких стран. В совокупности на Индию, Китай и Нигерию будет приходиться 35% прогнозируемого роста городского населения мира в период между 2018 и 2050 годами. Предполагается, что к 2050 году Индия получит дополнительно 416 миллионов городских жителей, Китай – 255 миллионов, а Нигерия – 189 миллионов.

В таблице 2.2 представлены десять стран с наиболее высокими темпами урбанизации среди стран с населением не менее 90 000 человек в 2018 году. Как видно, многие из стран с самыми быстрыми темпами урбанизации находились в прошлом, и будут находиться в будущем в Африке. В 1990–2018 годах шесть из десяти наиболее быстро урбанизирующихся стран находились в Африке, хотя ожидается, что темпы урбанизации в период 2018–2050 годов будут медленнее, чем в предыдущий период, но это компенсируется тем, что этот рост сосредоточится в крупнейших городах. Во всяком случае, семь из десяти стран с самыми быстрыми темпами

⁷⁹ UNDESA. (2018a). Promoting inclusion through social protection - Report on the World social situation 2018 (Vol. ST/ESA/366): United nations, Department of Economic and Social Affairs.

урбанизации в период 2018–2050 годов расположены в Африке, что подтверждает активизацию процессов урбанизации на этом континенте в сочетании с ростом населения.

Таблица 2.2.

Десять стран с самыми быстрыми темпами урбанизации, 1950–1990, 1990–2018 и 2018–2050 годы, в порядке ранжирования

Rank	Country or area	Rate of urbanization (per cent) 1950-1990	Rank	Country or area	Rate of urbanization (per cent) 1990-2018	Rank	Country or area	Rate of urbanization (per cent) 2018-2050
1	Botswana	6.8	1	Rwanda	4.1	1	Burundi	2.4
2	Mauritania	6.3	2	Bhutan	3.3	2	Nepal	2.0
3	Eswatini	5.5	3	Lao People's Dem Republic	2.9	3	Malawi	2.0
4	Papua New Guinea	5.4				4	Ethiopia	2.0
5	Lesotho	5.2	4	China	2.9	5	Uganda	1.9
6	Bhutan	5.1	5	Nepal	2.9	6	South Sudan	1.9
7	Oman	5.1	6	Uganda	2.7	7	Papua New Guinea	1.9
8	Benin	4.8	7	Burkina Faso	2.7	8	Cambodia	1.8
9	Togo	4.7	8	Eritrea	2.7	9	Niger	1.7
10	Gabon	4.5	9	Burundi	2.6	10	Rwanda	1.7
			10	Equatorial Guinea	2.6			

Источник: Организация Объединенных Наций, Департамент по экономическим и социальным вопросам, Отдел народонаселения (2018 год). Перспективы мировой урбанизации: пересмотр 2018 года.

Кажется очевидным, что этот двойкий процесс роста населения и его урбанизации вместе с постоянным усилением миграционных процессов, в котором особое место отводится Африке, как зоне стимулирующей миграцию и Европе, как притягивающей мигрантов зоне, формирует пока еще до конца не осознанную необходимость реализации особых стратегий и подходов, способных решить тему гражданства. Это подразумевает рассмотрение миграции не как эпизодической чрезвычайной ситуации, а скорее как структурного факта. Город представляет собой реальное место, где формируется миграционный поток и где можно обнаружить его происхождение. Эта задача заслуживает более пристального внимания и более

глубокой работы, как для составления карты миграционных потоков, так и для осуществления инновационных действий, способных содействовать социальному процессу.

Под гражданством в этом случае подразумевается не просто его правовой или демографический аспект, но оно воспринимается как многогранная (социальная, политическая, культурная, экономическая, геополитическая, административная) концепция. Чаще всего, это происходит в современных городах, которые не только являются двигателями производства, инноваций и роста, но они также испытывают напряженность, поскольку для такого роста необходимо найти способ организации и регулирования. Город действительно тесно связан с понятием гражданства, и особенно в реальных условиях, когда форма национального государства, вытекающая из вестфальского подхода (продолжающегося с середины XVII века до, де-факто, настоящего времени, конечно, с учетом трансформаций в разнообразных аспектах) уменьшает его актуальность в «глобализированном» мире, также как его значение в процессах взаимодействия в связи с последствиями роста численности населения⁸⁰ и в случае с миграционными потоками.

Там где институты не могут (или не хотят) создать прямую связь между гражданским обществом, политикой и государством, тогда необходимо, чтобы демократия принимала партисипаторные и делиберативные формы, что означает гражданство на практике⁸¹ и с более открытым характером, способным преодолеть классические формы. Но нужно учить «внедрять» гражданство, так как граждане изучают гражданство, участвуя в нем, разделяя действия, формирующие

⁸⁰ Sassen, S. (2017). Embedded borderings: making new geographies of centrality. *Territory, Politics, Governance*, 6(1), 5-15. doi: 10.1080/21622671.2017.1290546

⁸¹ UNDESA. (2018a). Promoting inclusion through social protection - Report on the World social situation 2018 (Vol. ST/ESA/366): United nations, Department of Economic and Social Affairs.

результативное гражданство,⁸² и участвуя в обсуждении проблем. Чтобы предотвратить социальные конфликты и создать эффективный путь интеграции мигрантов в городе по сценарию демократической консолидации, требуются также новые практики «совместного строительства» гражданства, способные реагировать на такие изменения. Если этот процесс внедрения гражданства не будет поддержан, то станет преобладать материальный финансовый капитал над нематериальным социальным капиталом. Напротив, для развития демократии необходимо одновременно выполнять обе задачи, ограничивая преобладание финансов в пользу улучшения социального капитала. Если не достигнуть этой цели, опасность состоит в том, что можно получить граждан, которые говорят «да» каждому привлекательному голосу, и говорят «да» всему и всем, и это означает, что они не существуют как граждане⁸³ и не способны противостоять агрессивному финансовому пантеизму⁸⁴, который влияет на наш мир. Такая концепция выходит за рамки финансовой колонизации, за рамки экономики. Это указывает на контроль институтов, управляющих государствами, со стороны взаимозависимых экономических и финансовых механизмов.

В этом смысле, если мы приложим классические подходы к теории демократии, гражданства, участия (партисипаторная демократия) и обсуждения (делиберативная демократия), то это представляет собой концептуальное изменение или восстановление теоретических корней. Это модернизационное продвижение происходит потому, что агенты, в этом случае граждане, освобождаются от традиционной структуры представительной демократии⁸⁵, возлагая на себя активную

⁸² Isin, Engin F. (2017b). Performative Citizenship. In A. Shachar, S., Bauböck, R., Bloemraad, I., Vink, M. (Ed.), *The Oxford Handbook of Citizenship* (pp. 500-523). Oxford: Oxford University Press.

⁸³ Ben Jelloun, T. (2010). *Marocco*. Torino: Einaudi.

⁸⁴ Bignami, F. (2017). Going intercultural as a generative framework of a respondent citizenship. In M. G. Onorati, F. Bignami & F. Bednarz (Eds.), *Intercultural Praxis for Ethical Action. Reflexive Education and Participatory Citizenship for a Respondent Sociality*. Louvain, Belgium: EME publications. P. 133.

⁸⁵ Beck, U. (1992). *Risk society: towards a new modernity*. London: Sage.

роль в качестве лиц, принимающих решения. По сути, эти уполномоченные демократические обсуждения в некоторой степени являются исключениями из правил. Как ясно поясняет Байокки: «*Делиберативная демократическая теория относится к основам политической теории, которая стремится выработать устойчивую версию демократии, основанную на публичном решении посредством обсуждения. В большей степени, чем «основанная на дискуссии» демократия, она призывает к тому, чтобы граждане считались разумными и равными в законном осуществлении полномочий власти и рассматривается как способ изменения предпочтений и намерений граждан*»⁸⁶.

Подводя итог, можно сказать, что политология (и история) предполагают, что граждане изучают гражданство путем участия. В участии всегда устанавливаются критерии для процесса принятия решений, будь он жестким, как подход Гоббса⁸⁷, или социально сконструированным, как подход Бека⁸⁸. Вопрос в том, насколько они эклектичны. Следуя либо рецепту для политического участия быть добродетельным и рациональным, либо также верить в «невидимую руку» участвующую в процессах в качестве предварительных условий и предикторов развития гражданства, в любом случае их нельзя воспринимать как должное, но необходимо приобретение их. С одной стороны, Морган и Стреб показывают, что если обучающиеся участвуют в практико-ориентированных проектах обучения, в которых они играют важную роль и несут ответственность, их самооценка и политическая вовлеченность улучшатся, и они становятся более терпимыми к другим группам⁸⁹. С другой стороны присутствует закономерное беспокойство как по поводу того, что образование

⁸⁶ Baiocchi, G. (2001). Participation, activism and politics: the Porto Alegre experiment and deliberative democratic theory. *Politics & Society*, 29(1), P. 44.

⁸⁷ Hobbes, T. (2004 [1640]). *De cive (On the citizen)*. In R. Tuck & M. Silverthorne (Eds.). Cambridge: Cambridge University Press.

⁸⁸ Beck, U. (1992). *Risk society: towards a new modernity*. London: Sage.

⁸⁹ Morgan, W., & Streb, M. (2001). Building citizenship: how student voice in service-learning develops civic values. *Social Science Quarterly*, 82(1), 154-169.

формирует участие «послушных» граждан, которые поддерживают социальный и экономический статус⁹⁰, так и по поводу процессов участия, которые делают не что иное, как создают конкурентную игру силы и убеждения⁹¹ что приводит к необходимости более глубокого описания и осмысления обучающих компонентов и процессов вовлечения.

3. Как гражданское образование может способствовать развитию в будущем городе (гражданах) чувства политического и социального членства

За последние десятилетия гражданское образование стало ключевым вопросом в многочисленных научных и общественных дискуссиях. Это также предмет оживленной продолжающейся теоретической дискуссии, в которой участвуют исследователи из разных наук. Критерии, которые характеризовали определение гражданства, от его наиболее влиятельной версии в период после Второй мировой войны⁹² до конца прошлого столетия, более не являются достаточными. Первоначальные политические, социальные и гражданские права, составляющие концепцию гражданства, изображенную Маршаллом⁹³, в настоящее время должны дополняться (но не заменяться) другими аспектами гражданства. Новые значения концепции гражданства видны в измененном социальном и политическом контексте действительности: агрессивное вторжение информационных и коммуникационных технологий в публичную сферу, а также в частную жизнь и на рынок труда, экономическая и финансовая взаимозависимость, вызванная так называемой «глобализацией», растущее со-

⁹⁰ Moore, A. (2002). *Citizenship education in the UK: for liberation or control?* Paper presented at the 2nd International Conference of Knowledge & Discourse: Speculating on Disciplinary Futures. June, Hong Kong, China.

⁹¹ Font, J. (2003). Public participation and local governance. In J. Font (Ed.), *Public participation and local governance*. (Pp. 9-32). Barcelona: Institut de Ciències Polítiques i Socials (ICPS). P. 16.

⁹² Marshall, T. H. (1950). *Citizenship and social class and other essays*. Cambridge: Cambridge University Press.

⁹³ Marshall, T. H. (1950). *Citizenship and social class and other essays*. Cambridge: Cambridge University Press.

циальное неравенство в распределении благосостояния вместе с безработицей среди молодежи⁹⁴ и усиливающиеся миграционные потоки оказали влияние и способствовали переосмыслению идеи гражданства в современном обществе, с новыми аспектами участия, членства и идентичности, допускающей «*появление мест гражданства за пределами национального государства*»⁹⁵; тогда город кажется грядущей мощной обстановкой, куда включено гражданство. Эти обогащения концепции гражданства способствуют пониманию того, почему образование в области гражданства на самом деле является плодотворным, хотя и обсуждается и ставится под сомнение вопрос, включающий проблему, как информировать граждан об индивидуальных возможностях, ролях и обязанностях, связывая, другими словами, граждан с понятием гражданства.

Есть в основном три важные причины, чтобы оправдать нынешний интерес к гражданскому образованию с демократической политической точки зрения.

Во-первых, по гражданской причине: из-за обсуждаемых позиций возникла необходимость определения моделей гражданства, подходящих для руководства действиями публичных образовательных учреждений. Решения могут различаться в зависимости от критериев, выбранных для определения ценностей, на которых должна строиться социальная, политическая и гражданская общественная жизнь в демократических обществах, и в зависимости от контекста: например, образование в области гражданства должно формироваться по-разному в Европе и в Южной Америке. В этом контексте концепция социальной сплоченности приобрела большой интерес. Фактически вопросы, касающиеся «цемента общества»⁹⁶, присутствовали в многочисленных важных публичных и академических дебатах

⁹⁴ WEF (2018). The Global Risks Report 2018 - 13th Edition. Geneva: World Economic Forum.

⁹⁵ Sassen, S. (2002). The Repositioning of Citizenship: Emergent Subjects and Spaces for Politics. *Berkeley Journal of Sociology*, 46. P. 281.

⁹⁶ Elster, J. (1989). *The Cement of Society. A Survey of Social Order*: Cambridge University press.

в последние годы, например, о восстановления значения гражданства в рамках поддержания социальной сплоченности за пределами национального государства; или, что еще лучше, в рамках сохраняющейся формальной структуры национальных государств происходит дестабилизация политики как системы иерархий законной власти и преданности с национальными государствами в её основе, что позволило увеличить неформализованные или только частично формализованные политические процессы и акторов⁹⁷. Эта динамика позволяет де-территориализировать практику гражданства с точки зрения политического участия, членства и идентичности, а также дискурсов о верности и лояльности. Эта тема приобрела дополнительное значение в связи с ростом мобильности и миграционных явлений с преимущественным вовлечением городов (как описано выше) и их последствиями для изменения социальной структуры (мультикультурное общество). Кроме того, в городах, характеризующихся контекстом с развитием неравных условий гражданства, такое образование является средством повышения индивидуальной мобилизации и ответственности для участия в отстаивании социальных и политических прав и обязанностей. Обучение гражданственности с точки зрения гражданских причин является основным способом «инвестирования» во все основные типы результатов обучения⁹⁸, а именно: когнитивные (знания, понимание и критическое мышление); социально-эмоциональные (чувство принадлежности и разделение обязанностей); поведенческие (умение действовать эффективно и ответственно, мотивация к действию).

Во-вторых, для политического принятия образования: в настоящее время плюрализм часто рассматривается просто с точки зрения культуры. Гражданство должно способствовать развитию у граждан чувства политической и социальной принадлежности, в дополнение

⁹⁷ Sassen, S. (2005). The Repositioning of Citizenship and Alienage: Emergent Subjects and Spaces for Politics. *Globalizations*, 2, 79-94.

⁹⁸ UNESCO. (2015). *Global Citizenship Education - Topics and Learning Objectives*. Paris: UNESCO- United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization.

к религиозному и культурному плюрализму, который характерен для современной демократической политики. Это включает в себя политическое и социальное «реализованное гражданство» (“performative citizenship”)⁹⁹ через тех: *«кто может и кто не может выступать в качестве субъекта прав; (...) социальные группы, заявляющие о своих правах; людей которые принимают гражданство, осуществляя, требуя и реализуя свои права и обязанности; когда люди принимают гражданство, они творчески трансформируют его значения и функции»*¹⁰⁰. С одной стороны, в настоящее время мы задаемся вопросом об эффективности гражданского образования с точки зрения его способности содействовать социальной сплоченности путем обучения граждан, способных сотрудничать в реальной действительности с людьми, которые думают по-другому и придерживаются других стилей жизни. С другой стороны, мы знаем, что желаемый результат не может быть достигнут за счет прав граждан, например, путем произвольного ограничения прав на свободу совести и убеждений.

В настоящее время «проект» гражданского образования может быть эффективным (с точки зрения его вклада в социальную и политическую сплоченность), если он сохраняет различные культурные и религиозные убеждения и различия в обществе, и это особенно верно в городских условиях. В настоящее время в этом контексте проводятся важные дебаты. Фундаментальный вопрос, на который на самом деле должна ответить теория гражданского образования: Какой гражданин? Какое гражданство? Здесь возможны разные ответы. Фактически существуют различные модели гражданства, которые предлагают различные пути решения проблемы содействия социальной сплоченности в контексте, отмеченном

⁹⁹ Isin, Engin F. (2017). Performative Citizenship. In A. Shachar, S., Bauböck, R., Bloemraad, I., Vink, M. (Ed.), *The Oxford Handbook of Citizenship* (pp. 500-523). Oxford: Oxford University Press.

¹⁰⁰ Isin, Engin F. (2017b). Performative Citizenship. In A. Shachar, S., Bauböck, R., Bloemraad, I., Vink, M. (Ed.), *The Oxford Handbook of Citizenship* (pp. 500-523). Oxford: Oxford University Press. P. 501.

плюрализмом¹⁰¹. С этой точки зрения, важными концепциями гражданского образования является: гражданский минимализм Уильяма Галстона¹⁰²; политический либерализм Джона Ролза¹⁰³ и различные версии республиканизма, от классического республиканизма, сформулированного Джоном У. Мэйнором¹⁰⁴, до либерального республиканизма Ричарда Даггера¹⁰⁵. Все эти концепции сопряжены с возможностями и рисками, которые должна учитывать каждая перспектива гражданского образования, стремясь обучать учащихся как граждан, способных сотрудничать с другими на политическом уровне, повышая демократические условия и для достижения общей цели предотвращения социальной уязвимости. Нужно найти плодотворный баланс в определении содержания, соответствующего каждому конкретному контексту в рамках, в которых положительные эффекты образования гражданственности в средней школе (как в учебной программе школы, так и вне школы и во внеклассной работе), в классе и в виде осведомленности учащихся о значении того что значит быть «гражданином», уже были продемонстрированы в нескольких исследованиях¹⁰⁶.

В-третьих, в качестве педагогики: «Гражданство – это не то, что дано, но за него нужно бороться и требовать»¹⁰⁷ и что является обязательным для поощрения сигналов и паттернов динамики

¹⁰¹ Westheimer, J., & Kahne, J. (2004). What Kind of Citizen? The Politics of Educating for Democracy. *American Educational Research Journal*, 41(2), 237-269.

¹⁰² Galston, W. A. (1991). *Liberal purposes*: Cambridge University Press; Galston, W. A. (2005). *The practice of liberal pluralism*. Cambridge: Cambridge University Press.

¹⁰³ Rawls, J. (2005). *Political Liberalism. Expanded edition*. New York: Columbia University Press.

¹⁰⁴ Maynor, J. W. (2003). *Republicanism in the Modern World*. Cambridge: Polity Press.

¹⁰⁵ Dagger, R. (1997). *Civic Virtues. Rights, Citizenship, and Republican Liberalism*. Oxford: Oxford University Press.

¹⁰⁶ См. например: Geboers, E., Geijsel, F., Admiraal, W., & ten Dam, G. (2013). Review of the effects of citizenship education. *Educational Research Review*, 9, Pp. 158–173.

¹⁰⁷ Bignami, F., D'Angelo, V., & Bednarz, F. (Eds.). (2016). *New educational itineraries and perspectives for care professionals - The Innovative Caregivers' Training model as example of strengthening competences, networking and participation*. Saarbrücken: Scholars' press. P. 34.

участия граждан в деятельности общественно-политических субъектов, не осознающих такой потенциальной возможности (граждане не осознают, что являются ключевыми игроками для получения гражданства). Гражданское образование является ценным упражнением в воспитании и развитии самосознания и социальной приверженности с точки зрения развития сообщества, а также для анализа, оценки и поиска ответов при решении локальных и глобальных проблем. В этих условиях учащиеся могут оспаривать «пространственное» разделение между частной и общественной сферами, где обычно ставятся концептуальные барьеры, мешающие людям создать горизонтальные и вертикальные грани гражданства, упомянутые выше.

Гражданское образование представляется тогда мощным средством уменьшения неравенства и повышения социальной мобильности¹⁰⁸. Особенно это актуально в городских условиях, где неравенство и напряженность, вызванные отсутствием интеграции мигрантов, рискуют усилить изоляцию и затруднить участие в общественной жизни широкой части населения, препятствуя, тем самым, коллективному развитию всей городской территории.

4. Проект «Городской режим и гражданство». Тематическое исследование инновационного подхода и его шагов

Как показано во введении, проект «Городские режимы и гражданство: тематическое исследование инновационного подхода», финансируемый Швейцарским национальным исследовательским фондом (SNSF), CNPq и FAPERJ и реализуемый в период с 2017 по 2019 годы, был нацелен на исследование городского развития и гражданства, и являлся инновационным исследованием для понимания основных проблем столичного правительства и городского управления в Рио-де-Жанейро, уделяя особое внимание наследию мегасобытий (затронувших этот город в течение десятилетия 2006-

¹⁰⁸ Corak, Miles (2016). 'Inequality is the root of social evil,' or Maybe Not? Two Stories about Inequality and Public Policy. *Canadian Public Policy*, 42(4), 367-414

2016 гг.), а также для создания инновационного и целевого подходов для гражданского образования.

Проверка методики (модуля) обучения гражданственности была проведена в средней школе Рио-де-Жанейро в контексте социальных проблем, в том числе миграционной напряженности.

В рамках проекта был проведен первоначальный массовый опрос, в ходе которого были определены два показателя за период 2010–2016 годов, один из которых отражает характеристики городского режима, а второй – показатели гражданства. В результате этой количественной работы была установлена взаимосвязь двух индексов, а их сравнение по времени показало, что некоторые элементы кажутся особенно значимыми и решающими, по отношению к основным областям, вмешательство в которые ведет к улучшению обоих индексов, а именно: а) демократические условия; б) социальная уязвимость; в) образование.

Установленные связи и возникшие три области указывают на необходимость предоставления людям возможности развивать способность к вдумчивому и ответственному участию в политической, экономической, социальной и культурной жизни. Результаты исследования индексов позволили предположить, что это зависит от разработки двух «основных» тем:

- во-первых, люди больше узнают о гражданстве, будучи активными гражданами, участвуя (в широком смысле) в социальной и политической жизни. Для этого необходимо, чтобы в образовательной стратегии началось моделирование общества, в котором поощряется участие (которое, в свою очередь, способствует созданию демократических условий), предоставляя всем возможность взять на себя ответственность, осознать проблему и осуществить выбор. Это подразумевает работу по повышению осведомленности о связи между правами и положением с точки зрения нахождения адекватной социальной стратегии для обеспечения этой связи;

- во-вторых, развитие гражданских способностей должно стимулироваться таким образом, чтобы люди (особенно молодые) были мотивированы быть активными и ответственными членами своих сообществ на местном, национальном и глобальном уровнях.

Такие результаты полностью согласуются с утверждением, что гражданское образование является одной из наиболее важных новых тем в области образования и в теории¹⁰⁹, поскольку фактически обучение гражданству не возможность выбора для политиков и лиц, принимающих решения, но оно является единственным способом избежать социальной и политической изоляции, предотвратить, таким образом, жесткие социальные конфликты и напряженность в отношениях с мигрантами. Это долгая траектория, но она действительно необходима. Другими словами, поскольку гражданство является составной частью прав и ответственности, и поскольку *«тот, кто может пользоваться этими правами и требовать их, сам по себе их оспаривает, гражданство практикуется не только путем осуществления этих прав, но и путем их требования»*¹¹⁰.

Учитывая сложившийся контекст и задачи, наиболее подходящим подходом для достижения целей, казалось, было бы сочетание проблемно-ориентированного обучения и дебатов. Как метод совместного обучения, основанный на анализе и решении проблем, проблемно-ориентированное обучение выступает в качестве подходящей методологии благодаря своей гибкости и универсальности для учащихся средних школ. Подход, который позволяет привлечь как теоретический, так и практический жизненный опыт, основанный на содействии автономии, организованно развивать способность получать доступ к необходимым ресурсам для решения проблем.

¹⁰⁹ См. например: UNESCO. (2015). *Global Citizenship Education - Topics and Learning Objectives*. Paris: UNESCO- United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization.

¹¹⁰ Isin, Engin F. (2017). Performative Citizenship. In A. Shachar, S., Bauböck, R., Bloemraad, I., Vink, M. (Ed.), *The Oxford Handbook of Citizenship* (pp. 500-523). Oxford: Oxford University Press. P. 501.

По мнению некоторых авторов¹¹¹, в проблемно-ориентированном обучении происходит генерирование рабочего процесса, который завершается пониманием или решением проблемы. Проблемно-ориентированное обучение, которое развивалось многие годы, поддается различным методологическим интерпретациям и разработкам; в своем наиболее верном исходном виде оно происходит в цикле, состоящем из семи шагов, схематически представленных ниже.

Таблица 2.3

Ступени проблемно-ориентированного обучения

<u>Семь ступеней проблемно-ориентированного обучения</u>	
<u>Открытие рабочего семинара</u>	
Первый шаг	Изучите проблему
Второй шаг	Определите проблему
Третий шаг	Проведите анализ проблемы
Четвертый шаг	Организируйте проблему
Пятый шаг	Сформулируйте цели обучения
Шестой шаг	Учеба и личная работа
<u>Итоговый семинар</u>	
Седьмой шаг	Поделитесь знаниями, полученными в связи с проблемой

Второй подход, комбинируется с ним, это дебаты в классе, которые обеспечивают активное вовлечение учащихся, позволяя участвовать всему классу, разделенному на группы. Из множества вариантов дебатов мы выбрали форму дебатов, в которой участвует весь класс, назначив тему и сформировав три группы. Одна группа «за» (а), другая – «против» (б), а третья (в) должна выслушать две противоположные позиции и сформулировать окончательное решение, способное учесть аргументы обеих групп, обосновать свою позицию и мотивировать

¹¹¹ De Graaff, E., & Kolmos, A. (2003). Characteristics of problem-based learning. *International Journal of Engineering Education*, 19(5), 657–662.

причины. В проекте мы приняли тогда форму «быстрой» дискуссии, хотя и структурированной для надлежащей проверки, оптимизируя время и результаты с точки зрения взаимодействия, учитывая способность отработать все аспекты темы и возможность прийти к «заключению» в рамках одного единственного урока.

Преимущества использования дебатов в качестве образовательной стратегии также включает в себя овладение содержанием и развитие навыков критического мышления, переговоров, поиска приемлемого итогового решения, участия в коллективном процессе, стимулирование внимания и содействие усвоению знаний у учеников, а также выработке навыков ораторского искусства¹¹².

Что касается этих аспектов, в целом можно сказать, что опыт был положительным. Дискуссионные группы представили аргументы, которые явно были результатом их исследований. Они охватили основные аргументы «за» (а) и «против» (б) идеи введения обязательного голосования в Бразилии. В отношении (а) утверждалось, что всеобщее право голоса – это то, за что бразильцам приходилось бороться в прошлом, и что этот обязательный аспект каким-то образом гарантировал, что различные слои были в равной степени представлены на выборах. Те, кто отстаивал позицию (б), утверждали, что, несмотря на то, что голосование было обязательным, в Бразилии повысился уровень неявки на выборы, что свидетельствует о том, что требование голосовать уже не воспринималось всерьез бразильцами, которые могут считать это просто неудобством в своей жизни. Несоблюдение этого требования в данном случае не влекло для нарушителя серьезных последствий, что делало закон пустым и неэффективным, в конце концов.

¹¹² Kennedy, R. (2007). In-Class Debates: Fertile Ground for Active Learning and the Cultivation of Critical Thinking and Oral Communication Skills. *International Journal of Teaching and Learning in Higher Education*, 19(2), 183-190. doi: <http://www.isetl.org/ijtlhe/>; Zare, P., & Othman, M. (2015). Students' Perceptions toward Using Classroom Debate to Develop Critical Thinking and Oral Communication Ability. *Asian Social Science - Published by Canadian Center of Science and Education*, 11(9), 158-170.

Основываясь на вышеупомянутые концепции гражданства, принимая во внимание специфические проблемы Рио-де-Жанейро с точки зрения демократических условий и, рассматривая потенциал проблемно-ориентированного обучения, а также методы организации дебатов, в качестве инструментов для развития познавательных, поведенческих и социально-эмоциональных способностей, необходимых для активного гражданина, был разработан¹¹³ модуль, ориентированный на то, чтобы дать учителям средних школ инструкции и практические рекомендации о деятельности, призванные помочь им в повседневных усилиях по решению сложной задачи реализации гражданского образования. Цель состояла в том, чтобы дать учителям легко используемые инструменты, чтобы они имели возможность наилучшим образом представить своим ученикам: идеи гражданства – с учетом масштабов гражданского общества; политические и социальные системы; местные, национальные и межправительственные учреждения – таким образом, чтобы помочь им играть в будущем активную роль в качестве граждан на местном и глобальном уровнях.

Модуль обучения гражданственности был разделен на цели обучения, содержание, практические рекомендации и библиографию для поддержки. Эта библиография подчеркивает необходимость комбинирования большого количества источников информации о социальных и политических аспектах развития, для формирования поведенческих установок, адекватных демократической жизни. Другими словами, модуль пытается объединить развитие способности получать знания для того, чтобы сделать лучший выбор, чтобы лучше рассудить, и укоренение привычек толерантности перед лицом различий, таких как в данном случае миграция, а также обучить активному сотрудничеству и подчинению личного или группового интереса общему интересу, общему благу, с особым вниманием к городу. Это особенно необходимо

¹¹³ С окончательной версией учебного модуля по гражданству для преподавателей на португальском языке можно ознакомиться здесь: <http://www.supsi.ch/deass/ricerca/banca-dati-progetti/in-evidenza/Urban-regimes-and-citizenship--a-case-study-for-an-innovative-approach.html>

в контексте растущего недоверия к политике, распространенности фальшивых новостей в социальных сетях и кризиса традиционных СМИ, растущего уровня насилия в городах и усиления ультраконсервативной интерпретации причин наших проблем. Таков нынешний сценарий в нескольких крупных городах мира, особенно в Рио-де-Жанейро.

Литература

1. Baiocchi, G. (2001). Participation, activism and politics: the Porto Alegre experiment and deliberative democratic theory. *Politics & Society*, 29(1), 43-72.
2. Beck, U. (1992). *Risk society: towards a new modernity*. London: Sage.
3. Ben Jelloun, T. (2010). *Marocco*. Torino: Einaudi.
4. Bignami, F. (2017). Going intercultural as a generative framework of a respondent citizenship. In M. G. Onorati, F. Bignami & F. Bednarz (Eds.), *Intercultural Praxis for Ethical Action. Reflexive Education and Participatory Citizenship for a Respondent Sociality*. Louvain, Belgium: EME publications.
5. Bignami, F., D'Angelo, V., & Bednarz, F. (Eds.). (2016). *New educational itineraries and perspectives for care professionals – The Innovative Caregivers' Training model as example of strenghtening competences, networking and participation*. Saarbrücken: Scholars' press.
6. Corak, Miles. (2016). 'Inequality is the root of social evil,' or Maybe Not? Two Stories about Inequality and Public Policy. *Canadian Public Policy*, 42(4), 367-414
7. Costa, P. (2005). *Cittadinanza*. Roma-Bari: Laterza.
8. Dagger, R. (1997). *Civic Virtues. Rights, Citizenship, and Republican Liberalism*. Oxford: Oxford University Press.
9. De Graaff, E., & Kolmos, A. (2003). Characteristics of problem-based learning. *International Journal of Engineering Education*, 19(5), 657–662.

10. Elster, J. (1989). *The Cement of Society. A Survey of Social Order*: Cambridge University press.
11. Font, J. (2003). Public participation and local governance. In J. Font (Ed.), *Public participation and local governance*. (pp. 9-32). Barcelona: Institut de Ciències Polítiques i Socials (ICPS).
12. Galston, W. A. (1991). *Liberal purposes*: Cambridge University Press.
13. Galston, W. A. (2005). *The practice of liberal pluralism*. Cambridge: Cambridge University Press.
14. Geboers, E., Geijsel, F., Admiraal, W., & ten Dam, G. (2013). Review of the effects of citizenship education. *Educational Research Review* 9(2013), 158–173.
15. Hobbes, T. (2004 [1640]). De cive (On the citizen). In R. Tuck & M. Silverthorne (Eds.). Cambridge: Cambridge University Press.
16. Ignatieff, M. (1995). The Myth of Citizenship. In R. Beiner (Ed.), *Theorizing Citizenship*. New York: State University.
17. Isin, Engin F. (2017). Enacting International Citizenship. In T. Basaran, Didier Bigo, E.-P. Guittet & R. B. J. Walker (Eds.), *International Political Sociology: Transversal Lines*. London: Routledge.
18. Isin, Engin F. (2017). Performative Citizenship. In A. Shachar, S., Bauböck, R., Bloemraad, I., Vink, M. (Ed.), *The Oxford Handbook of Citizenship* (pp. 500-523). Oxford: Oxford University Press.
19. Kennedy, R. (2007). In-Class Debates: Fertile Ground for Active Learning and the Cultivation of Critical Thinking and Oral Communication Skills. *International Journal of Teaching and Learning in Higher Education*, 19(2), 183-190. doi: <http://www.isetl.org/ijtlhe/>
20. Lin, A. R., Fahey Lawrence, J., & Snow, C. E. (2015). Teaching urban youth about controversial issues: Pathways to becoming active and informed citizens. *Citizenship, Social and Economics Education*, 14(2), 103–119.
21. Marshall, T. H. (1950). *Citizenship and social class and other essays*. Cambridge: Cambridge University Press.

22. Maynor, J. W. (2003). *Republicanism in the Modern World*. Cambridge: Polity Press.
23. McIntosh, H., & Youniss, J. (2010). Toward a political theory of political socialization of youth. In L. Sherrod, J. Torney-Purta & C. A. Flanagan (Eds.), *Handbook of Research on Civic Engagement in Youth* (pp. 23–41). Hoboken, NJ: John Wiley & Sons.
24. Menezes, I. (2003). Participation experiences and civic concepts, attitudes and engagement: implications for citizenship education projects. *European Educational Research Journal*, 2(3), 430-445.
25. Moore, A. (2002). *Citizenship education in the UK: for liberation or control?* Paper presented at the 2nd International Conference of Knowledge & Discourse: Speculating on Disciplinary Futures. June, Hong Kong, China.
26. Morgan, W., & Streb, M. (2001). Building citizenship: how student voice in service-learning develops civic values. *Social Science Quarterly*, 82(1), 154-169.
27. Pinkett, R. D. (2000). *Bridging the digital divide: socio-cultural constructionism and an asset-based approach to community technology and community building*. Paper presented at the 81st Annual Meeting of the American Educational Research Association (AERA). April, New Orleans, USA.
28. Rawls, J. (2005). *Political Liberalism. Expanded edition*. New York: Columbia University Press.
29. Sassen, S. (2002). The Repositioning of Citizenship: Emergent Subjects and Spaces for Politics. *Berkeley Journal of Sociology*, 46.
30. Sassen, S. (2005). The Repositioning of Citizenship and Alienage: Emergent Subjects and Spaces for Politics. *Globalizations*, 2, 79-94.
31. Sassen, S. (2017). Embedded borderings: making new geographies of centrality. *Territory, Politics, Governance*, 6(1), 5-15. doi: 10.1080/21622671.2017.1290546
32. Sau, R. (2004). *Il paradigma repubblicano. Saggio sul recupero di una tradizione*. Milano: Franco Angeli.

33. Smelser, N.J. , & Baltes, P.B. (Eds.). (2001). *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. Oxford: Elsevier.
34. UNDESA. (2017). Population Facts No. 2017/4, October 2017 – The impact of population momentum on future population growth: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division.
35. UNDESA. (2018). Promoting inclusion through social protection – Report on the World social situation 2018 (Vol. ST/ESA/366): United nations, Department of Economic and Social Affairs.
36. UNDESA. (2018). World Urbanization Prospects: The 2018 Revision (Vol. Online edition <https://esa.un.org/unpd/wup/Publications>): United Nations Department of Economic and Social Affairs – Population Division.
37. UNESCO. (2015). *Global Citizenship Education – Topics and Learning Objectives*. Paris: UNESCO- United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization.
38. Warleigh, A. (2006). Learning from Europe? EU studies and the re-thinking of "international relations". *European Journal of International Relations*, 12(1), 31-51.
39. WEF. (2018). The Global Risks Report 2018 – 13th Edition. Geneva: World Economic Forum.
40. Westheimer, J., & Kahne, J. (2004). What Kind of Citizen? The Politics of Educating for Democracy. *American Educational Research Journal*, 41(2), 237-269.
41. Zare, P., & Othman, M. (2015). Students' Perceptions toward Using Classroom Debate to Develop Critical Thinking and Oral Communication Ability. *Asian Social Science – Published by Canadian Center of Science and Education*, 11(9), 158-170.

2.2. Иммигранты в Италии: интеграция, конфликты и ксенофобия

Заннони Ф.

В своей главе автор хотел бы предоставить обзор реалий иммиграции в Италии, выделив некоторые из наиболее важных аспектов. Начиная с истории миграции в Италии, затем автором будут затронуты темы нелегальных мигрантов, беженцев и лиц, ищущих убежища, школьной интеграции, поддержки здравоохранения, социальной изоляции и ксенофобии.

1. Миграционная история Италии.

Италия, на протяжении большей части своей истории начиная с периода единого государства, была страной эмиграции, и, согласно оценкам, в период с 1876 по 1976 годы, из страны уехало более 24 миллионов человек¹¹⁴, с пиком в 1913 году, превысившим 870 000 человек, что сегодня мы можем определить как «великую эмиграцию» или формирование итальянской диаспоры.

В течение всего этого периода, если не рассматривать миграцию из-за последствий Второй мировой войны, таких как уход из Истрии или возвращение итальянцев из бывших африканских колоний, иммиграции, как феномена, практически не существовало. Хотя миграция все же имела место быть, но она носила эпизодический характер и не несла существенных проблем в интеграции с социальной или культурной точки зрения. Италия, как правило, оставалась страной с отрицательным сальдо миграции; феномен эмиграции начал явно ослабевать только с шестидесятых годов двадцатого века, после периода «экономического чуда» Италии.

В частности, в 1973 году в Италии впервые был зафиксирован очень слабый положительный миграционный баланс (101 въехавший на каждые 100 выехавших из страны), показатель, который мог бы

¹¹⁴ Rosoli, G. (1978). *Un secolo di emigrazione italiana 1876-1976*. Roma: Cser.

стать постоянным и увеличиваться в последующие годы. Однако следует отметить, что в этот период въезды по-прежнему в основном состояли из возвращающихся в страну итальянских эмигрантов, а не иностранцев. Поток прибывающих иностранцев начал формироваться только к концу 1970-х гг., как в результате «политики открытых дверей», реализуемой Италией, так и в ходе принятия ограничительной миграционной политики другими странами. В 1981 году первая итальянская перепись, проводимая Итальянским институтом по сбору статистики (Istat), насчитала присутствие в стране 321 000 иностранцев, из которых около трети были «постоянными», а остальные – «временными». Год спустя, в 1982 году была предложена первая программа легализации нелегальных иммигрантов, в то время как в 1986 году был принят первый закон (закон от 30 декабря 1986 года, № 943), целью которого было гарантировать работникам, прибывшим не из стран ЕС, те же самые права, какими обладали итальянские работники. В 1991 году на территории Италии насчитывалось уже 625 000 иностранных граждан, т.е. их число фактически удвоилось.

В 1990-х годах миграционный прирост продолжал расти и с 1993 года (год, когда естественный прирост впервые стал отрицательным) именно он обеспечивал увеличение численности населения Италии.

В 1990 году был издан так называемый закон Мартелли, который являлся первой попыткой регулирования миграционных потоков, кроме того он амнистировал тех, кто уже находился на территории Италии: около 200 000 иностранцев были легализованы, главным образом, прибывшие из Северной Африки.

В 1991 году Италии также пришлось столкнуться с первой «массовой иммиграцией» из Албании (возникшей в результате распада коммунистического блока), урегулированной с помощью двусторонних соглашений. В последующие годы будут подписаны двусторонние соглашения с другими странами, преимущественно, Средиземно-

морского региона. Согласно данным, опубликованным организацией Caritas, в 1996 году в Италии находилось уже 924 500 иностранцев.

В 1998 году был издан закон Турко-Наполитано, целью которого было дальнейшее регулирование прибывающих потоков, в целях воспрепятствования нелегальной иммиграции, а также создание в Италии центров временного содержания для высылаемых иностранцев. Однако в 2002 году этот подход был изменен посредством закона Босси-Фини, который предусматривал возможность немедленной высылки нелегальных иммигрантов силами общественной безопасности¹¹⁵.

На момент переписи населения 2001 года в Италии насчитывалось 1 344 889 иностранцев, из них наиболее представительными общинами были марокканцы (180 103 человек) и албанцы (173 064 человека)¹¹⁶; в 2005 году этот показатель достиг отметки в 1 990 159 человек, а в албанской и марокканской общинах насчитывалось, соответственно, 316 000 и 294 000 человек¹¹⁷.

Согласно данным Istat о демографическом балансе, на 31 декабря 2016 года в Италии постоянно проживало 5 144 440 иностранных граждан, что составляет 8,5% от общей численности постоянного населения (60 483 973 человек)¹¹⁸, фактически без изменений по сравнению с предыдущим годом (+ 0,42%, что соответствует 20 875 человек)¹¹⁹. Увеличение в течение ряда лет численности иностранных граждан, проживающих в Италии, было связано как с положительным сальдо миграционного баланса (превышение числа иммигрантов над эмигрантами), так и с положительным балансом естественного прироста. Что касается первого, то количество вновь прибывших

¹¹⁵ Militello, V., Spina, A. (2015). *Il traffico di migranti: Diritti, tutele, criminalizzazione*. Torino: Giappichelli.

¹¹⁶ Istat (2001). *Rapporto Istat - 14° Censimento della popolazione: dati definitivi. Cittadini stranieri residenti*.

¹¹⁷ Istat (2005). *Rapporto Istat - Bilancio Demografico e popolazione residente straniera al 31 dicembre 2004 per sesso e cittadinanza*.

¹¹⁸ Istat (2017). *Bilancio demografico nazionale al 31 dicembre 2016*.

¹¹⁹ Istat (2016). *Cittadini Stranieri. Popolazione residente e bilancio demografico al 31 dicembre 2015*.

иностранных граждан из-за рубежа сокращалось в течение нескольких лет (с 530 456 в 2007 году¹²⁰ до 250 026 в 2015 году), но оно по-прежнему превышало количество иностранных граждан, покинувших страну (44 696 в 2015 году). Относительно естественного прироста, то в 2015 году родилось 72 096 лиц иностранного происхождения (14,8% от числа всех рождений, что, однако, также меньше по сравнению с предыдущими двумя годами) против 6 497 смертей¹²¹.

Анализируя страны происхождения иностранных граждан, проживающих на территории Италии, можно отметить, что в эти годы отмечался заметный рост миграционных потоков из Восточной Европы, которые превышали миграционные потоки из стран Северной Африки, бывшие очень значительными до 1990-х годов. Это происходило главным образом из-за быстрого роста румынской общины в Италии, которая, в частности, к 2007 году почти удвоилась, увеличившись с 342 000 до 625 000 человек и, таким образом, представляла основную иностранную диаспору в составе населения Италии. Увеличению этих миграционных потоков, вероятнее всего, способствовало вступление Румынии в ЕС, а также языковая близость двух наций.

Согласно данным Istat, на 1 января 2016 года в Италии проживало почти 1,2 миллиона румынских граждан, что составляет 23% иностранного населения в Италии и около 1,97% от общей численности постоянного населения в Италии; это также означает, что почти 45% граждан Румынии, проживающих в странах Европейского Союза, находились в Италии. Наряду с румынами основными иностранными общинами в Италии являются албанцы (9,3% иностранного населения), марокканцы (8,7%), китайцы (5,4%) и украинцы (4,65%). На 1 января 2016 года чуть более 30% иностранных жителей являлись гражданами стран ЕС, а более 50% являются гражданами европейских стран. Граждане африканских стран составляли около 20% от

¹²⁰ Istat (2013). *Ricostruzione della popolazione residente per età, sesso e cittadinanza nei comuni*.

¹²¹ Istat (2017). *Bilancio demografico nazionale al 31 dicembre 2016*.

общего числа иммигрантов, наравне с гражданами азиатских стран¹²².

2. Нелегальные мигранты, беженцы и просители убежищ

В период с января 2013 года по июль 2018 года около 685 000 иностранцев достигли побережья Италии по морю нелегальными путями. В частности, в период в 2014-2016 гг. высадки иностранцев стабильно превышали 150 000 человек ежегодно, и такая ситуация наблюдалась бы и в 2017 году, если бы с середины июля не произошло внезапного сокращения числа отплывающих. Ситуация радикально изменилась по сравнению с периодом 2002-2010 годов, когда высадки в Италии составляли в среднем около 20 000 человек в год. Количество зарегистрированных прибывших иностранных граждан за период с 2013 по 2017 год составило почти 670 000, что в три раза превышало цифру в 220 000, зарегистрированных за предыдущие десять лет (2003-2012 годы)¹²³.

Система приема беженцев подразделяется на три части: начальный этап спасения, включающий первую помощь и идентификацию; первый этап приема, на котором идентификация завершается, и второй этап, включающий регистрацию запроса на убежище. Прибывающих в Италию морем, в первую очередь, встречают «центры первичной помощи и приема» или т.н «хотспоты», созданные в соответствии с Европейской повесткой по миграции (European Agenda on Migration, 2015 г.). «Центры первичной помощи и приема» – это объекты, расположенные рядом с портами прибытия, где оказывается первая помощь и проводится процедура идентификации. Время пребывания в этих закрытых объектах должно быть очень коротким: максимум через 72 часа мигранты, обратившиеся с просьбой о предоставлении убежища, большинство из которых прибывает морем, должны быть переведены в центры приема. Если же запрос о защите не был им предоставлен, то мигрант должен быть переведен в один из

¹²² Istat (2017). *Bilancio demografico nazionale al 31 dicembre 2016*.

¹²³ Villa, M., Emmi, V., Corradi, E. (2018). *Migranti: la sfida dell'integrazione*. ISPI/CESVI: Milano.

«центров идентификации и высылки», чтобы начать процедуру репатриации.

Второй этап системы приема в основном происходит в «центрах приема лиц, ищущих убежища», эти учреждения были созданы в 2002 году, их законодательное регулирование постоянно совершенствовалось, а последний законодательный акт – ст. 9 Закона №142/2015, преобразовал их в «государственные центры первого приема», которые затем «Министерская дорожная карта» Италии переименовала в «региональные хабы».

Последний этап приема, предназначенный для облегчения интеграции мигрантов, был учрежден «Системой защиты лиц, ищущих убежища и беженцев» (Sprar), установленной законом №189/2002 и недавно реформированной в соответствии со статьей 14 DL 142/2015. Цель состоит в том, чтобы предложить «комплексные проекты приема». Структуры Sprar управляются третьим сектором в сотрудничестве с местными властями. Они получают доступ к финансированию из Национального фонда поддержки мер и услуг, связанных с предоставлением убежища, который, в свою очередь, получает помощь из Фонда поддержки вынужденной миграции и европейской интеграции. За прошедшие годы количество мест, доступных в рамках системы Sprar, увеличилось в значительной степени: с менее чем 4 000 мест в 2012 году до примерно 25 000 в 2017 году. Однако в абсолютном выражении система все еще далека от предоставления достаточного количества места в сравнении с запросами о предоставлении убежища. Если в 2014 году примерно каждый третий мигрант размещался в учреждениях Sprar, то сейчас этот показатель составляет один из семи. Для того, чтобы побудить муниципалитеты присоединиться к системе Sprar, в постановлении Министерства внутренних дел от 10 августа 2016 года указаны новые руководящие принципы, облегчающие доступ местных властей к финансированию. Это упрощает членство в Sprar для местных властей, которые могут подать заявку онлайн в любое время. Кроме того, чтобы гарантиро-

вать справедливое распределение мигрантов на территории, и не допустить того, чтобы некоторые муниципалитеты принимали у себя непропорционально большое число лиц, ищущих убежища, и мигрантов, находящихся под международной защитой, 11 октября 2016 года Министерство внутренних дел издало директиву «для системы постепенного и равномерного распределения лиц, ищущих убежища, и беженцев». Она стала основой для подготовленного в декабре 2016 года плана распределения, разработанного Министерством внутренних дел совместно с Национальной ассоциацией муниципалитетов Италии. План включает критерий распределения мест для каждого муниципалитета в расчете «на 1000 жителей» практически для всех муниципалитетов с населением более 2000 человек.

3. Образование

В 2017 году более 60% иммигрантов из стран не входящих в ЕС, проживавших в Италии, имели уровень образования от ниже начального и начального до неполного среднего образования. Только 10% из них имели высшее образование, что является самым низким показателем среди всех стран ЕС. Такой низкий уровень образования не должен вызывать удивления: многочисленные исследования показывают, что иностранцы в стране, как правило, имеют такой же уровень образования, как и у коренного населения. В связи с общим уровнем образования существуют две темы, имеющие большое значение для иностранцев первого поколения в целом, а также для лиц, ищущих убежища, и беженцев в частности: степень владения итальянским языком и их успеваемость в итальянской школьной системе. Что касается первого, то из данных Istat, относящихся к 2011-2012 гг., видно, что 41% иностранцев, из стран, не являющихся членами ЕС, в Италии испытывали, по крайней мере, некоторые трудности с пониманием итальянского языка, при том, что 43% испытывали, по крайней мере, некоторые трудности с тем, чтобы их понимали. Переходя к школьной системе, даже не анализируя различия в успеваемости, можно увидеть, что существуют явные различия в процессе обу-

чения между итальянскими и иностранными учащимися. В частности, исследование, проведенное Министерством образования, университетов и науки (2018 г.), показало, что учащиеся из числа граждан других стран, родившиеся за границей, чаще поступают в технические и профессиональные учебные заведения (37% и 38% соответственно), чем в среднюю школу. Напротив, 50% итальянских студентов посещают среднюю школу. Иностранцы, родившиеся в Италии, в большей или меньшей степени находятся в середине между этими двумя крайностями, даже несмотря на то, что их уровень зачисления в средние школы (34%) скорее ближе даже к показателям иностранцев, родившихся за границей, чем к показателям итальянских школьников¹²⁴. Доступ к школьной системе для лиц, ищущих убежища, или беженцев является решающим моментом. Часто те, кто прибывает в Италию морем, провели в путешествии более чем два года, за время которого они вряд ли имели возможность получать образование. Кроме того, удлинение фактического периода между прибытием в Италию и поступлением в школу может привести к потере ценного времени, которое возможно было бы использовать для заполнения пробелов и получения положительного эффекта, причем это может быть период от нескольких месяцев до нескольких лет обучения.

Исследование Министерства образования, университетов и науки (2018 г.) показывает, что в 2016/2017 учебном году доля иностранных учащихся, позднее приступивших к обучению в начальной школе превысила 10%, в младшей средней школе – выросла до 30% и в средней школе – превысила 50%¹²⁵. Во всех трех приведенных примерах процент отчисленных из школ иностранных учащихся удвоился по сравнению с итальянцами. Более того, «иностранцы», представленные здесь, часто являются иностранцами второго поколения: их учебный путь, гораздо менее прямой и последовательный, чем у ита-

¹²⁴ Ministero dell'Istruzione, dell'Università e della Ricerca (2018). *Gli alunni con cittadinanza non italiana, A.S. 2016/2017*.

¹²⁵ Ministero dell'Istruzione, dell'Università e della Ricerca (2018). *Gli alunni con cittadinanza non italiana, A.S. 2016/2017*.

льянских студентов, что может интерпретироваться как признак слабой интеграции, которая продолжается уже во втором поколении. Последний показатель, явно более тревожный, чем более позднее по возрасту начало обучения, – это количество учеников, которые бросили учебу. Показатель отсева иностранных учащихся, родившихся за границей, из школ в старших классах более чем в три раза выше, чем у итальянских учеников (12,6% против 3,8%), а в случае иностранцев, родившихся в Италии, он вдвое больше (8,3%), что говорит о явно недостаточном уровне интеграции даже для второго поколения. Еще одной причиной для беспокойства является количество иностранцев, которые покидают учебные заведения, даже не завершив средней школы: показатель отсева из школ составляет 45 бросивших учебу из числа, родившихся в Италии, и 24 иностранных ученика, родившихся за рубежом, на всего 170 итальянских учащихся.

4. Здоровье

Недостатки интеграции также отмечается и с точки зрения доступа к медицинским услугам в Италии. Теоретически, иностранцы, беженцы и лица, ищущие убежища, должны пользоваться правом доступа к медицинским услугам, равным праву итальянцев. Статья 32 Конституции Италии предусматривает, что здоровье каждого, являются «правом личности», равно как и интересом общества, и в той же статье говорится, что Итальянская Республика «гарантирует бесплатную медицинскую помощь нуждающимся». Этот принцип в настоящее время реализован в Сводном законе об иммиграции (Законодательный декрет 286/1998, статья 34), согласно которому иностранные граждане с постоянным видом на жительство обязаны зарегистрироваться в Национальной службе здравоохранения (SSN) и «могут получить равный медицинский уход и абсолютно такие же права и обязанности, как и у граждан Италии».

Кроме того, ст. 35 устанавливает, что для иностранных граждан, даже незаконно находящихся на территории Италии, «обеспечивается неотложная или в любом случае необходимая медицинская помощь,

даже если она продолжительная, если её необходимость возникла в ходе болезни или несчастного случая, и программы профилактической медицины для охраны здоровья человека и общества должны расширяться». В частности, гарантируется защита беременных и материнства, защита здоровья ребенка, обеспечение профилактических прививок и лечение инфекционных заболеваний. Эти услуги «предоставляются заявителям бесплатно, если у них нет достаточных финансовых ресурсов». Для дальнейшей защиты нелегального иностранца, ст. 35, пункт 5 устанавливает, что доступ к медицинским учреждениям нелегальным иностранцам «не требует собой какого-либо уведомления органа власти, за исключением случаев, когда требуется отчет». Однако в целом это право реализуется в меньшей степени из-за ряда проблем, возникающих при доступе к медицинским услугам. Это означает, что иностранцы, как правило, используют эти услуги в меньшей степени при одинаковом состоянии здоровья.

Что касается иностранцев, прибывающих в Италию морским путем в последние годы, то этапы их миграции – и, в частности, переезд из Ливии, – подвергают их большому количеству рисков для здоровья, прежде всего с психологической точки зрения. Согласно оценкам «Врачи за права человека»¹²⁶, в период с 2014 по 2017 годы 85% мигрантов из Ливии стали жертвами пыток и бесчеловечного обращения, в том числе подвергались содержанию в переполненных и грязных местах, были лишены предметов первой необходимости, испытывали физическое насилие, ожоги, поражения электрическим током. Кроме того, проект «Эсоди ди Меду»¹²⁷ (2018 г.) указывает, что часто похищенных боевиками, обычно задерживают на срок от одного до пяти месяцев. Травматические переживания, пережитые ими как до, так и во время, миграционного пути, вызывают серьезные психические расстройства. Большинство мигрантов, которым организация оказывает «помощь в реабилитации жертв насилия и пыток», страда-

¹²⁶ Medici per i diritti umani (2017). *Rapporto sulle condizioni di grave violazione dei diritti umani dei migranti in Libia (2014-2017)*.

¹²⁷ Medici per i diritti umani (2018). *Esodi*.

ют от посттравматического стрессового расстройства, депрессии и тревожных расстройств. Очевидно, что такие нарушения могут препятствовать и даже угрожать компромиссу на пути интеграции.

Согласно исследованию Министерства здравоохранения и Istat¹²⁸, основанном на данных за 2011-2012 гг., наибольшие трудности, с которыми сталкивались прибывающие иностранцы, заключалась в том, чтобы понять, что говорит врач, затем сообщить ему о своих проблемах или симптомах, а потом выполнить административные процедуры. Сравнивая эти трудности с теми, с которыми сталкиваются иностранцы, живущие в Италии с момента рождения, можно установить параметры для измерения процесса интеграции иностранцев первого поколения.

5. Социальная изоляция

Согласно данным Евростата, в Италии в 2016 году более половины населения (54%) не из стран ЕС, были на грани черты бедности или социальной изоляции. Тогда как в 2010 году только на 44% граждан стран, не входящих в ЕС, подвергались этому риску, что на 10 % меньше, чем сегодня. Кроме того, разница между уровнями риска бедности для мигрантов из стран, не входящих в ЕС, и для местных жителей также со временем выросла настолько, что, если в 2010 году разрыв в Италии был даже меньше среднего по ЕС, то в 2016 году итальянский разрыв достиг европейского уровня (вырос до 27%). Аналогичным образом, уровень материальной и социальной депривации иностранцев, не из стран ЕС, уже сам по себе высокий десять лет назад, увеличился, в то время как в ЕС в целом этот показатель снижался, начиная с 2013 года. Также и разрыв в Италии между гражданами стран, не входящих в ЕС, и коренными итальянцами увеличился: в 2016 году он достиг 15 %, по сравнению с 8 % среднего показателя в ЕС.

¹²⁸ Ministero della Salute e Istat (2014). *Cittadini stranieri: condizioni di salute, fattori di rischio, ricorso alle cure e accessibilità dei servizi sanitari*

Согласно исследованию Istat¹²⁹, в котором рассматривались только семьи с низким доходом, в 2015–2016 годах семьи, состоящие из одного или нескольких иностранцев, находились у черты бедности чаще, а риск социальной изоляции и серьезных лишений по сравнению с семьями только итальянцев был выше (на 6 – 10 %). Единственный показатель, по которому итальянские семьи с низким доходом превышают иностранные семьи, – это показатель «уровень занятости»: иностранцы, как правило, имеют более высокий уровень занятости, чем итальянцы. Несмотря на это, именно семьи с иностранцами кажутся более бедными или обездоленными.

Это свидетельствует о низком уровне заработной платы иностранцев, которые, как правило, работают больше, чем итальянцы, но получают недостаточную заработную плату, чтобы избежать риска бедности или других явлений социальной изоляции. Распределение доходов сильно обусловлено наличием хотя бы одного иностранного члена семьи. Тот же опрос Istat¹³⁰ показывает, что, хотя около 37% итальянских семей входят в два самых низких квинтиля дохода, две из трех семей с иностранцами (67%) занимают одну из этих двух категорий. Напротив, относительное большинство (22%) семей со всеми итальянскими членами находится в квинтиле с самым высоким доходом, против 6% семей с иностранцами.

Проблемы с занятостью неизбежно ограничивают способность находить жилье для иностранцев, в частности для лиц, ищущих убежища, и беженцев. Данные, собранные в структурах Sprar¹³¹, показывают, что в 2016 году почти 80% тех, кто воспользовался услугами системы, указали на отсутствие работы в качестве основной трудности при поиске жилья, далее следовало недоверие к агентствам (46%) и слишком высокий уровень аренды (32%).

¹²⁹ Istat (2017). *Condizioni di vita, reddito e carico fiscale delle famiglie*.

¹³⁰ Istat (2017). *Condizioni di vita, reddito e carico fiscale delle famiglie*.

¹³¹ Sprar (Sistema di protezione per richiedenti asilo e rifugiati) (2017). *Rapporto annuale Sprar 2017*

Наконец, естественно ожидать, что люди с более высоким уровнем бедности, имеют большую вероятность социальной изоляции и более низкий уровень социальной защиты, более подвержены риску вовлечения в преступную деятельность. Однако для того, чтобы добиться понимания масштабов этого явления, важно помнить, что преступления не могут учитываться непосредственно: единственный способ оценить их – это учитывать вынесенные обвинения и количество людей, находящихся в тюрьме. Данные Евростата показывают, что при наличии иностранцев в Италии в количестве примерно 8,3% населения в 2016 году, количество вынесенных им в том же году обвинений составило 29% от общего числа, и при этом 34% заключенных являлись иностранцами. Другими словами, из 1000 иностранцев в Италии около 3,8 находятся в тюрьме, а из 1000 итальянцев – 0,6. Таким образом, представляется, что иностранец более чем в шесть раз чаще подвергается аресту, чем итальянец. Однако эти данные маскируют более сложную реальность. Прежде всего, в то время как иностранцы и итальянцы имеют схожие показатели по насильственным преступлениям, таким, например, как умышленное причинение вреда здоровью (5,5% преступлений для обеих групп), иностранцы гораздо чаще попадают в тюрьму за преступления, связанные с производством и торговлей наркотическими веществами (45% против 36%).

Кроме того, следует помнить, что часть иностранцев, находящихся в тюрьме, была осуждена за преступления, связанные с нарушением порядка пребывания их в стране, и что иностранцы реже подвергаются альтернативным тюремным мерам наказания (таким как, например, домашний арест).

Следует также отметить, что, несмотря на то, что показатели бедности и социальной изоляции иностранцев остаются высокими, а зачастую даже со временем ухудшаются, разрыв между показателями преступности среди иностранцев и преступности коренных итальянцев, имеет тенденцию к сокращению. В период с 2009 по 2015 год, в срав-

нении с увеличением числа иностранного населения на 47%, количество заключенных иностранных граждан сократилось с 37% до 33%.

Наконец, хотя доступные данные в этом вопросе ограничиваются 2009 г., и более актуальная статистика пока недоступна, важно подчеркнуть, как различия в уровне преступности между итальянцами и иностранцами в значительной степени объясняются статусом нелегальности последних. В частности, в 2009 году совокупные данные показали, что иностранцы имели вероятность получить обвинение в 5,3 раза чаще, чем итальянцы. Но если иностранное население разделить на находящиеся легально и нелегально, то оказывается, что нелегально находящиеся иностранцы, как правило, обвиняются примерно в 20 раз чаще, чем итальянцы, в то время как у обычных иностранцев уровень этого показателя составляет 1,3, что лишь немного выше, чем у итальянцев.

6. Ксенофобия

Результаты многочисленных исследований и вопиющих эпизодов преступлений свидетельствуют о наличии достаточно сильных ксенофобских настроений в широких слоях населения Италии. Интерес представляют данные исследования, проведенного Amnesty International¹³², целью которого было отслеживание в Facebook и Twitter социальных профилей всех кандидатов в ходе избирательной кампании по формированию нового итальянского парламента в феврале и марте 2018 года. Оно показало, что некоторые политические силы активно использовали стереотипы и пропаганду ненависти, чтобы оправдать широко распространенный популизм, продвигая чувства идентичности и ксенофобские настроения. Они способствовали разжиганию розни, применяя выражения, которые часто имели дискриминационный характер, а не способствовали объединению и интеграции, например, утверждая, что меньшинства и уязвимые группы представляют собой угрозу, и что права не могут быть для

¹³² Amnesty International Italia (2018). *Conta fino a 10. Barometro dell'odio in campagna elettorale.*

всех одинаковыми. За 23 дня было собрано 787 предупреждений, которые были отправлены 129 кандидатам, 77 из которых были в итоге избраны. Среди получивших предупреждение сообщений, 49,3% написаны в виде постов, 38,4% – имели видео и 12,3% – представляли собой фотомонтаж. Феномен миграции был центральной темой этих сообщений, получивших предупреждение: 91% из них были направлены на мигрантов и иммигрантов; 11% – касались религиозной дискриминации, передавая исламофобские настроения, а 4,8% – цыган. 7% заявлений прямо подстрекали к насилию, еще 17,5% было трудно квалифицировать, подозревая при этом скрытые подстрекательства. 32% предупреждений касались содержания поддельных новостей и некорректных данных, при этом, подлинность 37% сообщений было трудно установить, поскольку они использовали перемешивание новостей, статистики и данных, которые трудно проверить. Что касается темы миграции, то 10% предупреждений касались вопроса безопасности и 7% – темы приема беженцев с агрессивным тоном, определяющим иммиграцию как «социальную бомбу», способную привести к «социальному конфликту» и «гражданской войне». Доминирующая риторика «мы против них» сопровождалась повествованием «они против нас» и «мы против тех, которые помогают им». Наиболее часто используемыми словами для идентификации и изображения мигрантов и иммигрантов были: «подпольные», «нелегальные», «беженцы», «иностранцы», а также использование дегуманизации с помощью таких названий, как «ресурсы», «звери», «черви».

Тема иммиграции, таким образом, в Италии имеет широкий масштаб и сложность, которую, конечно, невозможно полностью описать в пунктах, рассмотренных выше, она включает в себя тесную взаимосвязь с ситуациями, событиями и реалиями других стран мира. Эта реальность находится в непрерывной эволюции, в которой всегда возможны большие перемены, как к лучшему, так и к худшему, которые всегда возможны, а иногда и неизбежны. Хотя невозможно с абсолютной уверенностью сказать, что произойдет в ближайшем

будущем, в настоящее время уже понятно, что мультикультурный характер итальянского общества стал более выраженным, и это требует качественно новых идей и действий в образовательной, социальной, культурной и политической сферах.

Литература

1. Amnesty International Italia (2018). Conta fino a 10. Barometro dell'odio in campagna elettorale.
2. Istat (2001). Rapporto Istat – 14° Censimento della popolazione: dati definitivi. Cittadini stranieri residenti.
3. Istat (2005). Rapporto Istat – Bilancio Demografico e popolazione residente straniera al 31 dicembre 2004 per sesso e cittadinanza.
4. Istat (2013). Ricostruzione della popolazione residente per età, sesso e cittadinanza nei comuni.
5. Istat (2016). Cittadini Stranieri. Popolazione residente e bilancio demografico al 31 dicembre 2015.
6. Istat (2017). Bilancio demografico nazionale al 31 dicembre 2016.
7. Istat (2017). Condizioni di vita, reddito e carico fiscale delle famiglie.
8. Medici per i diritti umani (2017). Rapporto sulle condizioni di grave violazione dei diritti umani dei migranti in Libia (2014-2017).
9. Medici per i diritti umani (2018). Esodi.
10. Militello, V., Spina, A. (2015). Il traffico di migranti: Diritti, tutele, criminalizzazione. Torino: Giappichelli.
11. Ministero della Salute e Istat (2014). Cittadini stranieri: condizioni di salute, fattori di rischio, ricorso alle cure e accessibilità dei servizi sanitari.
12. Ministero dell'Istruzione, dell'Università e della Ricerca (2018). Gli alunni con cittadinanza non italiana, A.S. 2016/2017.
13. Rosoli, G. (1978). Un secolo di emigrazione italiana 1876-1976. Roma: Cser.

14. Sprar (Sistema di protezione per richiedenti asilo e rifugiati) (2017). Rapporto annuale Sprar 2017

15. Villa, M., Emmi, V., Corradi, E. (2018). Migranti: la sfida dell'integrazione. ISPI/CESVI: Milano.

Раздел 3. Миграционные процессы как фактор возникновения конфликтов на территории Российской Федерации

3.1. Миграционные риски в полиэтничном регионе: опыт эмпирического анализа (на примере Волгоградской области)

Дроздова Ю.А.

Миграционные процессы в современном мире являются сложными, многоаспектными и многосубъектными, затрагивают практически все сферы жизни социума. Данные социальные процессы являются необратимым и неотъемлемым элементом современного общественного развития. Ситуация неопределенности, которая сопровождает миграцию населения, связана с различными причинами, вызывающими миграцию и определяющими множественность её видов, факторами, влияющими на миграцию, мотивами мигрантов, направлениями, масштабами, и другими составляющими, что «обеспечивает систематическое воспроизводство рисков»¹³³.

Риск является категорией междисциплинарной, и общего определения риска до сих пор не выработано. Каждая наука, использующая данное понятие, имеет свой взгляд на его определение и свои интерпретационные концепции.¹³⁴ Миграционный риск является для нас мерой неопределенности и возможных негативных/ позитивных последствий, проистекающих вследствие миграционных процессов, которые мы не успеваем осознать в связи с увеличением объемов ми-

¹³³ Яницкий О. Н. Социология риска: ключевые идеи / О. Н. Яницкий // Мир России. 2003. №1. С. 13.

¹³⁴ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. М.: ЮНИТИ, 2000. 165 с.; Луман Н. Понятие риска / Н. Луман // THESIS. 1994. №5. С. 135 – 160; Яницкий О. Н. Социология риска: ключевые идеи / О. Н. Яницкий // Мир России. 2003. №1. С. 3 – 35; Bradbury J. The Policy Implications of Different Concepts of Risk / J. Bradbury // Science, Technology & Human Values. 1984. Vol. 14. No 4. Pp. 380 – 399; Rosa Eu. Metatheoretical Foundations for Post-Normal Risk / Eu. Rosa // Journal of Risk Research. 1998. No 1 (1). pp. 15-44.

грации и вызовов, связанных с ними, всей социальной системе. Миграционные риски являются неизбежным следствием современных социальных процессов в России и мире (неравномерное развитие экономики, вооруженные конфликты, т. д.) и необходимой функциональной составляющей социальной системы в условиях постоянных социальных трансформаций и социальных конфликтов.

Ситуация в европейских странах, неуправляемые потоки иммигрантов из Сирии и других стран, вынужденное ужесточение законодательств, регулирующих миграционные процессы, – все это свидетельствует о росте миграционных рисков и трудностях в управлении миграционной ситуацией, необходимости «пересмотра традиционных схем управления социальными процессами».¹³⁵ Выявление миграционных рисков, разработка практических рекомендаций по их управлению и минимизации является стратегическим направлением в рамках обеспечения общенациональной и региональной безопасности, формирования солидарной социальной среды как гаранта предотвращения межнациональных конфликтов в полиэтничном пространстве российских регионов¹³⁶.

Признавая высокую научную значимость исследовательского поиска в области миграции Л. М. Дробижевой, В. И. Мукомеля, А. Ахиезера, Е. Ю. Садовской, Т. Н. Юдиной, О. Д. Воробьевой, Е. С. Красинец, Е.В. Тюрюкановой, Ж. А. Зайончковской, Л.Л. Рыбаковского и других ученых, тем не менее, можно отметить, что исследования миграционных рисков носят ограниченный характер, научные разработки пока не находят применения в конкретных действиях органов власти и управления. Анализ социальных рисков, связанных с миграционными процессами, пока не является точным расчетом, на основе которого можно строить четкую грамотную программу управ-

¹³⁵ Коллиер П. Исход: как миграция изменяет наш мир. Пер. с англ. Н. Эдельмана / П. Коллиер. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. С. 80.

¹³⁶ Миграционные процессы современной России: политическое прогнозирование в управлении. Учебно-методическое пособие / Е.Л. Рябова, Т.М. Бормотова, А.Ф. Радченко, Т.Р. Суздалева. Международный издательский центр «Этносоциум», 2015. 154 с.

ления миграционными процессами во избежание превращения рисков в социальные конфликты.

Россия – страна с исторически сложившимися многонациональными традициями, открытостью границ для миграции населения. Огромные просторы, неосвоенные земли издавна привлекали мигрантов из других стран, были желанны и для переселения в поиске лучших мест для коренного населения. Переселения происходили и принудительно, перемещались даже целые народы. И всегда эти передвижения сопровождались рисками. Однако их учета, расчета никогда не велось, в государственном управлении до не давнего времени данные предметы не были в фокусе внимания.

Но сегодня объемы миграции очень велики, серьезно изменились ее векторы, в связи с катастрофической убылью населения в некоторых регионах растет потребность во все новых мигрантах, отчасти стабилизирующих демографическую ситуацию и состояние рынка неквалифицированного труда в провинциальных регионах на евразийском пространстве.

В сложившихся условиях расчет миграционных рисков является стратегическим направлением при решении задач в управлении миграцией, связанных с ней проблем, что демонстрирует опыт европейских стран. Чтобы риски не превратились со временем в катастрофы различного характера для региона, необходимо знать их, отслеживать, при формировании программ развития региона учитывать миграционные риски. Другими словами, необходимо контролировать риски, иначе получится так, что мы будем тратить огромные ресурсы на поддержание только безопасности среды, в которой мы живем. Тогда ни о каком развитии региона говорить и не приходится. Проблему гораздо легче предупредить, чем затем решать.

Для Волгоградской области исследование миграционных рисков представляются особенно важными, поскольку регион занимает приграничное положение и имеет ряд особенностей, которые выявлялись в рамках реализации гранта РГНФ (РФФИ) № 16-13-34011 «Мигра-

ционные риски в полиэтничном регионе: социолого-управленческий анализ». По данным опроса, проведенного в 2016 году в рамках реализации данного гранта¹³⁷, 34,3% опрошенных сложившиеся взаимоотношения принимающего населения и иммигрантов в Волгоградской области охарактеризовали как «терпимые», а 19,8% респондентов – как «скрытую напряженность», при этом, при оценке возможных последствий, связанных с увеличением объемов миграции, 56,5% участвовавших в опросе высказали свое согласие с утверждением, что «возможны негативные изменения, если этому вопросу не уделять внимание». Полученные данные массового опроса позволяют определить ситуацию в Волгоградской области как рискогенную.

По данным Волгоградстата в 2017 году в Волгоградскую область прибыло 60 391 человек. Из других регионов РФ прибыли 23 473, из стран СНГ – 4571, остальных государств – 2011 человек. Выбыли из Волгоградской области 66 251 человек, из которых 32 495 переехали в другие субъекты РФ, 3079 – в страны СНГ, 341 человек – в страны, не относящиеся к постсоветскому пространству. Согласно данным Волгоградстата, в 2018 году из области уехали почти 68 000 человек¹³⁸. По данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Волгоградской области прибывающее население не компенсирует выбывающее население. С 1992 года смертность в регионе превышает рождаемость. Естественный прирост населения: 2009 (-3,1), 2010 (-3,4). В 2010 году по детской смертности (дети до 1 года) Волгоградская область оказалась на 1-м месте в Южном федеральном округе. Причиной такой ситуации является низкий уровень регионального здравоохранения, экологические, демографические проблемы. Снижение численности населения Вол-

¹³⁷ Опрос проводился под руководством автора в рамках реализации гранта РГНФ ««Миграционные риски в полиэтничном регионе: социолого-управленческий анализ» (N = 500, жители Волгоградской области, июль – август 2016).

¹³⁸ Цит по: Уезжать стали чуть меньше: Волгоград остался городом, из которого бегут. URL:[http:// v1.ru/text/gorod/66053068/](http://v1.ru/text/gorod/66053068/) (дата обращения 25.10.2019).

гоградской области прогнозируется к 2031 году на 300 тыс. человек (Рисунок 3.1)¹³⁹.

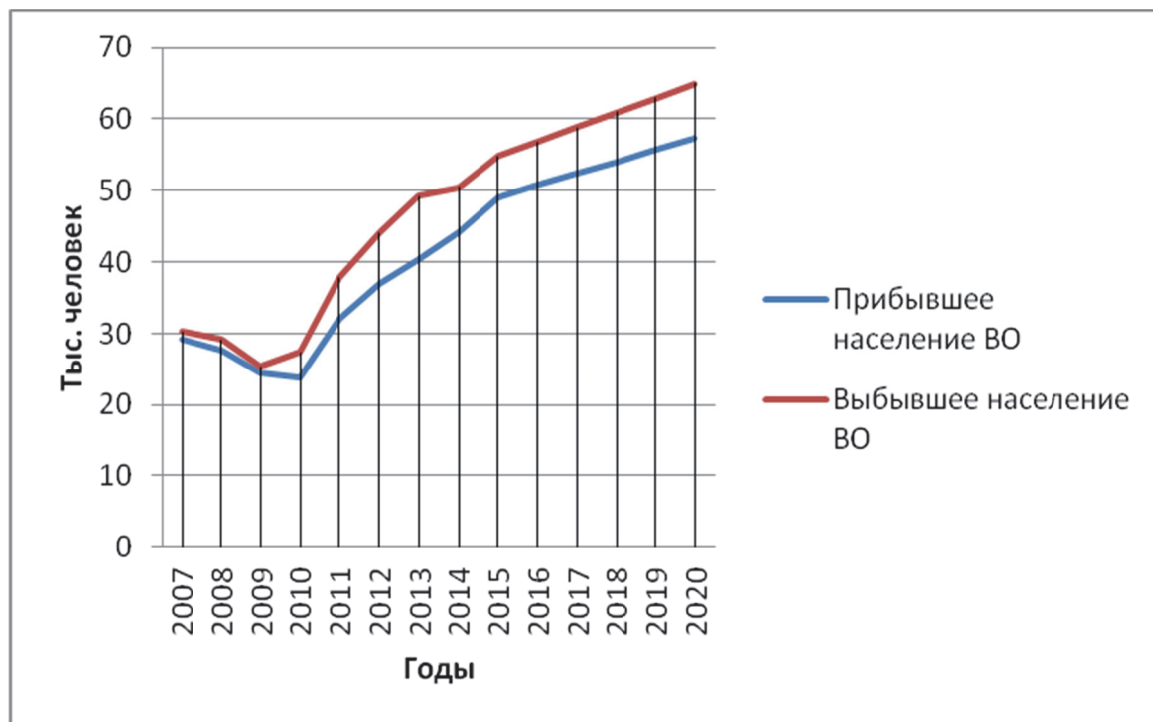

Рис. 3.1. Соотношение прибывающего и выбывающего населения Волгоградской области, 2007 – 2020 гг.

Но не только за счет естественных показателей (смертность/рождаемость) происходит убывание населения в регионе. Происходит активная эмиграция населения в другие регионы Российской Федерации: в Краснодарский край, Ростовскую область, Москву, Московскую область, Санкт-Петербург. Выбывающее население из региона находится в трудоспособном возрасте, в основном это квалифицированные, высокообразованные кадры. Иммиграционный поток в регион составляют мигранты из Казахстана и Узбекистана, Украины, Ар-

¹³⁹ Статистический анализ и краткосрочный прогноз численности населения Волгоградской области //Региональная экономика и управление: электронный научный журнал // Номер журнала: №3 (51), 2017. URL: <http://eee-region.ru/wp-content/uploads/2014/11/logo-region1.png>. (дата обращения 30.10.2019).

мении, Азербайджана. Население, прибывающее в регионы, имеет в основном среднее и среднее профессиональное образование¹⁴⁰.

Важная особенность Волгоградской области – её объективная потребность в иммигрантах. Начиная с 1989 по 2012 год, общий прирост населения области был сформирован в основном за счет миграции, которая в те годы компенсировала убыль населения. На современном этапе происходит убыль населения региона, и Волгоградская область объективно нуждается в иммигрантах: и как в рабочей силе, и как в «ресурсе» пополнения населения. События на Украине, массовый поток беженцев, размещение их в Южном федеральном округе с 2013 года изменили ситуацию и в Волгоградской области, актуализировав проблемы в сфере миграции в связи с увеличением количества прибывающего населения в регион.

Волгоградская область является многонациональной: на ее территории проживают более 150 национальностей и народностей, среди них представители бывших союзных республик, автономных округов и областей, и многих зарубежных стран: болгары, турки, греки, афганцы, финны, чехи, румыны и другие, численность которых в регионе невелика. По данным Переписи населения 2010 года в общей численности постоянного населения русские составляют наибольшую часть – 88,5%, на другие национальности приходится 11,5%: украинцев – 1,4%, казахов – 1,8%, армяне – 1,1%, немцев – 0,4%, татар – 0,9%, белорусов – 0,3%, чеченцев – 0,4%, азербайджанцев – 0,6%, цыгане, корейцы, узбеки – по 0,3%, чуваша, турки, таджики, марийцы – по 0,2%. Остальные национальности составляют 2,9% общей численности населения¹⁴¹.

¹⁴⁰ Миграционные процессы современной России: политическое прогнозирование в управлении. Учебно-методическое пособие / Е. Л. Рябова, Т. М. Бормотова, А. Ф. Радченко, Т. Р. Суздалева. Международный издательский центр «Этносоциум», 2015. 154 с.

¹⁴¹ Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: В 11 т. / Федеральная служба государственной статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. Т.4. Кн.1. 1256 с.; Кн. 2. 847 с.; Кн. 3. 820 с.

Регион пересекают железнодорожные, автомобильные, авиационные и водные пути межрегионального и российского значения, где основные маршруты всех видов транспорта имеют транзитный характер. Областной центр, город Волгоград, является одним из транспортных узлов Северного Кавказа и Поволжья, узлом железнодорожных линий на Москву, Саратов, Казань, Ростов-на-Дону, Астрахань, государства Средней Азии и автомобильных дорог на Москву, Элисту, Астрахань, Ростов-на-Дону, Саратов.

Анализируемые статистические и социально-экономические данные позволяют определить Волгоградскую область как «убывающий» и транзитный трансграничный регион, где, как показывает проведенное исследование, есть вероятность возникновения конфликтов принимающего и прибывающего населения и, в силу этнического состава, имеющих межэтнический характер. Данные конфликты являются самыми разрушительными, трудноуправляемыми. Недопущение, прогнозирование и предупреждение этих конфликтов должны быть приоритетными направлениями в управлении миграцией. Мы можем наблюдать в мониторинговых исследованиях определенную динамику, изменяющегося отношения к представителям других национальностей со стороны, как принимающего населения, так и иммигрантов. Так, по данным 2008 года, при проведении пилотажного исследования в УФМС по Волгоградской области мы получили следующие данные: 61,5% принимающего населения относились к иммигрантам «уважительно, пока не задевается достоинство собственной национальности» и 38,5% считали, что «миграция создает множество проблем для коренного населения»¹⁴² (Таблица 3.1.).

В 2016 году среди принимающего населения увеличился процент людей, относящихся «нейтрально» к представителям других национальностей (39,1% респондентов), но появились люди, которые не скрывают своего негативного отношения к представителям других

¹⁴² Опрос проводился автором в январе – марте 2008 года в Управлении федеральной миграционной службы по Волгоградской области (n =100).

национальностей. Динамика наблюдается и в ответах иммигрантов: уменьшилось количество респондентов, считающих многонациональный состав региона ценностью (с 86,9% до 52,6%), вырос процент респондентов, выбравших ответ «уважительно, пока не задевается достоинство моей национальности» (с 9,5% до 26,7%)¹⁴³ (Таблица 1).

Таблица 3.1.

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы относитесь к представителям других национальностей, прибывающим в регион?», (в %)

Варианты ответов	Принимающее население		Иммигранты	
	2008	2016	2008	2016
Прекрасно, и рад(а), что наша область так открыта для всех	0,0	6,0	86,9	52,6
Уважительно, пока не задевается достоинство моей национальности	61,5	38,5	9,5	26,7
Считаю, что это миграция создает множество проблем для коренного населения	38,5	14,8	0,0	0,7
Нейтрально	0,0	39,1	0,0	20
Не терплю представителей национальностей, отличных от моей	0,0	1,6	3,6	0
Всего	100	100	100	100

¹⁴³ Опрос проводился под руководством автора в рамках реализации гранта РФФИ № 16-13-34011 «Миграционные риски в полиэтничном регионе: социолого-управленческий анализ» (n = 500, жители Волгоградской области, июль – август 2016; n= 150, мигранты, прибывшие в Волгоградскую область).

Изменение данных, с одной стороны, свидетельствует о шатком равновесии в межнациональной сфере, с другой стороны, выросло количество иммигрантов, которые при ответе на данный вопрос выбрали позиции, в сравнении с данными 2008 года, позволяющие говорить о выросших рисках со стороны прибывающего населения.

Ответы на вопрос: «Считаете ли Вы, что увеличение объемов миграции в Волгоградскую область может привести к радикальным изменениям в развитии региона?» также позволяют оценить ситуацию в регионе, связанную с миграционными процессами (Рисунок 3.2).

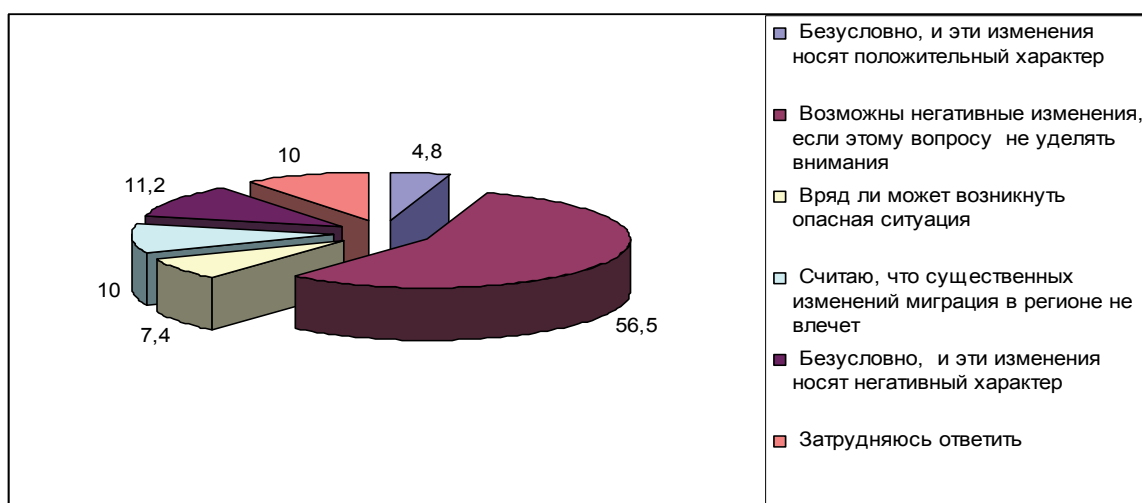

Рис. 3.2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Считаете ли Вы, что увеличение объемов миграции в Волгоградскую область может привести к радикальным изменениям в развитии региона?», (в %)

Как видим, 56,5% опрошенного населения говорят о возможных негативных изменениях, позволяющих рассмотреть миграционные риски, исходя из традиционного сложившегося определения рисков как вызовов, меры опасности и негативных последствий, если этому вопросу не уделять внимания, что также позволяет определить ситуацию в Волгоградской области как рискогенную.

Необходимо также отметить, что социальные риски региона часто носят комплексный характер и миграционная их составляющая должна рассматриваться с учетом состояния других факторов в различных сферах общественной жизни.

Анализ региональной среды управления позволяет выявить ее типологию региональной среды управления: оптимальная, агрессив-

ная, инертная. Полученные данные позволяют охарактеризовать социальную среду региона как инертную. Инертная региональная среда управления характерна для большинства провинциальных российских регионов. Данную среду отличает низкая социальная активность социальных субъектов, апатичное и лишенное инициативы социальное поведение, которое может являться реакцией на социальные изменения, кризис и «социальную травму», латентная конфликтность¹⁴⁴. Данная среда управления, на наш взгляд, представляет наибольшую сложность в процессе управления, так как ей присущи латентная конфликтность и «обывательские», по определению В.А. Ядова¹⁴⁵, поведенческие стратегии. Прогнозирование межнациональных конфликтов в данной среде является затруднительным, необходим тщательный анализ рискогенных факторов, влияющих на развитие ситуации, связанной с растущими объемами иноязычной миграции, особенно из Узбекистана (32%), ставшего основным донором трудовых ресурсов с 2014 года (Рисунок 3.3).

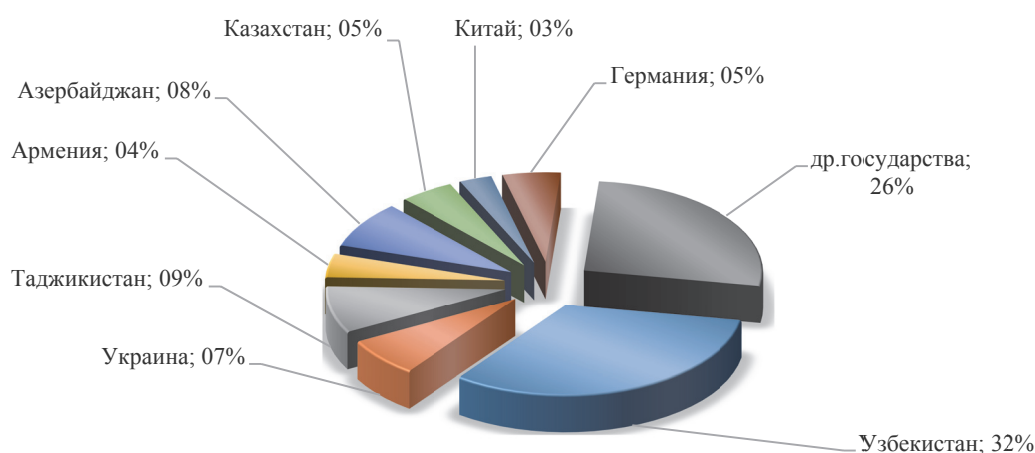

Рис. 3.3. Объемы иммиграции в Волгоградскую область в 2018 году¹⁴⁶

¹⁴⁴ Штомпка П. Социальные изменения как травма / П. Штомпка // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6.

¹⁴⁵ Ядов В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии: отв. ред. Е. В. Шорохова. М: Наука, 1975. С. 110-189.

¹⁴⁶ Информация о миграционной обстановке и основных направлениях деятельности управления по вопросам миграции ГУМВД России по Волгоградской области за 12 месяцев 2018 года.

Эмпирическое исследование, проведенное в рамках реализации гранта РФФИ № 16-13-34011 ««Миграционные риски в полиэтничном регионе: социолого-управленческий анализ», позволило выявить ряд рискогенных факторов, которые содержат, как вызовы, так и возможности, определяют степень рискогенности в Волгоградской области, и актуализируют в связи с их дихотомичностью разработку стратегии управления миграционными рисками.

Среди рискогенных факторов можно выделить отсутствие у иммигрантов равных с коренным населением возможностей для реализации прав. Иммигранты, принявшие участие в исследовании, отмечали определенную структурную дискриминацию и ограниченность возможностей для занятия более высоких, статусных позиций в общественной структуре: *«Образование – высшее, получал еще в СССР. А сейчас... в основном занимаюсь бахчеводством, плантацией. Как приезжаем, так занимаемся этим. Нее, никто не помогает. Жизнь сама заставляет. Как хочешь, так крутись»* (информант № 6, Ленинский район, Волгоградской области)¹⁴⁷. О проблеме, связанной с нерациональным использованием человеческого капитала в депрессивных регионах, говорили и эксперты гранта: *«... есть проблема, которой не уделяется вообще никакого внимания. Проблема недоиспользования человеческого капитала мигрантов. Половина мигрантов с высшим образованием работает на малооплачиваемой работе, вообще не связанной со специальностью»* (информант № 2, ИС РАН, Москва)¹⁴⁸.

Как видим, с одной стороны, можно рассматривать миграцию как возможности для страны – донора, не способной использовать

¹⁴⁷ Глубинные интервью с иммигрантами проводились автором в рамках реализации гранта РФФИ № 16-13-34011 «Миграционные риски в полиэтничном регионе: социолого-управленческий анализ» (N= 15, июль – сентябрь 2016).

¹⁴⁸ Экспертные полуструктурированные интервью с представителями научного сообщества, занимающимися исследованием миграционных процессов (Москва, Санкт-Петербург, Ростов, Ставрополь, Волгоград), проводились автором в рамках реализации гранта РФФИ № 16-13-34011 «Миграционные риски в полиэтничном регионе: социолого-управленческий анализ» (N= 15, июль – сентябрь 2016).

данные трудовые ресурсы даже в этом сегменте, и страны – реципиента, привлекающей на сезонные работы неквалифицированные трудовые ресурсы, но, с другой стороны, эта ситуация увеличивает вызовы, связанные с дискриминацией в сфере трудовых отношений, что не способствует здоровой конкуренции, не увеличивает человеческий капитал, в связи с чем, он утрачивается, а носители данного капитала могут рассматривать другие регионы для безвозвратной миграции. Решение, таким образом, проблем рынка труда является экономически нецелесообразным.

Привлекательность регионов России для миграции рабочей силы зависит от восприятия внутреннего потенциала региона различными группами коренного и мигрирующего населения. Так, по данным исследования, проведенного в рамках реализации гранта РГНФ 13 – 13 – 34009 «Имидж региона как коммуникативная стратегия власти и СМИ», Волгоградская область на сегодняшний день является регионом средней привлекательности для различных целевых аудиторий (для жителей региона; инвесторов; работников; творческих людей; туристов; ученых; молодежи; мигрантов). Среди преимуществ области респонденты отметили «выгодное географическое положение Волгоградской области», связанное с расположением региона на пересечении торговых, транспортных, водных путей страны, близостью к центральным регионам, которые являются инвестиционно-привлекательными¹⁴⁹.

Благоприятные условия для развития сельского хозяйства – для развития животноводства, садоводства, овощеводства в сезон посадочных – уборочных работ (март – октябрь) создают определенные возможности, обеспечивающие приток рабочей силы на данные неквалифицированные работы.

Миграционные риски в экономике и сфере занятости, которые вызывают названные факторы, связаны с ростом конкуренции на

¹⁴⁹ Дроздова Ю. А. Имидж региона: коммуникативные аспекты определения, структурирования и продвижения / Ю. А. Дроздова // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. №4 (29). С. 168.

рынке труда, уменьшением стоимости рабочей силы, существованием теневой занятости, снижением налоговых поступлений при увеличении государственных расходов на социальное содержание иммигрантов, несоблюдением санитарных и иных условий для работников, оттоком средств, заработанных иммигрантами на их родину. Так, по мнению опрошенных мигрантов 25,6% «работают в регионе на полях», 35,4% респондентов считают, что там же работают в основном приезжие, 44% опрошенных регулярно помогают данной работой членам своей семьи, кто остался на их малой Родине¹⁵⁰.

Фактор, связанный с отсутствием у иммигрантов равных с коренным населением возможностей трудоустройства, влияет и на образование риска, который связан с возможностью возникновения «иммигрантских сегментов» экономики. В определенных сферах и отраслях регионального хозяйства происходит частичное или полное замещение работников на иммигрантов, работающих на временной или постоянной основе. На сегодняшний день конкуренции с коренными жителями Волгоградской области не возникает, хотя 50,8% опрошенного населения Волгоградской области считают, что тенденция к увеличению числа иммигрантов в регионе может привести к «повышению конкуренции на рынке труда»¹⁵¹.

Эксперты, представители органов государственной власти и местного самоуправления, научного сообщества, категорически не согласны с этим мнением, считая, что без восполнения трудовых ресурсов в сельскохозяйственном сегменте экономики за счет прибывающего населения, пусть даже на сезонные работы, регион не справился бы с объемом работ: *«Местные не хотят работать на полях, уезжают из района, или находят менее «пыльную» работу. Мы, ко-*

¹⁵⁰ Опрос проводился под руководством автора в рамках реализации гранта РФФИ № 16-13-34011 «Миграционные риски в полиэтничном регионе: социолого-управленческий анализ» (n= 150, мигранты, прибывшие в Волгоградскую область).

¹⁵¹ Опрос проводился под руководством автора в рамках реализации гранта РФФИ № 16-13-34011 «Миграционные риски в полиэтничном регионе: социолого-управленческий анализ» (n = 500, жители Волгоградской области, июль – август 2016).

гда были пацанами, во время каникул все лето на полях подрабатывали, чтобы карманные деньги были, а сейчас местных не заставишь, все в город норовят уехать. За такие деньги только приезжие и работают» (информант № 5, глава района Волгоградской области); *«...район у нас сельскохозяйственный у нас только в сельском хозяйстве в основном работают. Производство сельскохозяйственное. Рынок вот уже достаточно заполнен, вот. И конечно каждый ищет что-то лучшего. Ну, выбытию способствует – это в сельском хозяйстве не хватает хорошей рабочей специальности, которая требует большой квалификации»* (информант № 9, глава района Волгоградской области).

Мы только можем прогнозировать тенденцию, во многом уже ставшую повседневностью в мегаполисах, когда определенные экономические сегменты оказываются занятыми представителями одной национальности. Говоря о данном риске, выделенном экспертами, и вызывающем беспокойство принимающего населения, можно предположить, что его следствием станет рост конкуренции в данных сегментах или даже фактическое недопущение коренных жителей или лиц иной национальности в определенные сферы занятости. Но на сегодняшний день данная дискриминация в трудовых отношениях в Волгоградской области не выявлена.

Названный выше рискогенный фактор определяет другой риск, связанный со слабой мотивацией к адаптации и интеграции мигрантов в принимающее сообщество. Безусловно, для сезонных мигрантов предполагается адаптация, необходимая для кратковременных взаимодействий в регионе – реципиенте. Прибывающее население, работая в качестве овощеводов и на других сельскохозяйственных работах в Волгоградской области (таджики в Среднеахтубинском и Городищенском районах, узбеки – в Быковском и Николаевском районах), ставит основной целью сезонный заработок, даже если он носит ежегодный характер на протяжении нескольких лет, и не стремится интегрироваться в местные сообщества. Но мы вынуждены констатиро-

вать затруднительность или отсутствие адаптации иммигрантов, в том числе, языковой. В основном взаимодействие иммигрантов происходит с представителями своей национальности.

Стратегия минимизации контактов с местным населением, когда работодатели увозят и привозят на работу иммигрантов, фактически образует «разрывы в социальном пространстве»¹⁵², согласно концепции Г. Зиммеля, из-за отсутствия (ограниченности) взаимодействий. Устойчивая сезонная миграция представителей определенной национальности, не ставящих целью даже адаптацию, создает определенные потенциально напряженные территории в регионе. Для минимизации данного миграционного риска необходимы особые программы адаптации для сезонных трудовых мигрантов, постоянный контроль со стороны органов местного самоуправления.

Риск снижения интеллектуального потенциала общества, определяется качественным составом трудовых ресурсов в Волгоградской области и привлечением неквалифицированных иностранных рабочих из стран СНГ, задействованных в строительстве, сельском хозяйстве, торговле и сфере обслуживания¹⁵³. Этот риск связан и с оттоком образованного населения из региона. Основной причиной оттока, по мнению опрошенного населения, являются: «безработица в регионе» (54,9% респондентов); «проблемы с рабочими местами» (40,6%); низкие заработные платы (23,4% опрошенных); «жилищные проблемы» и «отсутствие перспектив» (по 18,2% участников опроса соответственно)¹⁵⁴.

Риск снижения интеллектуального потенциала Волгоградской области будет повышаться до тех пор, пока не будут разработаны и предприняты специальные меры по удержанию в регионе высоко-

¹⁵² Зиммель Г. Социология пространства / Г. Зиммель // Избранное. – Т. 2. Со-зерцание жизни. М.: Юрист, 1996. С. 412.

¹⁵³ Алисов Н. А. Трудовая миграция в Москве: факты, мнения, перспективы / Н. А. Алисов. М.: Изд-во Московского ун-та, 2015. 445 с.

¹⁵⁴ Опрос населения, проведенный под руководством автора, в рамках реализации полевого этапа гранта 13-13-34009 «Имидж региона как коммуникативная стратегия власти и СМИ» (n = 1000; июль – сентябрь 2013).

квалифицированных кадров за счет улучшения использования сформированного трудового потенциала, повышению качественного состава трудовых ресурсов, в том числе за счет привлечения специалистов и создания для них соответствующих условий. Удержание и мотивирование на работу в регионе имеющихся человеческих ресурсов представляется задачей стратегического развития региона и должно быть в числе приоритетных задач региональной власти, а привлечение высококвалифицированных кадров в регион – задача более сложная и которая должна решаться совместно с другими регионами и федеральной властью, как это было в регулируемых практиках распределения трудовых ресурсов в СССР после получения соответствующего образования, что также способствовало интеграции прибывшего населения в социальную среду региона – реципиента.

Следующим рискогенным фактором является отсутствие возможностей развивать свою этнокультуру на желаемом уровне. Так, по мнению 44,2% опрошенных мигрантов, при адаптации прибывающего населения *«должна сохраняться самобытность своей культуры и религии»*¹⁵⁵, следовательно, говорить об адаптации, ассимиляции и интеграции как о неких идеальных моделях затруднительно, так как прибывающее население по-прежнему более предпочтительной считает модель мультикультурализма, открывающую возможности для межкультурного диалога в полиэтничных регионах, но и содержащую определенные вызовы, не способствующую интеграции прибывающего населения, а, в большей степени, предполагающую адаптивные стратегии, как со стороны принимающего населения, так и со стороны иммигрантов.

Известный исследователь миграционных процессов Т. Н. Юдина обращает внимание на тенденцию культурного и социального размежевания мигрантов по этническому основанию и делает вывод, что

¹⁵⁵ Опрос прибывающего населения проводился под руководством автора в рамках реализации гранта РФФИ № 16-13-34011 «Миграционные риски в полиэтничном регионе: социолого-управленческий анализ» (N=150, июль – сентябрь 2016 года).

если этническое разнообразие не трансформировать в «социальный капитал», то это приведет к конфликтам. Муниципальная и государственная политика направлена на избегание межнациональных конфликтов любой ценой¹⁵⁶, что, по мнению данной ученой, не всегда оправдано, и формирует латентно-конфликтную, инертную среду, которая впоследствии может привести к более серьезным конфликтам. Практика социальных конфликтов, имеющих этническую природу, в подавляющем большинстве случаев, трагична, поэтому задача научного знания не допустить или, по крайней мере, предупредить общество о возможности разрушительных последствий. Перспективной выглядит позиция М. Н. Козюка, предлагающего перманентное использование технологии медиации, суть которой сводится к выявлению причин, рисков, выслушиванию потенциально конфликтующих сторон, организации их примирения, недопущения развития конфликта¹⁵⁷. Грамотная, профессиональная деятельность политических акторов, органов власти, научного сообщества может снять напряженность в конфликтной ситуации, помочь найти компромисс конфликтующим сторонам, определить перспективы оптимизации взаимодействия между принимающим и прибывшим населением, но устранить конфликты единожды, раз и навсегда, невозможно.

По мнению экспертов, представителей научного сообщества и органов государственной и муниципальной власти, большое число иммигрантов, исповедующих отличные от христианства религии, проживающих на территории области, может привести к тому, что миграционный риск, связанный с возникновением конфликтов на религиозной почве, будет расти. Так, по мнению экспертов из Москвы и Волгоградской области: *«Я бы на первое место поставил бы кон-*

¹⁵⁶ Юдина Т.Н. Миграция и этническое разнообразие в московском мегаполисе: основные подходы к управлению / Т. Н. Юдина // Материалы Афанасьевских чтений. 2015. Т. 1. № 13. С. 89.

¹⁵⁷ Козюк М.Н. «Миру – мир»: медиативная технология снижения социальной конфликтности в местных сообществах: монография / М.Н. Козюк. Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС. Волгоград: Издательство Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2017. 204 с.

фессиональные риски, понимаете. Межконфессиональные разборки – вот это вот сейчас главное...» (информант № 4, ИС РАН, Москва); *«... Я считаю – конфессиональные риски. Основной риск... Потому что, нуу, (задумался) другая культура. Если конфессию поместить в культурные показатели, а они входят, то, конечно, культурные риски* (информант № 3, ИС РАН, Москва); *«... У нас есть другая проблема, очень сильная – это радикализация ислама. Вот это, на мой взгляд, является очень серьезной проблемой, которая носит интернациональный характер»* (информант № 10, Дом Дружбы, Волгоград).

Учитывая сложившуюся ситуацию с радикализацией исламских течений, профессиональной зарубежной подготовкой религиозных служителей, это будет увеличивать вызовы или угрозы для региона – реципиента. Сложность прогнозирования и управления данными рисками, безусловно, актуализирует их исследование и повышенное внимание, постоянную культурно-просветительскую работу на территории принимающих регионов¹⁵⁸.

Рискогенным фактором являются и нерешенность жилищного вопроса (как правило, заработная плата у иммигрантов невелика и не позволяет приобрести жилье). Стремление в решении жилищного вопроса препятствует образованию анклавов, даже в условиях малоэтажной, индивидуальной застройки в районных поселениях Волгоградской области, формирует активный спрос на аренду жилья в регионе, но, с другой стороны, вызывает недовольство принимающего населения многочисленностью соседей проживающих в домах, квартирах, не соответствующих по нормам численности в них проживающих, антисанитарными условиями, ухудшением криминогенной ситуации в определенных районах, что часто становится причиной бытовых конфликтов¹⁵⁹.

¹⁵⁸ Ягуткина Е.С., Ягуткин С.М. Проблемы исламизации современного общества. Режим доступа: http://euroregion2013.blogspot.ru/2013/04/blog-post_3699.html (дата обращения 25.09.2019).

¹⁵⁹ Зайончковская Ж. А., Ноздрин Н. Н. Миграционный опыт населения региональных центров России (на примере социологического опроса в 10 городах) / Ж. А. Зайончковская, Н. Н. Ноздрин // Проблемы прогнозирования. 2008. № 4. С. 98 – 112.

Можно выделить и другие факторы, определяющие риски как вызовы и возможности, среди которых, безусловно, необходимо учитывать национальную безопасность. Экстремизм и терроризм, не имея очевидной каузальности с миграцией, могут определенными политическими силами, заинтересованными в дестабилизации, международных конфликтах, включаться и быть составляющими миграции, что, безусловно, представляет вызов и даже угрозу региональной и государственной безопасности и крайнюю опасную форму определения миграционного риска. Перспективы борьбы с экстремизмом и терроризмом как наиболее значимым социальным злом, сопряженным с миграционными процессами в современных обществах, видятся в объединении международных сил, последовательном нивелировании социального неравенства посредством минимизации разрыва между богатыми и бедными, проведении сбалансированной политики при решении национальных вопросов в полиэтничных регионах и странах¹⁶⁰.

Незащищенность труда иммигрантов и отсутствие необходимых условий труда и жилья, настороженное отношение со стороны органов власти и коренного населения, несовершенство миграционного законодательства и другие причины могут послужить, на наш взгляд, факторами, влияющими на риск ухудшения криминогенной ситуации в регионе. Следует отметить, что пока этот риск в его миграционной составляющей удастся снизить благодаря ужесточению миграционного законодательства. Так, «за 12 месяцев 2018 года на территории Волгоградской области (согласно сведениям ИЦ ГУ МВД России по Волгоградской области) выявлено 476 преступлений, предусмотренных статьями 322, 322.1, 322.2, 322.3 УК РФ, по которым впоследствии возбуждены уголовные дела (на 81,7%)»¹⁶¹.

¹⁶⁰ Bradbury J. The Policy Implications of Different Concepts of Risk / J. Bradbury // Science, Technology & Human Values. 1984. Vol. 14. No 4. pp. 380 – 399.

¹⁶¹ Информация о миграционной обстановке и основных направлениях деятельности управления по вопросам миграции ГУМВД России по Волгоградской области за 12 месяцев 2018 года.

Необходимо уделять особое внимание управлению этим миграционным риском, связанным с другими проблемами (трудоустройства, обеспеченности жильем, знанием русского языка, и т.д.), необходимо исследование данной проблемы, мотивации мигрантов к противозаконной деятельности на принимающей территории, и профилактика делинквентного поведения, как прибывающего населения, так и принимающего населения¹⁶².

Анализируя социальные последствия иммиграции в Волгоградскую область, важно оценить социальные отношения, которые складываются между принимающим населением и прибывающим, характер взаимодействий и связей, а также необходимо выделить, как положительные, так и отрицательные стороны, касающиеся миграционных процессов. Вот как оценивали эксперты, эти отношения: *«Нормальные. Почти все, приехавшие к нам, приехали, ну..., достаточно давно, от 10 и больше лет. Ну, по-простому говоря, обрусели, или по-научному, ну, скажем так, познакомились с местными обычаями, традициями. В основном относятся уважительно, хотя есть вопросы, есть»* (эксперт № 15, районная администрация, р.п. Рудня); *«Хочу сказать, что никаких проблем, связанных с мигрантами, в отношении взаимоотношений, никаких нет. Т.е., проводился ряд мероприятий, которые вот опять-таки, я повторюсь, это культура, традиции и т.д. И всегда положительно очень относится молодежь к познанию традиций, быта тех граждан, которые к нам приезжают»* (эксперт № 18, районная администрация, г. Жирновск).

Многие данные и классификация рисков требуют дальнейшего тщательного изучения, поскольку социальное пространство постоянно видоизменяется: могут произойти изменения в законодательстве, изменения потоков миграции вследствие непредвиденной политической ситуации и, как следствие, возникнуть ранее неучтенные риски или измениться уже изученные. Кроме того, все социальные риски

¹⁶² Сакаев В.Т. Миграции в Российской Федерации в XXI веке: социально-политические риски // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. Кн. 1. С. 214-221.

взаимосвязаны. Их довольно трудно разделить. Управляя одним риском, мы косвенно влияем на другие, а изменения величины одного риска неизбежно затронут другие связанные с ним риски.

Как показало проведенное исследование в рамках реализации гранта РФФИ № 16-13-34011 «Миграционные риски в полиэтничном регионе: социолого-управленческий анализ», миграционные процессы рискогенны. При неграмотном управлении или его отсутствии миграционные риски (демографический риск, связанный с уменьшением численности населения в регионе; риск снижения интеллектуального потенциала; риски в экономике и в сфере занятости; риск возникновения «иммигрантских сегментов» экономики; риск межнациональных конфликтов; ухудшения криминогенной ситуации в регионе; риск конфликтов на религиозной почве; риски терроризма, экстремизма) могут привести к резко отрицательным последствиям на региональном и государственном уровнях управления.

Определение миграционных рисков и управление ими в Волгоградской области – одном из центров миграционных процессов Южного Федерального округа – сегодня, может дать положительные результаты уже в недалеком будущем. Необходимо определить значение миграционных рисков региона (отдельно по каждому риску), исходя из последствий для региона, вероятность угроз, рассчитать затраты по их минимизации, на базе максимально полной социологической, статистической и иной информации и осуществлять их мониторинг.

Новая социальная реальность, связанная с влиянием миграции на современное общество, нуждается в исследовании, осмыслении и разработке новой политики взаимодействия с национальными диаспорами, изменениях в адаптивных или интегративных стратегиях принимающего и прибывающего населения; в изменениях установок, стереотипов общественного сознания. Постоянное взаимодействие с федеральным уровнем власти для совместной скоординированной работы в сфере управления миграцией на основе расчета социальных рисков также способно решить стратегические задачи.

Регион, муниципальные образования должны стать базой управления рисками, обладая соответствующими характеристиками, ресурсами, особенностями, присущими ему типами и моделями миграции. Выявление, анализ миграционных рисков в режиме мониторинга, отказ от культивирования угроз и мигрантофобий, акцентирование внимания на положительных последствиях неизбежных в современном взаимосвязанном мире миграционных процессов, их регулирование с учетом исторического, демографического, социально-экономического развития территории, создание условий для успешной адаптации и интеграции иммигрантов, формирование региональной идентичности, – являются стратегическими направлениями в рамках обеспечения общенациональной и региональной безопасности, поддержания солидарной социальной среды как гаранта предотвращения межнациональных конфликтов в полиэтничном пространстве российских регионов.

Литература

1. Алисов Н.А. Трудовая миграция в Москве: факты, мнения, перспективы / Н. А. Алисов. М.: Изд-во Московского ун-та, 2015. 445 с.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. М.:ЮНИТИ, 2000. 165 с.
3. Дроздова Ю. А. Имидж региона: коммуникативные аспекты определения, структурирования и продвижения / Ю. А. Дроздова // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. №4 (29). С. 165 – 172.
4. Зайончковская Ж.А., Ноздрин Н. Н. Миграционный опыт населения региональных центров России (на примере социологического опроса в 10 городах) / Ж.А. Зайончковская, Н. Н. Ноздрин // Проблемы прогнозирования. 2008. № 4. С. 98 – 112.
5. Зиммель Г. Социология пространства / Г. Зиммель // Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. 607 с.

6. Информация о миграционной обстановке и основных направлениях деятельности управления по вопросам миграции ГУМВД России по Волгоградской области за 12 месяцев 2018 года. Предоставлена комитетом по делам национальностей и казачества Волгоградской области 31.10.2019 года.

7. Коллиер П. Исход: как миграция изменяет наш мир. Пер. с англ. Н. Эдельмана / П. Коллиер. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 384 с.

8. Козюк М.Н. «Миру – мир»: медиативная технология снижения социальной конфликтности в местных сообществах: монография / М.Н. Козюк; Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС. Волгоград: Издательство Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2017. 204 с.

9. Луман Н. Понятие риска / Н. Луман // THESIS. 1994. №5. С. 135–160.

10. Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: В 11 т. / Федеральная служба государственной статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. Т.4. Кн.1. 1256 с.; Кн. 2. 847 с.; Кн. 3. 820с.

11. Миграционные процессы современной России: политическое прогнозирование в управлении. Учебно-методическое пособие / Е.Л. Рябова, Т.М. Бормотова, А.Ф. Радченко, Т.Р. Суздалева. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2015. 154 с.

12. Сакаев В.Т. Миграции в Российской Федерации в XXI веке: социально-политические риски // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. Кн. 1. С. 214-221.

13. Статистический анализ и краткосрочный прогноз численности населения Волгоградской области // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2017. №3 (51). URL: <http://eee-region.ru/wp-content/uploads/2014/11/logo-region1.png>. (дата обращения 30.10.2019).

14. Уезжать стали чуть меньше: Волгоград остался городом, из которого бегут. – URL: [http:// v1.ru/text/gorod/66053068/](http://v1.ru/text/gorod/66053068/) (дата обращения 25.10.2019).

15. Штомпка П. Социальные изменения как травма / П. Штомпка // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6 –16.

16. Этнополитика и миграция: конфликты, согласие и толерантность в XXI веке: сборник статей Международного научного симпозиума, (г. Набережные Челны, 23 июня 2014 г.) / науч. ред.: О.И. Зазнаев, В.Т. Сакаев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. 266 с.

17. Юдина Т.Н. Миграция и этническое разнообразие в московском мегаполисе: основные подходы к управлению // Материалы Афанасьевских чтений. 2015. Т. 1. № 13. С. 87 – 94.

18. Ягуткина Е. С., Ягуткин С. М. Проблемы исламизации современного общества. – URL: [http://: http://euroregion2013.blogspot.ru/2013/04/blog-post_3699.html](http://euroregion2013.blogspot.ru/2013/04/blog-post_3699.html) (дата обращения 25.09.2019).

18. Яницкий О. Н. Социология риска: ключевые идеи / О. Н. Яницкий // Мир России. – 2003. – №1. – С. 3 – 35.

19. Bradbury J. The Policy Implications of Different Concepts of Risk /J. Bradbury // Science, Technology & Human Values. – 1984. – Vol. 14. – No 4. – Pp. 380-399.

20. Rosa Eu. Metatheoretical Foundations for Post-Normal Risk / Eu Rosa // Journal of Risk Research. – 1998. – No 1 (1). – Pp. 15-44.

3.2. Миграционные процессы и потенциальные риски миграции в Республике Татарстан

Сакаев В.Т.

Миграционные процессы имели серьезное значение для развития Республики Татарстан в 2012-2018-м гг. Миграции, в значительной степени, обусловили векторы социально-экономического развития региона. В первую очередь, это касается притока иностранных мигрантов. Поэтому, важно представить количественные данные о миграционных трендах, дать характеристику факторам, воздействовавшим на их динамику, а также оценить возможные риски миграционных процессов в Республике Татарстан.

Как известно, Республика Татарстан является одним из ключевых в экономическом отношении регионов страны, и из года в год она демонстрирует один из самых высоких показателей коэффициента миграционного прироста среди субъектов Приволжского федерального округа¹. В регионе активно реализуются перспективные инновационные проекты в области промышленности и сельского хозяйства. Сохранение за Татарстаном лидирующих позиций в стране в будущем связано, во многом, с преодолением вызовов демографии и миграции. Необходимо определить и оценить содержание этих вызовов и дать прогноз возможного воздействия их на развитие региона.

Специфика демографической ситуации в республике.

Население республики на 1 января 2019 г. насчитывало 3 898 628 человек¹⁶³. В Татарстане насчитывается 760,7 тыс. чел. моложе трудоспособного возраста (от 0 до 15 лет) и 986,6 тыс. чел. старше трудоспособного возраста (женщины – старше 55 лет, мужчины – старше 60 лет).¹⁶⁴ Причем, численность лиц старше трудоспособного возраста в республике увеличилась по сравнению с 2010 г. более чем на 20%, а средний возраст населения за этот же период вырос практиче-

¹⁶³ Демографический ежегодник Республики Татарстан. 2019: Стат. сборник / Татарстанстат. Казань: Издательский центр Татарстанстата, 2019. С. 150.

¹⁶⁴ Там же. С. 15.

ски на один год. Таким образом, перед республикой объективно возникают риски ускоренного «старения» населения и, соответственно, сокращения трудоспособного населения, численность которого уменьшилась за последние 10 лет более чем на 8% или на 190 тыс. человек. Кроме того, в силу дисбаланса возрастной структуры, значительная часть рабочей силы находится в предпенсионных возрастах (50 – 59 лет). В ближайшие 10-15 лет следует ожидать еще более серьезного сокращения численности трудовых ресурсов, так как на смену относительно многочисленным поколениям 1950-х и 1960-х гг., придут существенно меньшие поколения¹⁶⁵. Таким образом, можно прогнозировать существенный дефицит рабочей силы в регионе, особенно в молодых возрастах в краткосрочной и в среднесрочной перспективе. В этих условиях, миграция, в первую очередь иммиграция (поскольку схожие тенденции демографического развития демонстрируют практически все регионы страны), становится важным фактором преодоления или компенсации указанных проблем.

Динамика миграционных потоков из-за рубежа.

В республике в последние 6 лет наблюдалась неустойчивая динамика миграционных процессов, при сохранении высокой степени иммиграционной привлекательности региона, что было вызвано рядом факторов. Например, проведение Универсиады в 2013 году усилило привлечение иностранной трудовой силы; «санкционная политика», начавшаяся в 2014 г. привела к уменьшению миграционной привлекательности экономики России; изменение миграционного законодательства, регулирующего привлечение иностранной трудовой силы также повлияло на динамику миграционных потоков и т.д.

Так, в 2013 г. в РТ прибыло 190,0 тыс. иностранных граждан и лиц без гражданства (в 2011 г. – 134,4 тыс., в 2012 г. – 166,5 тыс.). В 2013 г. на миграционную обстановку влияние оказала прошедшая в г. Казани XXVII Всемирная летняя Универсиада. Значительная

¹⁶⁵ См.: Сакаев В.Т. Социально-экономическое развитие Республики Татарстан: вызовы демографии и миграции // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 2. С.216-221.

часть прибывших была гражданами стран СНГ. Вообще, на государства СНГ приходилось около 70% всех въехавших и вставших на миграционный учет (2008 г. – 69%, 2009 г. – 72%, 2010 г. – 69%, 2011 г. – 72%, 2012 г. – 71%, 2013 г. – 70%, 2014 г. – 67%).

В 2014 году наблюдалось снижение по сравнению с 2013 г. количества въехавших и вставших на миграционный учет по месту пребывания иностранных граждан, также уменьшилось количество проживающих иностранных граждан по разрешениям на временное проживание, было меньше оформлено разрешений на работу. Однако, в тоже время, значительно увеличилось количество оформленных патентов для осуществления иностранными гражданами трудовой деятельности у физических лиц¹⁶⁶.

В 2014 года на миграционный учет было поставлено 180,7 тыс. иностранных граждан, что было на 8 % меньше по сравнению с 2013 г. (196,6 тыс.). По месту пребывания на миграционный учет встало 172 234 (в 2013 г. – 190 068) иностранных гражданина, в том числе первично – 145 998 иностранных граждан (в 2013 г. – 166 648), в порядке продления – 26 236 (в 2013 г. – 23 420).

Большая часть из них были гражданами Узбекистана, Таджикистана, Азербайджана, Казахстана и Кыргызстана (табл. 3.2.).

¹⁶⁶ Информационно-аналитические сведения о реализации в Республике Татарстан «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» / Совет при Президенте Республики Татарстан по международным и межконфессиональным отношениям. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tatarstan.ru/file/Broshura_1.pdf

Таблица 3.2

**Численность прибывших в Республику Татарстан
граждан стран СНГ в 2012-2014 гг.***

Страна	2012 год		2013 год		2014 год	
	Кол-во	доля в %	Кол-во	доля в %	Кол-во	доля в %
Узбекистан	48 432	33,4	56 453	33,9	40 588	27,8
Таджикистан	14 234	9,8	16 908	10,1	13 680	9,3
Азербайджан	10 078	7,0	10 494	6,3	7 362	5,0
Кыргызстан	6 840	4,7	7 434	4,5	5 644	3,8
Украина	5 717	3,9	6 731	4,0	12 762	8,7
Казахстан	7 996	5,5	6 083	3,6	6 606	4,5
Армения	3 114	2,2	4 599	2,8	3 730	2,5
Всего	102 941	71,1	116 288	69,8	97 321	67,0

* Составлено автором по данным: Информация УФМС по Республике Татарстан о миграционной ситуации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tatarstan.ru/file/pub_245230.doc; Информационно-аналитические сведения о реализации в Республике Татарстан «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» / Совет при Президенте Республики Татарстан по межнациональным и межконфессиональным отношениям. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tatarstan.ru/file/Broshura_1.pdf

Также, в регион прибывали иностранные граждане из стран дальнего зарубежья: 41,9 тыс. – в 2012 г., 50,4 тыс. – в 2013 г., в 2014 г. – 48,7 тыс. чел. В основном прибывали граждане Турции, Германии, Италии, США, Франции (табл. 3.3). В тоже время, например, в 2012-2013 гг. резко увеличилось количество прибывших граждан КНР. На это повлияли следующие причины. Во-первых, строительство заводов ОАО «Аммоний» в Менделеевском районе, где трудились, в основном, граждане КНР. Во-вторых, увеличение числа обучающихся граждан КНР в вузах (в 2012 г. – в целях обучения въехало 408 граждан КНР, а в 2013 году – 654). В-третьих, многие предприятий использовали в своей деятельности оборудование, произведенное в КНР, что требовало соответствующего обслуживания китайскими специалистами. В-четвертых, был введен в эксплуатацию технополис «Новая Тура», где в то время работали многие граждане Китая.

Таблица 3.3

Численность иностранных граждан из стран дальнего зарубежья,
прибывших в Республику Татарстан*

Страна	2012 г.		2013 г.		2014 г.	
	Кол-во	доля в %	Кол-во	доля в %	Кол-во	доля в %
Турция	6 740	4,7	8 688	5,2	12 120	8,3
Германия	6 128	4,2	6 285	3,8	6 114	4,2
Китай	2 353	1,6	4 074	2,4	4 548	3,1
США	1 931	1,3	2 330	1,4	2 068	1,4
Италия	2 481	1,7	2 096	1,3	2 016	1,4
Франция	1 767	1,2	1 690	1,0	1 582	0,9
Всего	41 918	28,9	50 360	30,2	48 677	33,3

* Составлено автором по данным: Информация УФМС по Республике Татарстан о миграционной ситуации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tatarstan.ru/file/pub_245230.doc; Информационно-аналитические сведения о реализации в Республике Татарстан «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» / Совет при Президенте Республики Татарстан по межнациональным и межконфессиональным отношениям. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tatarstan.ru/file/Broshura_1.pdf

В 2014 году наибольшее количество иностранных граждан было поставлено на миграционный учет в следующих городах республики: Казань – 83 679 (57,3%), Набережные Челны – 18 459 (12,6%), Елабуга – 6 483 (4,4%), Нижнекамск – 6 221 (4,2%), Альметьевск – 6 113 (4,2%), Зеленодольск – 2 994 (2,0%), Бугульма – 2 762 (1,9%), Менделеевск – 2 385 (1,6%)¹⁶⁷.

В 2016 году в Татарстане на миграционный учет по месту пребывания было поставлено почти 182 тыс. иностранных граждан (что на 8,5% больше чем в 2015 году), в том числе на первичный – свыше

¹⁶⁷ Информационно-аналитические сведения о реализации в Республике Татарстан «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» / Совет при Президенте Республики Татарстан по межнациональным и межконфессиональным отношениям. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tatarstan.ru/file/Broshura_1.pdf

104 тысяч. Основная доля временно прибывших также приходилась на Узбекистан (60 819 человек), Таджикистан (21 097), Украину (8 885), Азербайджан (8 862), Кыргызстан (6 879), а также Турцию, Германию и Китай (табл. 3.4)¹⁶⁸.

Таблица 3.4

Количество иностранных граждан, поставленных на миграционный учет в Республике Татарстан

Год	Количество иностранных граждан, поставленных на миграционный учет, тыс. чел.
2010	129,3
2011	134,4
2012	165,6
2013	190,1
2014	172,2
2015	167,7
2016	182,0

Составлено автором по данным: Информационно-аналитические сведения о реализации в Республике Татарстан «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» / Совет при Президенте Республики Татарстан по межнациональным и межконфессиональным отношениям. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tatarstan.ru/file/Broshura_1.pdf; «Деятельность Управления по вопросам миграции МВД по РТ. Предоставление услуг в электронном виде. Итоги операции «Нелегальный мигрант – 2016» / Официальный сайт МВД РТ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://16.xn--b1aew.xn--p1ai/press_slujba/press_reliz/item/8774766/

За 9 месяцев 2019 года на миграционный учет в республике было поставлено 247 305 иностранных граждан и лиц без гражданства,

¹⁶⁸ «Деятельность Управления по вопросам миграции МВД по РТ. Предоставление услуг в электронном виде. Итоги операции «Нелегальный мигрант – 2016» / Официальный сайт МВД РТ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://16.xn--b1aew.xn--p1ai/press_slujba/press_reliz/item/8774766/

что на 9,0% меньше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года (9 месяцев 2018 г. – 271 741). По месту пребывания на миграционный учет было поставлено 239 150 иностранных граждан (9 месяцев 2018 г. – 263 932), в том числе первично – 172 664 иностранных гражданина (9 месяцев 2018 г. – 199 837), в порядке продления – 66 486 (9 месяцев 2018 г. – 64 095).¹⁶⁹ Среди тех, кому был продлен срок пребывания (постановки на миграционный учет), целями нахождения были указаны: осуществление трудовой деятельности – 54 321, учеба – 5 329, другие цели – 6 836.

Таким образом, мы наблюдаем неустойчивую динамику иммиграционного потока в Республику Татарстан при сохранении общего тренда на увеличения миграционных потоков, масштабы которых за 6 лет выросли практически в 1,5 раза. Основу этих потоков, по-прежнему, составляют граждане государств СНГ, в первую очередь, из центрально-азиатских стран, хотя и с некоторыми отличиями в структуре миграции (в частности увеличиваются доля мигрантов из Таджикистана и в меньшей степени из Узбекистана, при постепенном сокращении потоков миграции из Казахстана, Киргизии, Азербайджана и др. стран).

Специфика иммиграционных процессов в республике.

Интерес представляет анализ специфики иммиграционных потоков. Данные о цели приезда иностранных граждан отражены в таблице 3.5.

¹⁶⁹ Миграционная ситуация в РТ за 9 месяцев 2019 г. / Немецкий дом Республики Татарстан [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nd-rt.ru/2019/10/13/migracionnaja-situacija-v-rt-za-9-mes-2019-g/>

Таблица 3.5

Заявленные цели прибытия иностранных граждан

Цели пребывания	2013		2014	
	количество	доля, %	количество	доля, %
частная	96 751	58,1	75 330	51,6
трудовая	26 096	15,7	30 175	20,7
деловая поездка	14 095	8,4	15 269	10,5
туризм	6 302	3,8	8 395	5,7
учеба	6 302	3,8	7 690	5,2
гуманитарная	12 978	7,8	2 753	1,9
служебная	1 717	1,0	1 013	0,7
другая	2 407	1,4	5 373	3,7

Источник: Информационно-аналитические сведения о реализации в Республике Татарстан «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» / Совет при Президенте Республики Татарстан по межнациональным и межконфессиональным отношениям. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tatarstan.ru/file/Broshura_1.pdf

Сравнивая данные о целях въезда за 2013-2014 гг. с данными за 2018-2019 гг. (табл. 3.6), можно также отметить некоторое изменение структуры миграции. Сократилась доля визитов с частными целями и выросла доля тех, кто указал трудовую деятельность в качестве цели приезда. Более того, по всей видимости, по итогам 2019 г. доля трудовой миграции впервые станет наибольшей в структуре миграции в республику. Таким образом, можно предположить, что сокращается, существовавшая прежде практика, когда мигрант указывал недостоверную цель визита. Это, очевидно, связано и с усилением контроля, и одновременно с изменением возможностей для трудовой деятельности иностранных граждан из стран СНГ с точки зрения законодательства. Также в последние годы существенно выросла доля приезжающих в регион с целями учебы и туризма.

Заявленные цели прибытия иностранных граждан в РТ

Цели пребывания	9 месяцев 2018 г.		9 месяцев 2019 г.	
	количество	доля, %	количество	доля, %
трудовая	52 430	26,2	58 999	34,2
частная	81 037	40,6	37 103	21,5
учеба	20 580	10,3	26 708	15,5
деловая поездка	16 623	8,3	15 309	8,9
туризм	23 025	11,5	27 698	16,0
гуманитарная	2 746	1,4	3 863	2,2
служебная	1 499	0,8	1 413	0,8
другая	1 897	0,9	1 571	0,9

Источник: Миграционная ситуация в РТ за 9 месяцев 2019 г. / Немецкий дом Республики Татарстан [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nd-rt.ru/2019/10/13/migracionnaja-situacija-v-rt-za-9-mes-2019-g/>

Контингенты мигрантов из числа граждан иностранных государств на территории РТ.

Что касается численности иностранных граждан, то по оценке УФМС в зависимости от времени года в 2013 г. ежедневно легально находилось от 55 до 70 тыс. иностранных граждан, в том числе: 20-25 тыс. трудовых мигрантов (с разрешениями на работу или патентами), 4 тыс. студентов, 19 тыс. лиц, постоянно или временно проживающих в республике и 10-25 тыс. чел., прибывших в гости к родственникам или в качестве туристов¹⁷⁰. В 2014 г. в связи с событиями на Украине появились новые миграционные потоки – беженцы.¹⁷¹

Масштабы нелегальной миграции можно оценить лишь по данным о зафиксированных нарушениях порядка пребывания. В 2013 г.

¹⁷⁰ Информация УФМС по Республике Татарстан о миграционной ситуации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tatarstan.ru/file/pub_245230.doc, свободный. Проверено 05.01.2020.

¹⁷¹ Там же.

УФМС за данные нарушения к административной ответственности привлекло 18 213 иностранных граждан, что на 49,7% больше чем в 2012 г. (12164). В 2013 г. был выявлен 2 751 иностранный гражданин, осуществлявший трудовую деятельность без соответствующих документов (в 2012 г. – 2 892), при этом граждане стран СНГ составляли 95% от всех нарушителей¹⁷².

Данные о количестве постоянно и временно проживающих граждан иностранных государств представлены в таблице 3.7.

Таблица 3.7

Количество постоянно и временно проживающих граждан иностранных государств на территории РТ, на 1 января, чел.

2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
12490	15310	19035	19441	19915

Источник: Информационно-аналитические сведения о реализации в Республике Татарстан «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» / Совет при Президенте Республики Татарстан по межнациональным и межконфессиональным отношениям. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tatarstan.ru/file/Broshura_1.pdf

По разрешениям на временное пребывание проживало в 2014 г. 10 990 человек из стран СНГ, в том числе граждан: Узбекистана 4 219 человек, Таджикистана – 1 924 человек, Азербайджана – 1 206 человек, Украины – 1 355 человек, Казахстана – 619, Киргизии – 594 человека, Армении – 514 человек.¹⁷³ По разрешениям на временное пребывание наибольшее число иностранцев регистрировалось в г. Казани (6 618), г. Набережные Челны (607), в Альметьевском (463), Зеле-

¹⁷² Информация УФМС по Республике Татарстан о миграционной ситуации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tatarstan.ru/file/pub_245230.doc, свободный. Проверено 05.01.2020

¹⁷³ Информационно-аналитические сведения о реализации в Республике Татарстан «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» / Совет при Президенте Республики Татарстан по межнациональным и межконфессиональным отношениям. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tatarstan.ru/file/Broshura_1.pdf

нодольском (370), Бугульминском (309), Нижнекамском (307), Лениногорском (258), Нурлатском (247) и Высокогорском (230) районах.

По видам на жительство в 2014 г в республике проживало 8 114 иностранных граждан (в 2013 г. – 6 881 человек, прирост + 17,9 %). Большую часть из них составляли граждане Узбекистана (3 159 человек), Таджикистана (1 149 человек), Азербайджана (700 человек).¹⁷⁴ Наибольшее число по видам на жительство иностранных граждан проживало в г. Казани (4 017), г. Набережные Челны (499), Зеленодольск (346), Нижнекамск (345), Альметьевск (342).

По данным МВД на 1 января 2015 года на территории Республики Татарстан фактически пребывало 28 066 иностранных граждан, имеющих действующий миграционный учет по месту пребывания, 19 915 иностранных граждан проживающих на основании разрешений на временное проживание и видов на жительство, а 19 467 иностранцев имели действительные патенты. Таким образом, в республике одновременно пребывало порядка 67,4 тыс. иностранных граждан и лиц без гражданства.¹⁷⁵

По состоянию на 1 апреля 2019 года на территории Республики Татарстан фактически уже пребывало 70,4 тыс. иностранных граждан и лиц без гражданства. Из них 47 952 иностранных гражданина, имели действующий миграционный учет по месту пребывания, 22 476 иностранных граждан проживали на основании разрешений на временное проживание и видов на жительство.¹⁷⁶ К 1 октября 2019 года

¹⁷⁴ Информационно-аналитические сведения о реализации в Республике Татарстан «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» / Совет при Президенте Республики Татарстан по межнациональным и межконфессиональным отношениям. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tatarstan.ru/file/Broshura_1.pdf

¹⁷⁵ Информационно-аналитические сведения о реализации в Республике Татарстан «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» / Совет при Президенте Республики Татарстан по межнациональным и межконфессиональным отношениям. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tatarstan.ru/file/Broshura_1.pdf

¹⁷⁶ В МВД Татарстана состоялась пресс-конференция, посвященная деятельности Управления по вопросам миграции МВД по РТ / Официальный сайт МВД РТ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://16.xn--b1aew.xn--p1ai/press_slujba/press_reliz/item/16670304/

на территории Республики Татарстан уже фактически находилось 57 621 иностранных граждан, имеющих действующий миграционный учет по месту пребывания, 21 981 иностранных граждан проживали на основании разрешений на временное проживание и видов на жительство. Таким образом, в республике находилось уже порядка 79,6 тыс. иностранных граждан и лиц без гражданства.¹⁷⁷

Наибольшее количество иностранных граждан, как и в прежние годы, встает на миграционный учет в города Казань – 167 437 (70,0 %), Набережные Челны – 20 047 (8,4 %), Нижнекамск – 9 331 (3,9 %), Альметьевск – 7 869 (3,3 %), Елабуга – 6 113 (2,6 %), Зеленодольск – 2 579 (1,1%), Бугульма – 2 945 (1,2%).¹⁷⁸

По состоянию на 1 октября 2019 года количество иностранных граждан постоянно и временно проживающих в Республике Татарстан составило 21 981, что на 0,8% больше (9 месяцев 2018 г. – 21 810).¹⁷⁹ По разрешениям на временное проживание пребывало 9 227 иностранных граждан (9 месяцев 2018 г. – 10 055), среди которых больше всего граждан Узбекистана (2 520), Украины (1 656), Таджикистана (1 667), Азербайджана (1 144), Казахстана (620), Киргизии (310). По разрешениям на временное проживание наибольшее число иностранцев пребывало в городах Казань (4 597) и Набережные Челны (767), в Нижнекамском (338), Альметьевском (329), Зеленодольском (317), Лаишевском (285), Высокогорском (210), Пестречинском (208), Бугульминском (161), Елабужском (152), Лениногорском (145) и Чистопольском (137) районах.

По видам на жительство в республике проживало 12 754 иностранных граждан (9 месяцев 2018 г. – 11 755). Здесь также преобладают граждане Узбекистана (4 220), Украины (1 700), Таджикистана (2 027), Азербайджана (1 271), Казахстана (590) и т.д.

¹⁷⁷ Миграционная ситуация в РТ за 9 месяцев 2019 г. / Немецкий дом Республики Татарстан [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nd-rt.ru/2019/10/13/migracionnaja-situacija-v-rt-za-9-mes-2019-g/>

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ Там же.

Наибольшее число по видам на жительство проживало в г. Казани (6 275), г. Набережные Челны (945), в Альметьевском (541), Зеленодольском (540), Нижнекамском (475), Пестречинском (343), Лениногорском (328), Высокогорском (300), Бугульминском (280), Лаишевском (229), Арском (219), Елабужском (207) районах.

Кроме того, только за 9 месяцев 2019 г. в Республике Татарстан приобрели гражданство РФ 2 658 человек (за аналогичный период 2018 г. – 1 590). Значительная часть тех, кто приобретает российское гражданство получают его в упрощенном порядке, многие в результате заключения брака с гражданами РФ. Так по данным СМИ, в городе Набережные Челны 4% всех браков в 2016 г. были заключены с иностранцами, прежде всего гражданами Турции и Таджикистана¹⁸⁰.

Информацию о числе наколенных контингентов мигрантов в составе постоянного населения республики дают данные таблицы 3.8, содержащие информацию об итогах миграционного обмена с зарубежными странами в изучаемый период.

Таблица 3.8

Результаты миграционного обмена с зарубежными странами

Год	Число прибытий	Число выбытий	Миграционный прирост
2010	2245	599	1646
2011	9285	716	8569
2012	8806	1873	6933
2013	6176	2916	3260
2014	7972	5577	2395
2015	7885	5876	2009
2016	7203	4825	2378
2017	8892	5200	3692
2018	6438	5126	1312

Источник: Демографический ежегодник Республики Татарстан. 2019: Стат. сборник / Татарстанстат. Казань: Издательский центр Татарстанстата, 2019. С. 117-119.

¹⁸⁰ См.: Челнинки пользуются спросом у женихов из Турции и Таджикистана. 16 января 2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.chelny-izvest.ru/social/49073.html>

Данные таблицы 7 демонстрируют, что в результате миграционного обмена только в период 2010-2018 гг. республика накопила более 32 тысяч мигрантов из зарубежных стран. Как указывалось выше, концентрируются мигранты, прежде всего, в городах и городских агломерациях (таблица 3.9).

Таблица 3.9

Результаты миграционного обмена по некоторым городским округам и муниципальным районам с зарубежными странами в 2017-2018 гг.

Наименование территории	2017 г.		2018 г.	
	Со странами СНГ	Со странами дальнего зарубежья	Со странами СНГ	Со странами дальнего зарубежья
Всего по республике, в т.ч.:	3554	138	1331	-19
Городские округа:				
Казань	1908	112	452	17
Набережные Челны	257	-9	222	-23
Муниципальные районы				
Альметьевский	260	25	69	4
Высокогорский	6	-6	98	-
Зеленодольский	127	-3	8	2
Менделеевский	156	-3	99	2
Нижнекамский	245	-7	96	-8
Пестречинский	106	9	147	8

Составлено автором по данным: Демографический ежегодник Республики Татарстан. 2018: Стат. сборник / Татарстанстат. Казань: Издательский центр Татарстанстата, 2018. С. 125-126; Демографический ежегодник Республики Татарстан. 2019: Стат. сборник / Татарстанстат. Казань: Издательский центр Татарстанстата, 2019. С. 122-123.

Данные таблицы 3.9 отчетливо демонстрируют, что основными центрами притяжения мигрантов из зарубежных стран (прежде всего из стран СНГ), являются города Казань, Набережные Челны, Нижне-

камск, Альметьевск, Елабуга и Менделеевск, а также прилегающие к ним муниципальные районы.

Что касается состава контингентов, сформировавшихся в результате миграционного обмена с зарубежными странами, то здесь можно заметить тенденции (табл. 3.10) постоянного прироста в составе населения граждан ряда государств СНГ. Эта динамика, с некоторыми колебаниями сохранялась весь рассматриваемый период.

Таблица 3.10

Численность граждан отдельных государств
в миграционном приросте Республики Татарстан в 2013-2018 гг.

	Год					
	2013	2014	2015	2016	2017	2018
<i>Всего, в т.ч.:</i>	3260	2395	2009	2378	3692	1312
Граждане РФ	1489	1682	1490	1527	1462	1212
из них, имеют второе гражданство	106	22	13	-9	20	33
Иностранные граждане, в т.ч.:	1767	767	559	889	2232	93
<i>Граждане стран СНГ, в т.ч.:</i>	1613	751	544	852	2088	58
Узбекистан	892	123	-44	-342	352	-298
Украина	149	663	849	741	400	-178
Таджикистан	67	-324	-188	272	607	308
Азербайджан	68	-116	-19	108	355	103
Казахстан	204	209	36	91	181	33
Армения	37	-21	-50	-15	66	76
Киргизия	119	156	-72	-19	66	14
Молдова	20	26	-10	11	9	-22
Туркмения	44	9	21	-10	23	16
Беларусь	13	26	21	15	29	6

Источник: Демографический ежегодник Республики Татарстан. 2019: Стат. сборник / Татарстанстат. Казань: Издательский центр Татарстанстата, 2019. С. 133-134.

Только за период 2013-2018 гг. численность граждан Узбекистана в республике выросла, как минимум, на 680 человек, граждан Таджикистана – на 740 человек, граждан Казахстана – на 750 человек, граждан Киргизии – на 260 человек, граждан Азербайджана – на 500 человек и т.д. Причем это данные только о тех иностранных гражданах, которые встали на миграционный учёт на срок 9 месяцев и более, они не учитывают трудовых мигрантов. Кроме того, среди граждан РФ, участвовавших в миграционном обмене с зарубежными странами, также следует предполагать определенную долю представителей диаспор этих стран, которые недавно приобрели гражданство России.

О половозрастном составе прибывших известно, что мужчины составляют более половины всех прибывающих иностранных граждан, из них более 80% находится в возрасте от 16 до 59 лет.

За 9 месяцев 2019 г. миграционный прирост в результате миграционного обмена с зарубежными странами составил 1 342 человека, в том числе 1382 человека со странами СНГ, с другими странами составил отрицательную величину -40 человек¹⁸¹. Эти данные практически на четверть превышают показатели за аналогичный период 2018 г.

Таким образом, в течение всех 2010-х гг. в республике в результате миграционных потоков шло дальнейшее формирование диаспор народов, проживающих в государствах СНГ, происходил активный рост их численности как за счет временно находящихся лиц, так и за счет лиц, постоянного проживающих в республике, включая тех, кто обладает российским гражданством. Одновременно в республике может находиться до 70-80 тыс. иностранных граждан, среди которых наибольшую долю занимают граждане Узбекистана, Таджикистана и некоторых других государств СНГ. Общая численность иммигрантов, одновременно находящихся в регионе, составляет пока всего по-

¹⁸¹ Миграционная ситуация в РТ за 9 месяцев 2019 г. / Немецкий дом Республики Татарстан [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nd-rt.ru/2019/10/13/migracionnaja-situacija-v-rt-za-9-mes-2019-g/>

рядка 2% от численности населения республики, однако, следует учитывать, что они концентрируются, прежде всего, в нескольких крупных городах, где их доля может быть в несколько раз выше, чем в среднем по республике.

Занятость иностранной трудовой силы в республике.

Относительно трудовой миграции следует отметить, что в 2013 г. были оформлены разрешения на работу 15 946 иностранным гражданам (на 21% меньше чем в 2012 г.), в том числе, разрешения были оформлены 11 111 гражданам стран СНГ и 4 835 – стран дальнего зарубежья. Граждане Узбекистана составляли основную долю в их числе в 2013 г. (46%). Распределение занятых по отраслям экономики представлено в таблице 3.11.

Таблица 3.11

Оформлено разрешений на работу в 2009-2013 гг. по отраслям в %*

Отрасль народного хозяйства	Год					
	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Строительство	60,8	57,6	55,7	62,5	73,6	80,9
Коммунальные и социальные услуги	10,5	10,9	11,9	11,8	8,3	2,8
Транспорт	5,4	7,6	8,4	58,0	5,3	6,3
Общественное питание	6,7	9,4	9,5	8,7	5,8	4,4
Сельское хозяйство	1,5	2,2	1,3	2,3	2,4	1,5
Обрабатывающее производство	1,5	1,2	1,8	1,8	1,8	2,5
Торговля	9,4	7,7	8,7	5,7	1,1	0,7
Культура и спорт	0,4	0,6	0,4	0,2	0,4	0,3
Добыча полезных ископаемых	0,3	0,3	0,03	0,2	0,2	0,3
Другие	3,5	2,6	2,1	1,0	1,0	0,3

* Составлено автором по данным: Информация УФМС по Республике Татарстан о миграционной ситуации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tatarstan.ru/file/pub>

245230.doc; Информационно-аналитические сведения о реализации в Республике Татарстан «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» / Совет при Президенте Республики Татарстан по межнациональным и межконфессиональным отношениям. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tatarstan.ru/file/Broshura_1.pdf

Как мы видим, большинство мигрантов трудилось в первой половине 2010-х гг. по специальностям, не требующим квалификации, и они были востребованы, в основном, в строительстве (маляры, штукатуры, каменщики, разнорабочие). В РФ нет ограничений доступа на рынок труда неквалифицированных работников, но следует учитывать, что масштабное привлечение относительно дешевой неквалифицированной иностранной рабочей силы является фактором риска для экономического развития, так как явно не способствует модернизации производства.

С 1 июля 2010 г. в РФ действовал особый упрощенный порядок привлечения иностранных работников для использования в домашнем хозяйстве, которые могли трудиться по договору с физическими лицами без учета квот и получения разрешений на работу (на основании патента). В 2013 г. иностранным гражданам было оформлено 20 165 патентов (2012 г. – 26 085, 2011 г. – 18 124). С 2015 г. действие системы патентов было расширено и на юридические лица, но одновременно были ужесточены требования к получению патентов мигрантами. Эти меры, несомненно, также оказали влияние на интенсивность трудовой миграций.

Иностранные рабочие составляют пока небольшую часть от численности экономически активного населения региона, поэтому их вклад в экономику, в целом, относительно невелик, однако, следует отметить, что для ряда сфер экономики их участие уже носит важный характер. Распределение квот на привлечение иностранной рабочей силы в Татарстане в 2014 г. также показало, что большинство иностранных граждан привлекаются по рабочим профессиям, при этом значительная часть занимается неквалифицированным трудом. Как демонстрирует ряд исследований, внешняя трудовая миграция пока

практически не влияет на состояние рабочей силы в обрабатывающей промышленности, но иностранная рабочая сила уже играет большую роль в реализации инфраструктурных проектов, в том числе в индустриальных городах региона (Набережные Челны, Нижнекамск, Менделеевск).

В 2014 г. больше всего разрешений на работу было оформлено иностранным гражданам, вставшим на миграционный учет в г. Казани – 5 212 (45,1%), в г. Менделеевске – 3 240 (28,1%), в г. Нижнекамске – 1 493 (12,9 %), в г. Набережные Челны 510 (4,4%), в Елабужском – 399 (3,5 %), Зеленодольском – 236 (2 %) районах. Получено было 3 861 уведомление от работодателей о привлечении и использовании для осуществления трудовой деятельности иностранных граждан, прибывших в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы (в 2013 г. – 9 459).

Что касается разрешений на работу, то в 2014 году они были оформлены гражданам из 52 стран, наибольшее число составили граждане: Китая – 3 021 (26,2%), Узбекистана – 2 694 (23,3%), Турции – 2 963 (25,7%), КНДР – 1 118 (9,7%), Таджикистана – 634 (5,5%), Украины – 358 (3,1%), Кыргызстана – 188 (1,6%).¹⁸² Причем, динамика показывает, что число вновь оформляемых разрешений на работу в республике в последние годы неуклонно снижается (табл. 3.12). Все больше предприятий стали использовать иностранную рабочую силу, имеющую патент на трудовую деятельность, вместо оформления разрешений на привлечение иностранных граждан.

Так, по состоянию на 1 января 2015 года разрешения на работу в республике имели 10 883 иностранных работника (на 1 января 2014 г. – 14 960). При этом за 12 месяцев 2014 года оформлено 32 386 патентов, выдано – 30 770. Наибольшее количество патентов было

¹⁸² Информационно-аналитические сведения о реализации в Республике Татарстан «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» / Совет при Президенте Республики Татарстан по международным и межконфессиональным отношениям. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tatarstan.ru/file/Broshura_1.pdf

оформлено иностранным гражданам, пребывающим в г. Казани (19 832), Альметьевском районе (3 344), г. Набережные Челны (2 171), в Бугульминском (828), Лениногорском (623), Нижнекамском (601), Зеленодольском (463), Высокогорском (431), Лаишевском (390), Елабужском (384), Азнакаевском (351) районах.¹⁸³

Данные о динамике привлечения иностранной трудовой силы по разрешениям представлены в таблице 3.12.

Таблица 3.12

Количество оформленных разрешений предприятиям и организациям на привлечение иностранной рабочей силы

Год	Количество разрешений	Численность привлеченных иностранных работников
2014	230	8 699
2015	178	6 489
2016	122	5 642
2017	130	2 049
2018	111	1 430
9 мес. 2019 года	106	696

Источник: Миграционная ситуация в РТ за 9 месяцев 2019 г. / Немецкий дом Республики Татарстан [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nd-rt.ru/2019/10/13/migracionnaja-situacija-v-rt-za-9-mes-2019-g/>

На 1 октября 2019 года 1045 предприятий, организаций и индивидуальных предпринимателей привлекали иностранных работников, в т.ч. 105 работодателей имели разрешения на привлечение иностранных работников из стран с визовым порядком въезда.

Сравнение сведения о занятости иностранных граждан, получивших разрешение на работу, в отраслях экономики республики

¹⁸³ Информационно-аналитические сведения о реализации в Республике Татарстан «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» / Совет при Президенте Республики Татарстан по международным и межконфессиональным отношениям. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tatarstan.ru/file/Broshura_1.pdf

в 2013-2014 гг. и в 2019 гг. оказывают, что ведущей сферой занятости по-прежнему остается строительство (хотя их доля снизилась с 75-80% до 65%), и при этом несколько выросла доля занятых в обрабатывающей промышленности (с 1,5-2% до 11%), а также занятых в сфере культуры и спорта (табл. 3.13).

Таблица 3.13

Оформлено разрешений на работу за 9 месяцев 2019 г. гг.
по отраслям в %*

Отрасль народного хозяйства	9 месяцев 2019 г.	
	Количество выданных разрешений	Доля, %
Строительство	555	65,4%
Коммунальные и социальные услуги	46	5,4%
Транспорт		-
Общественное питание	43	5,1%
Образование	28	3,3%
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство	1	0,1%
Обрабатывающее производство	99	11,7%
Оптовая и розничная торговля и др.	10	1,2%
Деятельность, связанная с вычислительной техникой и технологией	8	0,9%
Здравоохранение	4	0,5%
Финансовая деятельность	3	0,4%
Культура и спорт	48	5,7%
Добыча полезных ископаемых	1	0,1%
Другие виды экономической деятельности	2	0,2%

Источник: Миграционная ситуация в РТ за 9 месяцев 2019 г. / Немецкий дом Республики Татарстан [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nd-rt.ru/2019/10/13/migracionnaja-situacija-v-rt-za-9-mes-2019-g/>

По состоянию на 1 октября 2019 года разрешения на работу имелись у 1 913 иностранных работников (на 1 октября 2018 года – 1 720). При этом за 9 месяцев 2019 года было оформлено 25 925 патентов (за 9 месяцев 2018 года – 22 009), в том числе: для работы у юридических лиц и индивидуальных предпринимателей – 12 115, для работы у физических лиц – 13 810 (за 9 месяцев 2018 года 9454 и 12 555 соответственно). Наибольшее количество патентов оформлено в 2019 г. иностранным гражданам, пребывающим в г. Казани (16 866), г. Набережные Челны (1 857), Нижнекамском (1 397), Альметьевском (1 354), Бугульминском (578), Высокогорском (391) и Лаишевском (299) районах¹⁸⁴.

Таким образом, мы наблюдаем некоторое изменение структуры и механизмов привлечения иностранной трудовой силы за изучаемый период. Значение разрешительной системы для привлечения иностранной рабочей силы из стран СНГ неуклонно снижается и ее заменяет более простая и удобная система патентов. Кроме того, в ближайшее время начнется реализация программы так называемых «органборов» иностранной рабочей силы в Таджикистане, что может повлиять и на характер использования иностранных работников в различных отраслях экономики (в частности ожидается рост числа таких работников, занятых в обрабатывающей промышленности).

Риски миграционных процессов в регионе.

Риски иммиграционных потоков применительно к Российской Федерации в целом, были подробно рассмотрены автором в ряде публикаций.¹⁸⁵

¹⁸⁴ Миграционная ситуация в РТ за 9 месяцев 2019 г. / Немецкий дом Республики Татарстан [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nd-rt.ru/2019/10/13/migracionnaja-situacija-v-rt-za-9-mes-2019-g/>

¹⁸⁵ Сакаев В.Т. Риски высокой иммиграции для политического и экономического развития России // Вестник Пермского университета. Серия Политология. 2015. №4. С. 159-174; Сакаев В.Т. Социально-экономическое развитие Республики Татарстан: вызовы демографии и миграции // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 2. С.216-221.

Ряд официальных документов также формулировал представления о подобных рисках. В частности прежняя «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации до 2025 г.», называла следующие возможные риски миграционных процессов, которые представляются актуальными и в нынешних условиях:

1. Мигранты новых поколений, прибывающие в РФ из государств – участников СНГ, по сравнению с их предшественниками, обладают более низким уровнем образования, знания русского языка и профессионально-квалификационной подготовки.

2. Происходит изоляция мигрантов от принимающего социума, ведущая к социальной исключенности мигрантов, пространственной сегрегации и формированию этнических анклавов.

3. Нарастание негативного отношения к мигрантам, в том числе рост ксенофобии, национальной и расовой нетерпимости.¹⁸⁶

Последнее утверждение подкреплялось и данными исследований в Республике Татарстан, которые также фиксировали достаточно существенный уровень мигрантофобии, причем наиболее высокие показатели были отмечены тогда в г. Казани.¹⁸⁷

На наш взгляд, указанный перечень угроз иммиграции для региона может быть дополнен такими рисками, как:

1. *Иммиграционные потоки идут из стран со сложной санитарной обстановкой.* Статистические данные 2008-2012 гг., демонстрируют актуальность этой проблемы для региона (табл. 3.14). Даже неполные данные, свидетельствуют, что от 1% до 3% иностранных мигрантов, в среднем, страдали серьезными инфекционными заболеваниями.

¹⁸⁶ Концепция государственной миграционной политики РФ до 2025 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://президент.рф/acts/15635>

¹⁸⁷ Позитивные межнациональные отношения и предупреждение нетерпимости: опыт Татарстана в общероссийском контексте / Под ред. Л.М. Дробижевой, С.В. Рыжовой; Институт социологии РАН. М.; Казань; СПб.: Нестор, 2016. С. 96-97, 102-103.

Таблица 3.14

Количество обследованных мигрантов и выявленных у них инфекционных заболеваний по республике Татарстан за 2008-2012 гг. (в абсолютных числах)

	2008	2009	2010	2011	2012
Всего обследовано, чел.	26245	14342	16596	17870	21474
Выявлено заболеваний, в т.ч.:	688	437	305	165	606
Туберкулез	87	36	37	34	53
Сифилис	90	32	30	48	74
ВИЧ	19	20	16	8	20
Другие ИППП	492	349	222	54	478

Источник: Кузнецова И.Б., Мухарямова Л.М. Социальная интеграция мигрантов в контексте социальной безопасности (на материалах Республики Татарстан). Казань: Казан. ун-т, 2014. С. 121.

При этом фиксируется, что среди иностранных граждан – трудовых мигрантов уровень инфекционной заболеваемости значительно выше, чем среди населения Республики Татарстан. Так, за последние 6 лет (2011-2015 гг. и 8 месяцев 2016 г.) заболеваемость ВИЧ-инфекцией среди иностранных граждан превысила среднереспубликанский уровень в более чем 3 раза, туберкулезом – в 5 раз, сифилисом – в 10 раз¹⁸⁸.

В республике АБНО «Новый век» с 2015 года, при поддержке Министерства труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан, реализует проект вводных ориентационных курсов для трудовых мигрантов, нацеленных на ознакомление их с правилами профилактики социально значимых заболеваний. С 2006 г. на базе КВД был создан т.н. стационарный «Низкопороговый центр для уязвимых

¹⁸⁸ Пятяшина М.А., Авдонина Л.Г., Юзлибаева Л.Р., Борисова Л.О., Мокеева М.В. Мониторинг инфекционной заболеваемости среди мигрантов в Республике Татарстан / Международная научно-практическая конференция «Миграция в странах Восточной Европы и Центральной Азии. Современные вызовы, опыт, инновации»: электронное издание. Казань: Изд-во «Бриг», 2016. С. 76-79.

групп населения» в г. Казани, в 2016г. – открыт второй такой центр в г. Набережные Челны.¹⁸⁹ Однако, нет четкого понимания, достаточно ли этих мер, в том числе из-за отсутствия новых статистических данных. К тому же, как мы указывали выше, центрами концентрации мигрантов являются не только Казань и Набережные Челны, но и некоторые другие городские населенные пункты и районы.

2. Изоляция мигрантов от принимающего социума ведет к их социальной исключенности, пространственной сегрегации и формированию этнических анклавов, живущих по своим правилам и законам.

Выше приведенные данные продемонстрировали, что наиболее привлекательными для трудовых мигрантов из Узбекистана, Таджикистана и Киргизии наряду с Казанью и близлежащими к ней районами были города Альметьевск, Нижнекамск, Набережные Челны и т.д. Также значительная доля трудовых мигрантов встает на миграционный учет или получает патенты в нескольких муниципальных районах, что в целом отражает общую тенденцию: мигранты активно задействованы на строительных, сельскохозяйственных и иных работах, одновременно проживание в этих муниципальных районах позволяет приобрести в будущем жилье в сельской местности по доступным ценам и осесть вблизи крупных городов РТ: Казань, Набережные Челны, Нижнекамск, Альметьевск. Кроме того, мы уже можем фиксировать формирование этнически ориентированных сегментов рынка труда, а также ориентацию мигрантов на занятость по возможности у соотечественников.

Данные исследования 2014 года показали, что более 40% трудовых мигрантов приехали в республики во второй и более разы, 37% находится в республике от года до трех лет, 18,5% – от трех до вось-

¹⁸⁹ Официальный сайт АБНО «Новый век». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://newcenturykazan.ru/info/articles/nizkoporog/>

ми лет и 8,5% – свыше восьми лет.¹⁹⁰ Таким образом, они фактически уже стали частью постоянного населения региона.

Активно развиваются и миграционные сети, особенно вокруг диаспор из центрально-азиатских стран СНГ¹⁹¹. По данным исследования «Трудовые мигранты в Республике Татарстан», проведенного Центром изучения дискриминаций, экстремизма и ксенофобий в Республике Татарстан в 2017 году довольно значимую роль при выборе направления миграции играли этнические сети. Так, 27,7 % опрошенных в качестве главной причины своего переезда в Татарстан назвали «наличие здесь родственников или друзей», 28,7% – «рекомендации знакомых, уже приехавших в Татарстан». «Наличие предложений о работе» явилось приоритетным для 17,7 % опрошенных. Ответ «наличие здесь родственников или друзей» чаще выбирали таджики, а «наличие предложений о работе» – киргизы.¹⁹²

Конечно, говорить о формировании этнических анклавов в Республике Татарстан пока рано, но уже сейчас можно выделить отдельные населенные пункты или городские кварталы в крупных городах, наиболее привлекательные для проживания иностранных граждан. Кроме того, ряд исследований показал, что отдельные группы мигрантов – женщины, молодежь, имеют проблемы с языковой коммуникацией с местным населением, демонстрируют сплоченность по этническому признаку, ограничены в контактах с принимающим

¹⁹⁰ Кузнецова И.Б., Мухарямова Л.М. Социальная интеграция мигрантов в контексте социальной безопасности (на материалах Республики Татарстан). Казань: Казан. ун-т, 2014. С. 32-33.

¹⁹¹ Габдрахманова Г.Ф. Посредники и диаспоры на рынке услуг для трудовых мигрантов в Республике Татарстан / Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регион Российской Федерации: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 25-25 сентября 2014 г. / Отв. ред. Г.Ф. Габдрахманова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 358-359; Кузнецова И.Б., Мухарямова Л.М. Социальная интеграция мигрантов в контексте социальной безопасности (на материалах Республики Татарстан). Казань: Казан. ун-т, 2014. С.31-32.

¹⁹² Мониторинг состояния межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Татарстан / Совет при Президенте Республики Татарстан по межнациональным и межконфессиональным отношениям. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tatarstan.ru/rus//file/File/Broshura_14_12_2018_3_.pdf

населением, что может создавать трудности в их адаптации и, как следствие, вполне может стать триггером процессов геттоизации. Отдельные исследования показывают, что до четверти трудовых мигрантов в республике из числа иностранных граждан могут таить в себе риски самоизоляции в мигрантской субкультуре в силу их неинтегрированности в принимающее общество и социальной уязвимости¹⁹³.

Президент В. Путин в 2012 г. в своем обращении к Федеральному собранию подчеркивал необходимость не допустить появления в России замкнутых этнических анклавов со своей неформальной юрисдикцией, живущих вне единого правового и культурного поля страны, с вызовом игнорирующих общепринятые нормы, законы и правила.¹⁹⁴

3. Массовая миграция иностранных граждан из государств Закавказья и Средней Азии создает базу для формирования террористических организаций, политического и религиозного экстремизма. В последние годы мы стали свидетелями неоднократных арестов и судебных процессов над участниками исламистских экстремистских и террористических организаций и нередко среди задержанных и осужденных присутствовали граждане стран СНГ. Так, правоохранные органы Татарстана в 2018 году выявили 79 преступлений, из них 45 – террористического характера и 34 – экстремистской направленности. Были вынесены приговоры по 18 преступлениям, а к уголовной ответственности привлечены 11 человек.¹⁹⁵

4. Легальные и нелегальные трудовые мигранты создают дополнительное давление на рынок труда и социальную инфраструктуру, что может провоцировать социальную напряженность и рост негативного отношения к мигрантам и ксенофобию.

¹⁹³ Кузнецова И.Б., Мухарямова Л.М. Социальная интеграция мигрантов в контексте социальной безопасности (на материалах Республики Татарстан). Казань: Казан. ун-т, 2014. С. 44-45.

¹⁹⁴ Послание Президента РФ Федеральному собранию РФ от 12.12.2012 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/17118>.

¹⁹⁵ В Татарстане в 2018 году выявили около 80 экстремистских и террористических преступлений. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/politika/6049061>

Исследование Сагитовой Л.В. продемонстрировало, что в Республике Татарстан действительно может складываться конфликтный потенциал, связанный с участием мигрантов на рынке труда и который зависит от его сегмента (степень конфликтности выше там, где сегмент рынка характеризуется высокой доходностью – мелкооптовая торговля и строительство, в отличие от сферы ЖКХ и общественного транспорта, где заработки ниже и, соответственно, конфликтный потенциал нейтрализуется).¹⁹⁶

Также, по данным Министерства образования и науки РТ в общеобразовательных учебных заведения в настоящее время фиксируется увеличение численности учащихся из числа детей таджиков, узбеков и армян. Это неудивительно, ведь порядка 15% иностранных граждан прибывают в страну с детьми.¹⁹⁷ Это, однако, становится фактором усиления нагрузки на социальную инфраструктуру, в частности систему общего образования.

Хотя согласно социологическим опросам к мигрантам в республике преобладает относительно спокойное отношение, тем не менее, почти одна пятая часть опрошенных (19,5 %) в 2018 г. высказывала отрицательное отношение к миграции, поскольку, по их мнению, присутствие мигрантов в республике «способствует напряжению на рынке труда и ухудшению правопорядка»¹⁹⁸.

5. Влияние миграции на рост преступности.

В настоящее время, устоялось мнение, что преступления, совершенные иностранными гражданами не оказывают существенного влияния на оперативную обстановку в республике. Так, за 9 месяцев

¹⁹⁶ Сагитова Л.В. Мигранты и принимающее сообщество в коммуникационном пространстве Республики Татарстан: потенциал гибкости и ограничения взаимодействия / Международная научно-практическая конференция «Миграция в странах Восточной Европы и Центральной Азии. Современные вызовы, опыт, инновации»: электронное издание. Изд-во «Бриг», 2016. С. 84-92

¹⁹⁷ Кузнецова И.Б., Мухарьмова Л.М. Социальная интеграция мигрантов в контексте социальной безопасности (на материалах Республики Татарстан). Казань: Казан. ун-т, 2014. С. 33.

¹⁹⁸ Мониторинг состояния межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Татарстан / Совет при Президенте Республики Татарстан по межнациональным и межконфессиональным отношениям. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tatarstan.ru/rus//file/File/Broshura_14_12_2018_3_.pdf

2019 года иностранными гражданами совершено 264 преступления, что на 15,1% меньше, чем за тот же период прошлого года (311). Удельный вес преступлений, совершенных иностранными гражданами, в общем числе зафиксированных преступлений составил 0,7% (в 2018 г. – 1,0%), при этом, уровень преступности на 100 тыс. населения Республики Татарстан составляет 956,5; на 100 тыс. иностранных граждан – 135,6. В структуре преступлений мигрантов основную часть составляют преступления против собственности – 112 (42,4%), против жизни и здоровья – 43 (16,3%), также было зарегистрировано 14 преступлений (5,3%), связанных с незаконным оборотом наркотиков (в 2018 г. – 29), 19 фактов дачи взятки (в 2018 г. – 19). Среди преступлений против жизни и здоровья зарегистрировано 2 факта убийства (в 2018 г. – 1), 9 фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (в 2018 г. – 8), 9 фактов умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью (в 2018 г. – 2), 11 фактов угрозы убийством (в 2018 г. – 8). В структуре преступлений против собственности наибольшее число составляют кражи – 70 (в 2018 г. – 77).¹⁹⁹

Таблица 3.15

Число преступлений, совершенных иностранными гражданами
в Республике Татарстан

Год	Число зарегистрированных преступлений
2014	423
2015	499
2016	436
2017	490
2018	413
9 мес. 2019 года	264

Источник: Миграционная ситуация в РТ за 9 месяцев 2019 г. / Немецкий дом Республики Татарстан [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nd-rt.ru/2019/10/13/migracionnaja-situacija-v-rt-za-9-mes-2019-g/>

¹⁹⁹ Миграционная ситуация в РТ за 9 месяцев 2019 г. / Немецкий дом Республики Татарстан [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nd-rt.ru/2019/10/13/migracionnaja-situacija-v-rt-za-9-mes-2019-g/>

Среди иностранных граждан, совершивших преступления в 2019 г., преобладают граждане: Узбекистана – 82 (31,1%), Таджикистана – 30 (11,4%), Украины – 21 (8,0 %), Кыргызстана – 19 (7,2%), Азербайджана – 17 (6,4%), Казахстана – 17 (6,4%)²⁰⁰

Таким образом, хотя на данный момент преступность мигрантов не оказывает существенного влияния на общую криминогенную ситуацию в регионе, однако, среди мигрантов фиксируются случаи совершения тяжких и особо тяжких преступлений, что не может не вызывать беспокойства у местного населения.

Подводя итог, следует отметить, что иммиграционные потоки, несомненно, играли и будут играть важную роль для развития современного Татарстана. Они, безусловно, нужны, поскольку приносят социально-экономические выгоды региону. Однако, нельзя не признать, что они, в тоже время, влекут за собой и определенные риски, которые необходимо исследовать и учитывать. Характер и значение этих рисков, их конфликтность зависят как от многих факторов внутри- и внешнеполитического характера, так и от социально-экономических условий и макроэкономической динамики в странах исхода и в принимающем обществе. Важной задачей представляется формирование механизмов отбора и селекции мигрантов, недопущение прибытия нежелательных контингентов, а также предотвращение формирования этнических анклавов.

Литература

1. В МВД Татарстана состоялась пресс-конференция, посвященная деятельности Управления по вопросам миграции МВД по РТ / Официальный сайт МВД РТ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://16.xn--b1aew.xn--plai/press_slujba/press_reliz/item/16670304/

²⁰⁰ Миграционная ситуация в РТ за 9 месяцев 2019 г. / Немецкий дом Республики Татарстан [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nd-rt.ru/2019/10/13/migracionnaja-situacija-v-rt-za-9-mes-2019-g/>

2. Габдрахманова Г.Ф. Посредники и диаспоры на рынке услуг для трудовых мигрантов в Республике Татарстан / Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регион Российской Федерации: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 25-25 сентября 2014 г. / Отв. ред. Г.Ф. Габдрахманова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 356-362.

3. Демографический ежегодник Республики Татарстан. 2018: Стат. сборник / Татарстанстат. Казань: Издательский центр Татарстанстата, 2018. 162 с.

4. Демографический ежегодник Республики Татарстан. 2019: Стат. сборник / Татарстанстат. Казань: Издательский центр Татарстанстата, 2019. 159 с.

5. «Деятельность Управления по вопросам миграции МВД по РТ. Предоставление услуг в электронном виде. Итоги операции «Незаконный мигрант – 2016» / Официальный сайт МВД РТ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://16.xn--b1aew.xn--p1ai/press_slujba/press_reliz/item/8774766/

6. Информация УФМС по Республике Татарстан о миграционной ситуации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tatarstan.ru/file/pub_245230.doc

7. Информационно-аналитические сведения о реализации в Республике Татарстан «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» / Совет при Президенте Республики Татарстан по межнациональным и межконфессиональным отношениям. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tatarstan.ru/file/Broshura_1.pdf

8. Кузнецова И.Б., Мухарямова Л.М. Социальная интеграция мигрантов в контексте социальной безопасности (на материалах Республики Татарстан). Казань: Казан. ун-т, 2014. 164 с.

9. Миграционная ситуация в РТ за 9 месяцев 2019 г. / Немецкий дом Республики Татарстан [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nd-rt.ru/2019/10/13/migracionnaja-situacija-v-rt-za-9-mes-2019-g/>

10. Мониторинг состояния межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Татарстан / Совет при Президенте Республики Татарстан по межнациональным и межконфессиональным отношениям. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tatarstan.ru/rus//file/File/Broshura_14_12_2018_3_.pdf

11. Пяташина М.А., Авдоница Л.Г., Юзлибаева Л.Р., Борисова Л.О., Мокеева М.В. Мониторинг инфекционной заболеваемости среди мигрантов в Республике Татарстан / Международная научно-практическая конференция «Миграция в странах Восточной Европы и Центральной Азии. Современные вызовы, опыт, инновации»: электронное издание. Казань: Изд-во «Бриг», 2016. С. 76-79.

12. Позитивные межнациональные отношения и предупреждение нетерпимости: опыт Татарстана в общероссийском контексте / Под ред. Л.М. Дробижевой, С.В. Рыжовой; Институт социологии РАН. – М.; Казань; СПб.: Нестор, 2016. 152 с.

13. Сагитова Л.В. Мигранты и принимающее сообщество в коммуникационном пространстве Республики Татарстан: потенциал гибкости и ограничения взаимодействия / Международная научно-практическая конференция «Миграция в странах Восточной Европы и Центральной Азии. Современные вызовы, опыт, инновации»: электронное издание. Казань: Изд-во «Бриг», 2016. С. 84-92

14. Сакаев В.Т. Риски высокой иммиграции для политического и экономического развития России // Вестник Пермского университета. Серия Политология. 2015. №4. С. 159-174.

15. Сакаев В.Т. Социально-экономическое развитие Республики Татарстан: вызовы демографии и миграции // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 2. С.216-221.

16. Социально-экономическое положение Республики Татарстан: комплексный информационно-аналитический доклад. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tatstat.gks.ru/storage/mediabank/i110033r.pdf>

Раздел 4. Методика прогнозирования рисков возникновения конфликтов

4.1 Обоснование новой методики, ее валидация и стандартизация, возможности применения

Панченко О.Л.

1. Обоснование методики исследования

1.1. Краткая характеристика методики

Методика нацелена на изучение степени адаптации различных групп мигрантов и факторов их адаптации. Предполагается, на основе проведенных исследований, разработать модель прогноза адаптации мигрантов, экспериментально ее апробировать и популяризировать полученный опыт (в форме монографии). Реализация методики позволит более адресно и целенаправленно формировать программы адаптации мигрантов в Республике Татарстан и других регионах.

1.2. Актуальность разработки методики

На сегодняшний день существуют лишь отдельные формальные критерии, которые позволяют определить успешность или неуспешность адаптации мигрантов. Фактически отсутствует комплексная методика прогноза адаптации мигрантов. Предполагаемая методика нацелена на разработку системы критериев, на основании которых возможно выделить различные группы мигрантов, по уровню их адаптируемости в инокультурной среде.

1.3. Объект и предмет, цель и задачи исследования

Объект исследования – адаптация мигрантов в инокультурной среде

Предмет исследования – факторы и критерии адаптации мигрантов

Цель – выявить факторы адаптации мигрантов в инокультурной среде и определить пути ее оптимизации (на примере Республики Татарстан)

Задачи:

Определить индикаторы адаптируемости (способности к адаптации) мигрантов к условиям инокультурной среды

Разработать классификацию групп мигрантов по степени их адаптируемости к условиям инокультурной среды

Определить факторы, влияющие на способность мигрантов к адаптации в инокультурной среде

Определить индикаторы толерантности мигрантов как фактора их способности к адаптации в инокультурной среде

Выявить потенциал толерантности мигрантов как фактора их способности к адаптации в инокультурной среде

1.4. Целевые группы исследования

1) мигранты, прибывшие в Республику Татарстан (далее – республику) из Дальнего и Ближнего зарубежья (далее – внешние мигранты);

2) мигранты, прибывшие в республику из других регионов Российской Федерации (далее – внутренние мигранты).

1.5. Алгоритм проведения исследования

Алгоритм предполагает выделение нескольких его этапов в определенной последовательности, структурно связанных между собой.

Этап 1. Составление программы исследования, определение целевых групп, разработка инструментария (программный этап).

Этап 2. Обследование объекта при помощи разработанного инструментария (полевой этап).

Этап 3. Анализ полученных характеристик объекта – сопоставление теоретической и эмпирической моделей исследуемого объекта, формирование выводов по выделенным блокам и комплексно (аналитический этап).

Этап 4. Разработка методики прогноза адаптации мигрантов в условиях инокультурной среды;

Этап 5. Представление результатов исследований в виде монографии для органов исполнительной власти и научно-педагогической общественности.

Методическим инструментарием проведения исследования служит вопросник.

1.6. Теоретическая модель исследования

Уровень адаптации мигрантов в условиях инокультурной среды условно может быть высоким, посредственным или низким. Индикаторами выявления соответствующего уровня адаптации служат следующие:

- трудоустройство
- включенность в сообщества
- Взаимодействие с коренным населением
- Установление дружеских отношений
- Создание семьи
- Стремление остаться жить в регионе пребывания
- Наличие/отсутствие проблем в адаптации.

Соответственно, по уровню адаптации и степени адаптируемости мигрантов можно выделить несколько их групп:

- группа с высоким уровнем адаптации (гибкая адаптируемость)
- группа с посредственным уровнем адаптации (средняя адаптируемость)
- группа с низким уровнем адаптации (жесткая адаптируемость).

Уровень адаптации может быть определен в разрезе трех компонентов (критериев):

- когнитивный (знание истории и культуры народов региона пребывания)
- эмоциональный (принятие культуры коренных народов региона пребывания)
- поведенческий (поведение в различных сферах жизнедеятельности), включая:

экономическую сферу

социальные взаимодействия
межличностные взаимодействия.

Высокий уровень адаптации (гибкая адаптируемость) предполагает высокий когнитивный уровень (хорошее знание истории и культуры народов региона пребывания); высокий эмоциональный уровень (полное принятие культуры коренных народов региона пребывания); высокий поведенческий уровень (поведение в различных сферах жизнедеятельности характеризуется активными стратегиями – занятость/трудоустройство, включенность в различные социальные взаимодействия, установление межличностных контактов с представителями иных культур). Присутствие данных индикаторов трех обозначенных критериев позволяет считать данную группу мигрантов высоко адаптированной (гибкой адаптируемости).

Посредственный уровень адаптации (средняя адаптируемость) характеризуется средним когнитивным уровнем (невысокое знание истории и культуры народов региона пребывания); средний эмоциональный уровень (относительное принятие культуры коренных народов региона пребывания); средний поведенческий уровень (поведение в различных сферах жизнедеятельности характеризуется пассивно-активными стратегиями – занятость/трудоустройство, включенность в различные социальные взаимодействия, установление межличностных контактов с представителями иных культур). Присутствие данных индикаторов трех обозначенных критериев, либо хотя бы двух из них, либо одного из трех – на высоком уровне, – позволяет считать данную группу мигрантов посредственно адаптированной (средней адаптируемости).

Низкий уровень адаптации (жесткая адаптируемость) предполагает низкий когнитивный уровень (слабое знание, либо отсутствие знания истории и культуры народов региона пребывания); низкий эмоциональный уровень (непринятие культуры коренных народов региона пребывания); низкий поведенческий уровень (поведение в различных сферах жизнедеятельности характеризуется пассивными

стратегиями – отсутствие занятости/трудоустройства, слабая включенность в различные социальные взаимодействия, отсутствие установленных межличностных контактов с представителями иных культур). Присутствие данных индикаторов трех обозначенных критериев, либо двух из них, либо одного или двух из компонентов – со средним уровнем, а одного – с низким, – позволяет считать данную группу мигрантов низко адаптированной (жесткой адаптируемости).

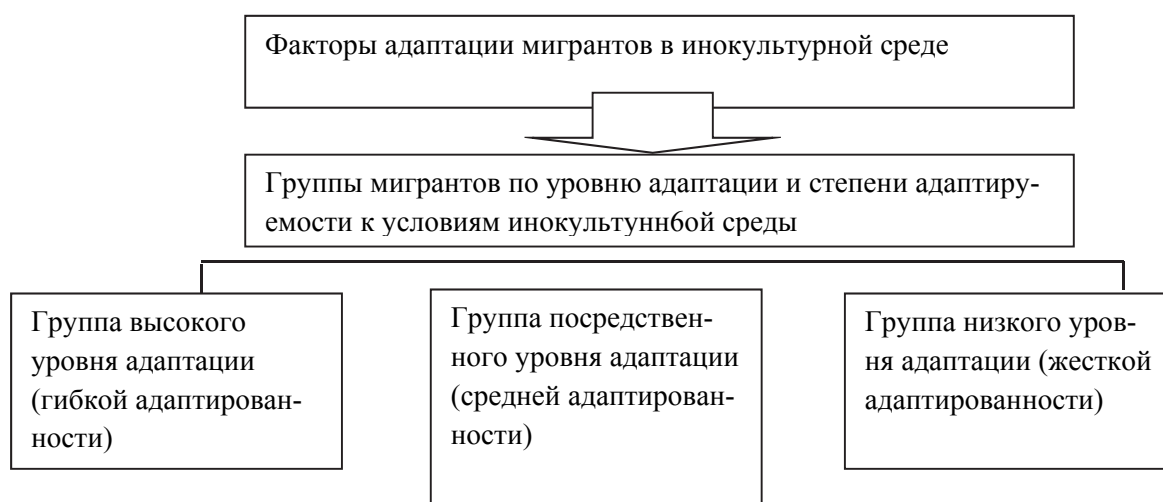

Рисунок 4.1. Теоретическая модель адаптации мигрантов в условиях инокультурной среды

Успешность или неуспешность адаптации мигрантов в условиях инокультурной среды зависит от ряда факторов, которые подразделяются на объективные и субъективные. Объективные факторы включают общие и локальные. К общим относятся:

- Экономические
- Социальная политика
- Социокультурные

К локальным относятся:

- Этнические сообщества
- Теснота взаимодействий между мигрантами и коренным населением региона пребывания.

К субъективным факторам относятся:

- знание истории и культуры народов региона пребывания

- коммуникативно-поведенческие (стремление и умение выстраивать социальные контакты)
- этнические особенности мигрантов (менталитет).
- уровень толерантности мигрантов.

Толерантность выделена в отдельную группу факторов, влияющих на способность к адаптации и на степень адаптируемости мигрантов. Индикаторы толерантности мигрантов как фактора их способности к адаптации в инокультурной среде включают:

- Этнический (терпимость к другим народам)
- Социальный (терпимость к представителям полярных социальных групп населения)

Межличностный (терпимость к «инаковости» других людей).

Теоретически, исходя из посылки, толерантность выступает ведущим фактором адаптации мигрантов. Таким образом, выявление потенциала толерантности мигрантов как фактора их способности к адаптации в инокультурной среде является ключевым в данной методике, целью которой выступает прогнозирование.

Соответственно, успешность адаптации мигрантов зависит от выделенных компонентов, одновременно рассматриваемых нами в качестве факторов.

1.7. Интерпретация и операционализация основных понятий исследования

Интерпретация понятий исследования далее представлена в виде таблицы 4.1. Понятия, выделенные в теоретической модели, подвергаются операционализации с целью конструирования вопросника, доступного для понимания целевыми группами исследования.

Таблица 4.1.
 Операционализация понятий исследования для разработки инструментария (вопросника)²⁰¹

Задача исследования	Концептуализация	Операционализация
Определить индикаторы адаптируемости (способности к адаптации) мигрантов к условиям инокультурной среды	Трудоустройство	- Пребывая в Татарстане, чем, в настоящий период времени, Вы занимаетесь? (работая/ имею свой бизнес/живу на пособие, пенсию/учусь/пока не трудоустроен) - Если Вы работаете, кто оказал Вам помощь в трудоустройстве? (гос. соц. службы/ этническая община, сообщество земляков/друзья, близкие/никто не оказывал)
	Включенность в сообщества	- В случае возникновения трудной жизненной ситуации Вы, скорее, всего, обратитесь к помощи... (гос. соц. службе РТ/представителям этнической общины/некоммерческим организациям Татарстана/друзьям)
	Взаимодействие с коренным населением	- В какой мере Вы согласны с утверждением: Я чаще взаимодействую с членами своей этнической общины, чем с представителями коренных народов Татарстана - В случае возникновения трудной жизненной ситуации Вы, скорее, всего, обратитесь к помощи...(гос. соц. службе РТ/представителям этнической общины/некоммерческим организациям Татарстана/друзьям)

²⁰¹ Один и тот же вопрос анкеты может относиться к разным задачам исследования

	<p>Установление дружеских отношений</p>	<p>- В какой мере Вы согласны с утверждениями: Мои друзья – это, прежде всего, члены моей этнической общины (мой земляки)</p> <p>- Выбрать из двух высказываний: Я бы хотел иметь друзей среди представителей коренных народов Татарстана (русских, татар) ИЛИ Я бы хотел иметь друзей только среди представителей моей национальности</p> <p>- Выбрать из двух высказываний: Я легко устанавливаю контакт с представителями коренных народов Татарстана ИЛИ Мне сложно дается общение с представителями коренных народов Татарстана</p>
	<p>Создание семьи</p>	<p>- Есть ли у Вас собственная семья? - Если есть, то проживает ли она с Вами или отдельно от Вас?</p>
	<p>Стремление остаться жить в регионе пребывания</p> <p>Наличие/отсутствие проблем в адаптации</p>	<p>- Хотели бы Вы или не хотели бы остаться жить в Татарстане? - При каких условиях Вы хотели бы остаться жить в Татарстане?</p> <p>- В каких сферах и вопросах жизнедеятельности в период проживания в Татарстане Вы чувствуете необходимость дополнительной поддержки государства? - По каким из вопросов жизнедеятельности Вы предпочитаете обратиться за помощью и поддержкой к представителям своей</p>

		<p>этнической общины на территории Татарстана?</p> <p>- В случае возникновения трудной жизненной ситуации Вы, скорее, всего, обратитесь к помощи...</p>
<p>Разработать классификацию групп мигрантов по степени их адаптивности к условиям иной культурной среды</p>	<p>Выявление степени адаптивности мигрантов в зависимости от национальной, региональной, возрастной и половой принадлежности в разрезе уровней:</p> <p>- Когнитивный уровень (знание истории и культуры народов региона пребывания)</p> <p>- Эмоциональный уровень (принятие культуры коренных народов региона пребывания)</p> <p>- Поведенческий уровень (поведение в различных сферах жизнедеятельности), включая:</p> <p>- экономическую сферу</p> <p>- социальные взаимодействия</p>	<p>- В какой мере Вы согласны с утверждением: Я хорошо знаком с историей Татарстана</p> <p>- В какой мере Вы согласны с утверждением: Я хорошо знаком с культурой коренных народов (татар, русских), проживающих на территории Татарстана</p> <p>- В какой мере Вы согласны с утверждением: Проживая в Татарстане, я ощущаю себя очень комфортно</p> <p>- Что Вам более всего нравится и что – не нравится в Татарстане?</p> <p>- Пребывая в Татарстане, чем, в настоящий период времени, Вы занимаетесь?</p> <p>- Если Вы работаете, кто оказал Вам помощь в трудоустройстве?</p> <p>- Если Вы работаете, кто оказал Вам помощь в трудоустройстве?</p> <p>- В какой мере Вы согласны с утверждением: Я чаще взаимодействую с членами своей этнической общины, чем с представителями коренных народов Татарстана</p>

		<ul style="list-style-type: none"> - В какой мере Вы согласны с утверждением: Я чаще говорю на своем родном языке, чем на языках коренных народов Татарстана - По каким из вопросов жизнедеятельности Вы предпочитаете обратиться за помощью и поддержкой к представителям своей этнической общины на территории Татарстана? - В случае возникновения трудной жизненной ситуации Вы, скорее, всего, обратитесь к помощи... - В какой мере Вы согласны с утверждением: Мои друзья – это, прежде всего, члены моей этнической общины (мой земляки) - Есть ли у Вас собственная семья? - Если есть, то проживает ли она с Вами или отдельно от Вас?
<p>Определить факторы, влияющие на способность мигрантов к адаптации в инокультурной среде</p>	<p>Объективные:</p> <ul style="list-style-type: none"> - общие: <p>Экономические</p>	<ul style="list-style-type: none"> - Выбрать из двух высказываний: Представители моей национальности испытывают сложности с поиском работы в Татарстане ИЛИ Представители моей национальности легко находят себе работу в Татарстане - При каких условиях Вы хотели бы остаться жить в Татарстане? - В каких сферах и вопросах жизнедеятельности в период проживания в Татарстане Вы чувствуете необходимость дополнительной поддержки государства? - Выбрать из двух высказываний:
	<p>Социальная политика</p>	
	<p>Социокультурные</p>	

		<p>Представители коренного населения Татарстана дружелюбны по отношению ко мне</p> <p>ИЛИ</p> <p>Представители коренного населения Татарстана недоверчиво относятся ко мне</p> <p>- Выбрать из двух высказываний:</p> <p>У меня много общего с представителями коренных народов Татарстана (либо одного из народов – русскими, татарами)</p> <p>ИЛИ</p> <p>У меня мало общего с представителями коренных народов Татарстана (русскими, татарами)</p>
<p>- локальные:</p> <p>Этнические сообщества</p>		<p>- По каким из вопросов жизнедеятельности Вы предпочитаете обратиться за помощью и поддержкой к представителям своей этнической общины на территории Татарстана?</p>
<p>Теснота взаимодействий между мигрантами и коренным населением региона на пребывания</p>		<p>- В какой мере Вы согласны с утверждением:</p> <p>Я чаще взаимодействую с членами своей этнической общины, чем с представителями коренных народов Татарстана</p> <p>- По каким из вопросов жизнедеятельности Вы предпочитаете обратиться за помощью и поддержкой к представителям своей этнической общины на территории Татарстана?</p>
<p>Субъективные:</p> <p>- знание истории и культуры народов региона пребывания</p>		<p>- В какой мере Вы согласны с утверждением:</p> <p>Я хотел бы больше знать о традициях и обычаях коренных народов Татарстана</p>

	<p>- коммуникативно-поведенческие (стремление и умение выстраивать социальные контакты)</p>	<p>- Выбрать из двух высказываний: Я легко устанавливаю контакт с представителями коренных народов Татарстана ИЛИ Мне сложно дается общение с представителями коренных народов Татарстана</p>
	<p>- этнические особенности мигрантов (менталитет)</p>	<p>- Выбрать из высказываний: иногда я испытываю стыд за людей своей национальности ИЛИ я безразлично отношусь к своей национальной принадлежности ИЛИ иногда я чувствую превосходство своего народа над другими - Выбрать из двух высказываний: я считаю необходимым сохранять чистоту любой нации ИЛИ я считаю, что межнациональные браки положительно влияют на общество - В какой мере Вы согласны с утверждением: Есть народы, которые вызывают у меня неприязнь - В какой мере Вы согласны с утверждением: Мне неприятно общаться с ... - В какой мере Вы согласны с утверждением: Мне не важно, какой национальности мои друзья - В какой мере Вы согласны с утверждением:</p>

		<p>Я бы не хотел, чтобы среди моих друзей были представители....</p> <p>- В какой мере Вы согласны с утверждением:</p> <p>Я бы не хотел, чтобы среди моих друзей были представители....</p> <p>- В какой мере Вы согласны с утверждением:</p> <p>Я бы не хотел, чтобы моя жена (мой муж) был из представителей-лей....</p> <p>- Выбрать из двух высказываний:</p> <p>Я бы хотел иметь друзей среди представителей коренных народов Татарстана (русских, татар) ИЛИ</p> <p>Я бы хотел иметь друзей только среди представителей моей национальности</p> <p>- Выбрать из двух высказываний:</p> <p>Я легко устанавливаю контакт с представителями коренных народов Татарстана ИЛИ</p> <p>Мне сложно дается общение с представителями коренных народов Татарстана</p>
<p>Определить индикаторы толерантности мигрантов как фактора их</p>	<p>- уровень толерантности мигрантов (см. ниже)</p> <p>Этнический (терпимость к другим народам)</p>	<p>Обозначьте, пожалуйста, ваши взгляды по вопросам межнациональных отношений:</p> <p>- Выбрать из двух высказываний:</p> <p>в повседневном общении национальность не имеет значения</p>

<p>способности к адаптации в инокультурной среде</p>	<p>ИЛИ межнациональные браки разрушают народ - Выбрать из высказываний: иногда я испытываю стыд за людей своей национальности ИЛИ я безразлично отношусь к своей национальной принадлежности ИЛИ иногда я чувствую превосходство своего народа над другими - Выбрать из двух высказываний: я считаю необходимым сохранять чистоту любой нации ИЛИ я считаю, что межнациональные браки положительно влияют на общество - В какой мере Вы согласны с утверждением: Есть народы, которые вызывают у меня неприязнь - В какой мере Вы согласны с утверждением: Мне неприятно общаться с ... - В какой мере Вы согласны с утверждением: Мне не важно, какой национальности мои друзья - В какой мере Вы согласны с утверждением: Я бы не хотел, чтобы среди моих друзей были представители.... - В какой мере Вы согласны с утверждением: Я бы не хотел, чтобы среди моих друзей были представители.... - В какой мере Вы согласны с утверждением:</p>	
--	---	--

	<p>Социальный (терпимость к представителям полярных социальных групп населения)</p>	<p>Я бы не хотел, чтобы моя жена (мой муж) был из представителей... Обозначьте, пожалуйста, ваши взгляды по вопросам социальных отношений: - Выбрать из двух высказываний: Нищие и бродяги сами виноваты в своих проблемах ИЛИ Слабым и бедным нужно помогать - Выбрать из двух высказываний: Общество должно заботиться о психически больных людях ИЛИ Всех психически больных людей необходимо изолировать от общества</p>
<p>Межличностный (терпимость к «инаковости» других людей)</p>		<p>Обозначьте, пожалуйста, ваши взгляды по вопросам отношений с другими людьми: - В какой мере Вы согласны с утверждением: Мне не важно, к какому вероисповеданию принадлежат мои друзья - В какой мере Вы согласны с утверждением: Я допускаю, что среди моих друзей могут быть... - В какой мере Вы согласны с утверждением: Мне не важно, к какому вероисповеданию принадлежит моя жена / мой муж</p>

		<p>- В какой мере Вы согласны с утверждением: Я допускаю, что моя жена / мой муж может быть... Обозначьте, пожалуйста, ваши взгляды по вопросам взаимодействия с другими людьми: - Выбрать из двух высказываний: Мне трудно общаться с теми, кто не похож на меня ИЛИ Я легко устанавливаю контакт с людьми - Выбрать из двух высказываний: Если кто-то поступает со мной грубо, я отвечаю тем же ИЛИ Я стараюсь избегать конфликтных ситуаций с людьми</p>
<p>Выявить потенциал толерантности мигрантов как фактора их способности к адаптации в инокультурной среде</p>	<p>- Эмоциональный уровень (принятие или неприятие представителей иных народов)</p>	<p>- Выбрать из двух высказываний: Представители коренного населения Татарстана дружелюбны по отношению ко мне ИЛИ Представители коренного населения Татарстана недоверчиво относятся ко мне - Выбрать из двух высказываний: У меня много общего с представителями коренных народов Татарстана (либо одного из народов – русскими, татарами) ИЛИ У меня мало общего с представителями коренных народов Татарстана (русскими, татарами)</p>

	<p>- Поведенческий уровень (готовность к установлению социальных контактов с представителями других народов)</p>	<p>- Выбрать из двух высказываний: Я бы хотел иметь друзей среди представителей коренных народов Татарстана (русских, татар) ИЛИ Я бы хотел иметь друзей только среди представителей моей национальности</p> <p>- Выбрать из двух высказываний: Я легко устанавливаю контакт с представителями коренных народов Татарстана ИЛИ Мне сложно дается общение с представителями коренных народов Татарстана</p>
--	--	--

2. Методика исследования

2.1. Общая характеристика методики

Используется метод массового опроса. Количественный метод, преимущества которого – возможность получения расширенной информации по интересующей теме, в максимально короткие сроки. Опрос в форме анкетирования позволит изучить проблему с позиции представителей целевых групп – внешних и внутренних мигрантов. Данная группа как непосредственный участник миграционных процессов, имеет определенное мнение по данной проблеме, что фактически исключает вероятность наличия несформированного общественного мнения у данной целевой группы.

2.2. Выборка исследования и отбор респондентов

Целевая группа: внешние и внутренние мигранты в Республике Татарстан.

Генеральная совокупность представлена мигрантами, прибывшими с различными целями (трудоустройство, получение образование, посещение родственников и друзей, иные цели) в Республику Татарстан и проживающими временно на ее территории. Объем генеральной совокупности (основа выборки) неизвестен, в связи с чем, наиболее оптимальным вариантом является формирование кластерной выборки с последующим целевым отбором в отобранных кластерах.

Объем выборки, его обоснование, география и квотирование

Ввиду того, что основа выборки неизвестна, единственным способом отбора является целевая выборка, то есть отбор респондентов происходит целевым способом.

Выборка комбинированная многоступенчатая. На первом этапе отбираются кластеры, в которых затем (второй этап) целевым методом происходит отбор респондентов.

На первом этапе – кластерная, на основе систематического бесповторного отбора. В качестве генеральной совокупности на данном этапе выступают представители мигрантов различной этнической

принадлежности и прибывшие из различных регионов зарубежья и регионов РФ (этнические кластеры).

На втором этапе – выборка целевая. В отобранных кластерах ведется отбор респондентов, обладающих определенными признаками. В качестве таких признаков (критериев отбора) служит уровень знания русского языка, позволяющего пройти анкетирование, без участия переводчиков. Квотирование по целевой группе отсутствует. При отборе респондентов обеспечиваются принципы доступности и вариативности, что означает равные возможности попадания в выборку и обеспечение присутствия в ней респондентов с различными признаками (по полу, возрасту, национальной принадлежности и региону выбытия).

2.3. Обработка результатов

Обработка результатов осуществляется специалистом по расшифровке (кодированию), имеющим аналогичный опыт работы по обработке данных, по мере поступления готовых (заполненных) анкет. Специалист по расшифровке осуществляет вбивку данных анкет в электронную матрицу программы Excel и формирует электронную базу данных. Специалист-аналитик изучает представленные результаты в виде таблицы и, в соответствии с целями и задачами исследования, формирует их в один аналитический отчет по итогам проведенного полевого исследования.

Алгоритм обработки данных исследования предполагает несколько этапов.

Шаг 1. Кодирование данных. Заполненные текстовые анкеты переводятся в табличный и доступный для интерпретации вид. Выполняется кодировщиком данных.

Шаг 2. Ре-интерпретация полученных данных. В соответствии с операционализированными понятиями (см. выше) эмпирические индикаторы каждого выделенного теоретического понятия проходят ре-интерпретацию, то есть «сводятся» к интегральному индикатору. В сумме несколько индикаторов позволяют сделать вывод о состоя-

нии эмпирических признаков понятия, а затем – о состоянии самого понятия (анализируемого блока). При ре-интерпретации осуществляется обратная процедура – укрупнение признаков и создание интегральных индикаторов понятий (блоков), позволяющих оценить состояние развития института замещающей семьи в разрезе основных выделенных теоретических блоков. При этом о состоянии конкретного признака можно судить по совокупности высказываний респондентов, интерпретированных по смыслу.

Шаг 3. Анализ результатов исследования. Ре-интерпретация основных понятий исследования позволяет выделить основные тенденции в развитии выделенных теоретических блоков и, таким образом, сопоставить теоретическую модель исследования с эмпирической моделью исследования.

Шаг 4. Графическое представление результатов исследований. Сопоставление эмпирической и теоретической моделей адаптации мигрантов в графической форме производится в виде (столбчатых, круговых и лепестковых) диаграмм. Лепестковые диаграммы позволяют наглядно отследить, в какой мере эмпирическая модель (через конкретные признаки) соответствует теоретической модели.

2.4. Характеристика итоговых результатов

Итоговые результаты позволят отследить наличие определенных зависимостей, взаимосвязей признаков и наличие тенденций при анализе объективных условий и субъективных факторов, влияющих на процесс адаптации мигрантов.

4.2. Апробация методики анализа миграционной ситуации в Республике Татарстан с целью прогнозирования конфликтных рисков

*Панченко О. Л., Фахрутдинов Р.Р., Сакаев В.Т., Измайлов Р.И.,
Фахрутдинов Б.Р.*

В современном многополярном мире миграционные процессы являются одним из наиболее важных факторов и условий стабильного развития региона. В зависимости от проводимой миграционной политики они могут иметь как позитивные, так и негативные следствия для развития территорий. Необходимость изучения специфики данных процессов обусловлена прогностическими функциями. Прогнозирование как важный элемент социального управления возможно лишь на основе комплексных, регулярных обследований самочувствия приезжих и граждан принимающей стороны.

Республика Татарстан – один из регионов России, наиболее подверженных миграционным процессам. Это означает, что от коренного населения республики требуется высокий уровень толерантного отношения к приезжим, вне зависимости от их этнической принадлежности. В данном аспекте, республика обладает опытом, но для более глубокого познания социальных механизмов адаптации требуется обращение к результатам исследований.

Исследовательский массив был представлен иностранными гражданами и гражданами РФ, приехавшими из различных стран и регионов в Республику Татарстан (внутренними и внешними мигрантами). Опрошено 47% юношей (мужчин) и 53% – девушек (женщин). По возрастам опрошенные распределились следующим образом: основная масса опрошенных – в возрасте до 35 лет – 51% (см. табл. 4.4., 4.5).

Большинство респондентов проживают на территории Республики Татарстан (далее – республики) менее одного года (см. табл. 4.2). По странам и регионам прибытия респонденты распреде-

лились следующим образом (см. табл. 4.3). Распределение опрошенных по этническому статусу приведено в таблице 4.6.

Общее число опрошенных составило 1026 человек. Программа и методика исследования приведены в Приложении.

Таблица 4.2.

Период проживания мигрантов в Республике Татарстан (**Как давно Вы приехали в Республику Татарстан?**), N=1026, в % к опрошенным

Варианты ответов	Кол-во ответивших, чел.	Доля ответивших, %
менее 1 года назад	801	78
1-3 года назад	90	9
3-5 лет назад	81	8
более 5 лет назад	54	5
ВСЕГО	1026	100

Таблица 4.3

Регион прибытия мигрантов (**Из какой страны/из какого региона РФ Вы прибыли в Татарстан?**), N=1026, в % к опрошенным

Варианты ответов	Кол-во ответивших, чел.	Доля ответивших, %
Туркменистан	198	19
Узбекистан	189	18
Китай	54	5
Казахстан	81	8
Таджикистан	99	10
Азербайджан	108	11
Армения	99	10
Республики РФ	198	19
ВСЕГО	1026	100

Таблица 4.4

Распределение респондентов по полу (**пол респондента**), N=1026, в % к опрошенным

Варианты ответов	Кол-во ответивших, чел.	Доля ответивших, %
мужской	486	47
женский	540	53
ВСЕГО	1026	100

Таблица 4.5

Распределение респондентов по возрасту (**возраст респондента**), N=1026, в % к опрошенным

Варианты ответов	Кол-во ответивших, чел.	Доля ответивших, %
до 25 лет	279	27
26-35 лет	243	24
36-45 лет	171	17
46-55 лет	207	20
56-65 лет	126	12
старше 65 лет	-	-
ВСЕГО	1026	100

Таблица 4.6

Распределение респондентов по национальности (**национальность респондента**), N=1026, в % к опрошенным

Варианты ответов	Кол-во ответивших, чел.	Доля ответивших, %
Туркмен	20	17
Узбек	21	18
Китаец	7	7
Армянин	10	9

Продолжение таблицы

Таджик	12	11
Азербайджанец	13	11
Представители народов республик РФ ²⁰²	31	27
ВСЕГО	1026	100

Таблица 4.7

Факторы социального самочувствия мигрантов в Татарстане (**Что Вам более всего нравится и что – не нравится в Татарстане?**), N=1026, в % к опрошенным

Варианты ответов	Нра- вится	Не нра- вится	Затруд- няюсь отве- тить/нет ответа	ВСЕГО
Окружающие меня люди	82	6	12	100
Политика республики в отноше- нии мигрантов	57	11	32	100
Возможность трудоустроиться	33	22	43	100
Возможность получать хорошее образование	74	11	15	100
Благоустройство городов, селений	81	1	18	100
Культура народов Татарстана	84	1	13	100
Религии народов Татарстана	85	0	13	100

В таблице 4.7 представлены мнения мигрантов о факторах, позитивно влияющих на их социальное самочувствие в республике. Как видно из представленных данных, наибольшую удовлетворенность респондентов представляют социальные, культурные и религиозные факторы (аспекты) их пребывания в республике. Так, 84-85% опро-

²⁰² В данную группу отнесены представители коренных народов республик Поволжья (Мари эл, Чувашии), а также других отдельных областей и республик РФ – Удмуртии, Бурятии, Башкирии, Саратовской, Архангельской, Кемеровской областей, Ямало-Ненецкого а.о., Пермского края и Свердловской области

шенных отметили, что им нравятся культура и религии народов Татарстана, 82% – окружающие их люди. Остальные факторы в меньшей степени позитивно влияют на социальное самочувствие мигрантов. Среди них можно отдельно выделить «возможности получать хорошее образование» (74% удовлетворены данным фактором), а также «благоустройство городов, поселений» (81%). Менее всего позитивно влияют на адаптацию и социальное самочувствие мигрантов политика республики в отношении мигрантов (57% отметили позитивное влияние данного фактора) и возможности трудоустройства (33%). При этом 22% опрошенных указали на то, что возможности трудоустройства выступают одним из наиболее проблемных условий их пребывания в республике. Кроме того, высока доля не определившихся с ответом по данным позициям, что также свидетельствует о низкой степени удовлетворенности мигрантов данными факторами (см. табл.4.7).

Таблица 4.8

Самооценка мигрантами уровня своих знаний в области истории Татарстана (**В какой мере Вы согласны с утверждениями: Я хорошо знаком с историей Татарстана**), N=1026, в % к опрошенным

Варианты ответов	Кол-во ответивших, чел.	Доля ответивших, %
Согласен	189	18
Скорее, согласен	261	25
Скорее, не согласен	279	28
Не согласен	297	29
Нет ответа	-	-
ВСЕГО	1026	100

Как следует из данных, приведенных в таблице 4.8, менее половины респондентов отмечают, что они вполне знакомы с историей Татарстана; 57% не знакомы, либо не вполне знакомы с историей республики. Полностью уверены в том, что они хорошо знакомы

с историей, лишь 18% мигрантов, что характеризует невысокий, в целом, уровень знаний, согласно представленным самооценкам.

В целом, сложно выделить какие-то определенные тенденции в разрезе этнических групп; тем не менее, наиболее осведомленными в вопросах знания истории Татарстана считают себя туркмены; в наименьшей степени знакомы с историей Татарстана, по собственным оценкам, узбеки, китайцы, армяне и азербайджанцы.

Таблица 4.9

Самооценка мигрантами уровня своих знаний в области культуры народов Татарстана (**В какой мере Вы согласны с утверждениями: Я хорошо знаком с культурой коренных народов (татар, русских), проживающих на территории Татарстана**), N=1026, в % к опрошенным

Варианты ответов	Кол-во ответивших, чел.	Доля ответивших, %
Согласен	189	18
Скорее, согласен	369	36
Скорее, не согласен	261	26
Не согласен	207	20
Нет ответа	-	-
ВСЕГО	1026	100

Примерно такова же доля мигрантов, утверждающих, что они хорошо знакомы с культурой основных народов республики (русских, татар), и, в целом, более половины опрошенных отметили, что считают себя осведомленными в данном вопросе (см. табл. 4.9). Таким образом, с культурой народов республики респонденты более знакомы, чем с ее историей. В разрезе этнической принадлежности респондентов фактически не выявляется никаких определенных тенденций.

Таблица 4.10

Самооценка социального самочувствия мигрантов, проживающих в Татарстане (**В какой мере Вы согласны с утверждениями: Проживая в Татарстане, я ощущаю себя очень комфортно**), N=1026, в % к опрошенным

Варианты ответов	Кол-во ответивших, чел.	Доля ответивших, %
Согласен	621	61
Скорее, согласен	270	26
Скорее, не согласен	81	8
Не согласен	54	5
Нет ответа	-	-
ВСЕГО	1026	100

В целом, мигранты ощущают себя вполне комфортно, проживая на территории республики: 87% опрошенных отметили данный факт. Имеется резерв для улучшения условий их проживания – 13% респондентов не вполне комфортно себя ощущают (см. табл. 4.10).

Согласно полученным данным, наиболее комфортно ощущают себя в республике туркмены и узбеки. Наименее комфортно, по самооценкам, ощущают себя азербайджанцы и узбеки. Таким образом, среди узбеков присутствуют полярные ощущения: от явного комфорта к дискомфорту. Разброс признаков по данному вопросу также наиболее высок именно среди представителей узбекской этнической группы.

Большинство опрошенных проживают на территории республики с целью обучения или работы по найму: из них получают образование 37%, работают по найму – 34%. Среди опрошенных лишь 1% имеет свой бизнес, 2% – живут на социальное пособие, остальные не трудоустроены (9% не дали ответа) см. табл. 4.11). Эти данные указывают на имеющиеся сложности с поиском работы, а также трудности мигрантов с возможностью развивать малый и средний бизнес.

Таблица 4.11

Характер занятости мигрантов (Пребывая в Татарстане, чем, в настоящий период времени, Вы занимаетесь?), N=1026, в % к опрошенным²⁰³

Варианты ответов	Кол-во ответивших, чел.	Доля ответивших, %
Работаю по найму	349	34
Имею свой бизнес	10	1
Живу на социальное пособие/пенсию (вынужденный мигрант, беженец, пенсионер, безработный)	-	-
Учусь	380	37
Пока не трудоустроился	195	19
Иное	-	-
Нет ответа	92	9
ВСЕГО	1026	100

Согласно полученным ответам респондентов, в поиске работы и трудоустройстве им оказали помощь близкие и друзья (10%), в меньшей степени – этническая община, сообщество земляков (3%) и государственные социальные службы (2%); 6% опрошенных отметили, что устроились работать самостоятельно (см. табл. 4.12). Полученные данные указывают на высокую значимость социальных связей в процессе трудоустройства; этническая община оказывает менее заметное влияние на данный процесс, а государственные социальные службы – практически не оказывают.

Этническая община как канал помощи в трудоустройстве, более всего свойственна узбекам и азербайджанцам. Личные каналы связи (близкие и друзья) для трудоустройства чаще используются азербайджанцами, таджиками и узбеками. По остальным вариантам трудоустройства определенных тенденций не выявлено.

²⁰³ Сумма ответов по столбцу может составлять более 100%, так как респонденты имели возможность выбрать несколько вариантов ответов

Таблица 4.12

Оценка мигрантами каналов помощи в трудоустройстве (**Если Вы работаете, кто оказал Вам помощь в трудоустройстве?**), N=1026, в % к опрошенным²⁰⁴

Варианты ответов	Кол-во ответивших, чел.	Доля ответивших, %
Государственные социальные службы	18	2
Моя этническая община, сообщество земляков	27	3
Мои близкие и друзья	99	10
Никто не оказывал помощи, устроился самостоятельно	63	6
Пока не работаю	783	56
Иное	-	-
Нет ответа	-	-
ВСЕГО	1026	100

Половина мигрантов склонна выстраивать социальные взаимодействия с членами своей этнической общины, нежели с коренными народами республики. Так, по результатам исследования, половина опрошенных (51%) *«чаще взаимодействуют с членами своей этнической общины, чем с представителями коренных народов Татарстана»* (см. табл. 4.13). Лишь 17% респондентов абсолютно не согласны с данным утверждением, что означает наибольшую степень их ориентированности на установление контактов с представителями народов республики. В целом же, распределение ответов респондентов показывает невысокую степень социальных контактов мигрантов с народами республики, преимущественную их замкнутость общением внутри своего этнического сообщества.

Наиболее склонны взаимодействовать в рамках своей этнической общины представители туркмен и узбеков. По собственным

²⁰⁴ Сумма ответов по столбцу может составлять более 100%, так как респонденты имели возможность выбрать несколько вариантов ответов

оценкам, азербайджанцы, наоборот, не стремятся ограничивать себя рамками этнической общины. Также не ограничиваются рамками общин представители внутренних мигрантов.

Таблица 4.13

Оценка мигрантами степени своего взаимодействия с членами этнической общины и представителями народов Татарстана (**В какой мере Вы согласны с утверждениями: Я чаще взаимодействую с членами своей этнической общины, чем с представителями коренных народов Татарстана**), N=1026, в % к опрошенным

Варианты ответов	Кол-во ответивших, чел.	Доля ответивших, %
Согласен	225	22
Скорее, согласен	297	29
Скорее, не согласен	324	32
Не согласен	171	17
Нет ответа	-	-
ВСЕГО	1026	100

Невысокая степень адаптации мигрантов к инокультурной среде в период их проживания в республике подтверждается также распределением ответов на вопрос о языковых ориентациях. Две трети респондентов (66%) отмечают, что, проживая в Татарстане, чаще разговаривают на своем родном языке, нежели на языках народов республики. При этом 42% вполне уверены в этом, 24% – выразили частичное согласие с данным утверждением (см. табл. 4.14). Таким образом, как максимум, треть мигрантов, проживая в республике, предпочитает общаться на языках ее народов; большинство же мигрантов остается лояльным языковым особенностям своего народа. Очевидно, что данный фактор также затрудняет адаптацию мигрантов в инокультурную среду.

Таблица 4.14

Оценка мигрантами уровня использования родного языка на территории Татарстана (**В какой мере Вы согласны с утверждениями: Я чаще говорю на своем родном языке, чем на языках коренных народов Татарстана**), N=1026, в % к опрошенным

Варианты ответов	Кол-во ответивших, чел.	Доля ответивших, %
Согласен	432	42
Скорее, согласен	243	24
Скорее, не согласен	198	19
Не согласен	153	15
Нет ответа	-	-
ВСЕГО	1026	100

Среди представителей различных этнических групп наиболее ограничены рамками общения на своем родном языке китайцы (100%), узбеки, туркмены, азербайджанцы, армяне. Таким образом, практически все представители внешних мигрантов склонны общаться на родном языке, нежели на языке народов республики.

Более половины опрошенных (56%) утверждают, что их друзья, – это, прежде всего, члены их этнической общины, при этом почти треть (30%) уверены в этом (см. табл. 4.15). Замкнутость социального круга общения приобретает роль важнейшего фактора дезадаптации мигрантов, и в совокупности с приоритетами языкового общения создает закрытое пространство их социального взаимодействия. В условиях подобного функционирования мигранты повышают риски дезадаптации, что дополнительно усиливает сложности их трудоустройства, получения образования.

Среди представителей различных этнических групп предпочитают устанавливать дружеские связи (отношения) с представителями своей только этнической общины узбеки и туркмены: среди них наиболее высока доля респондентов, полностью согласившихся с приведенным выше высказыванием. Одновременно, (исключая внутренних мигрантов), среди узбеков наиболее высока доля респон-

дентов, кто полностью не согласен с приведенным высказыванием, что означает их ориентацию на установление дружбы с коренными народами республики. Приведенные факты, наряду с уже изложенными выше фактами, свидетельствуют об отсутствии монолитности среди этнической группы узбеков. Среди них присутствуют твердая ориентация на установление дружбы с представителями только своей этнической общины и одновременно, не менее твердая ориентация на формирование дружеских отношений с коренными народами республики. Можно, следовательно, говорить, о некоей дифференциации узбекской этнической группы на различные подгруппы, в поведенческом аспекте.

Таблица 4.15

Оценка мигрантами характера дружеских отношений на территории Татарстана (**В какой мере Вы согласны с утверждениями: Мои друзья – это, прежде всего, члены моей этнической общины (мои земляки)**), N=1026, в % к опрошенным

Варианты ответов	Кол-во ответивших, чел.	Доля ответивших, %
Согласен	306	30
Скорее, согласен	270	26
Скорее, не согласен	252	25
Не согласен	189	19
Нет ответа	-	-
ВСЕГО	1026	100

Важнейшим фактором адаптации мигрантов в инокультурной среде становится их семья. Согласно данным исследования, только 6% респондентов проживают в республике совместно со своей семьей. У большинства опрошенных семья есть, но проживает на их этнической родине (43%). Данные опроса показали, что желание создать свою семью в Татарстане невелико и составляет всего 3% респондентов. Наибольшая доля респондентов (35%) не намерена пока созда-

вать семью, – ни в республике, ни у себя на родине. Десятая доля респондентов (13%) ориентирована на создание семьи у себя на родине (см. табл. 4.16). Таким образом, отсутствие желания создавать семью в республике подчеркивает не вполне высокий уровень социального комфорта мигрантов.

Таблица 4.16

Наличие семьи у мигрантов и место ее проживания (**Есть ли у Вас собственная семья? Если есть, то проживает ли она с Вами или отдельно от Вас?**), N=1026, в % к опрошенным

Варианты ответов	Кол-во ответивших, чел.	Доля ответивших, %
У меня есть семья, она проживает вместе со мной	63	6
У меня есть семья, она проживает на моей родине	441	43
У меня нет семьи, но я хотел бы ее создать здесь, в Татарстане	27	3
У меня нет семьи, но я хотел бы создать ее у себя на родине	135	13
У меня нет семьи, и я не хочу ее пока создавать	351	35
иное	-	-
Нет ответа	-	-
ВСЕГО	1026	100

Уровень этнической толерантности представлен через ряд высказываний респондентов. В следующих вопросах опрошенным предлагалось выразить мнение по вопросам близких (дружеских, брачных) отношений, и предложенные высказывания имеют диаметрально противоположный характер.

Почти три четверти мигрантов выразили мнение, что «*в повседневном общении национальность не имеет значения*» (72%). Это указывает на высокий уровень этнической толерантности. В то же

время, 25% высказались за то, что «межнациональные браки разрушают народ», также 3% не определились с ответом (см. табл. 4.17). Таким образом, имеется некий потенциал этнической нетерпимости, который отразился и в других вариантах подобных вопросов.

Таблица 4.17

Мнение мигрантов относительно межнациональных браков (**Какое из высказываний Вам ближе?**), N=1026, в % к опрошенным

Варианты ответов	Кол-во ответивших, чел.	Доля ответивших, %
в повседневном общении национальность не имеет значения	738	72
межнациональные браки разрушают народ	261	25
нет ответа	27	3
ВСЕГО	1026	100

Наиболее толерантными показали себя узбеки, армяне, а также внутренние мигранты (представители народов республик и областей России). Наименее толерантны азербайджанцы: среди них высока доля респондентов, полагающих, что межнациональные браки неприемлемы.

Среди опрошенных мигрантов менее всего космополитов: 25% указали на то, что они вполне безразличны к своей национальности. В то же время, 40% отметили, что они ощущают превосходство своего народа над другими, 32% свойственно испытывать стыд за людей своей национальности (см. табл. 4.18). Таким образом, среди мигрантов выделяются группы с ущербным национальным самосознанием, и эта группа достаточно велика. Также велика группа с выраженным националистическим самосознанием, но насколько это потенциально опасно, могут показать следующие представленные здесь данные, а также, – более детально, – дальнейшие исследования.

Таблица 4.18

Отношение мигрантов к представителям своей национальности
(Какое из высказываний Вам ближе?), N=1026, в % к опрошенным

Варианты ответов	Кол-во ответивших, чел.	Доля ответивших, %
иногда я испытываю стыд за людей своей национальности	333	32
я безразлично отношусь к своей национальной принадлежности	261	25
иногда я чувствую превосходство своего народа над другими	414	40
Нет ответа	27	3
ВСЕГО	1026	100

Мигранты-узбеки заметно чаще других выражают ущербное этническое самосознание, полагая, что могут испытывать стыд за людей своей национальности. Менее других данный тип сознания присущ азербайджанцам и таджикам. Туркмены также выражают данный тип сознания, но в меньшей степени, чем представители узбеков. Туркмены, наоборот, заметно чаще выражают космополитический тип самосознания, отмечая, что им безразлична своя национальность. Также схожее мнение выражает некоторая часть узбеков. Среди азербайджанцев и армян такие настроения не выражает практически никто из респондентов.

Наиболее распространен националистический тип этнического самосознания – среди азербайджанцев и таджиков, а также среди части узбеков и армян. Азербайджанцы в своем большинстве обладают именно этим типом самосознания (90% опрошенных выразили соответствующие установки). И в целом, это позволяет считать представителей данных этнических общин на территории республики наиболее националистически настроенными.

Таблица 4.19

Мнение мигрантов относительно некоторых категорий людей (**Какое из высказываний Вам ближе?**), N=1026, в % к опрошенным

Варианты ответов	Кол-во ответивших, чел.	Доля ответивших, %
Нищие и бродяги сами виноваты в своих проблемах	126	12
Слабым и бедным нужно помогать	891	87
Нет ответа	9	1
ВСЕГО	1026	100

Из данных, представленных в таблице 4.19, видно, что среди мигрантов присутствуют определенные шовинистические настроения. Так, 12% согласились с условным утверждением, что «нищие и бродяги сами виноваты в своих проблемах», хотя подавляющее большинство считает, что «слабым и бедным нужно помогать» (87%). Таким образом, наличие потенциально опасных настроений действительно подтверждается.

Наиболее толерантное отношение по данному вопросу высказали представители туркменской нации – среди них 98% считают, что слабым и бедным необходимо оказывать поддержку. Наиболее категорично в данном вопросе выразили себя часть узбеков и часть азербайджанцев, выразив мнение о нищих и слабых как об источнике проблем.

Среди опрошенных мигрантов примерно половина считает, что доминирование и отстаивание собственной позиции является важным. Другая половина респондентов отметила, что в отношениях между людьми различной национальности и в целом должна присутствовать согласованность и мягкость, что означает конформизм и сглаживание конфликтных вопросов. Данные показали, что среди мигрантов в одинаковой степени присутствуют представители как первой, так и второй, – полярных точек зрения (см. табл. 4.20).

Таблица 4.20

Мнение мигрантов относительно поведения человека в ситуации взаимодействия (**Какое из высказываний Вам ближе?**), N=1026, в % к опрошенным

Варианты ответов	Кол-во ответивших, чел.	Доля ответивших, %
Свою точку зрения важно отстаивать любыми способами	513	50
Человек должен чаще соглашаться с мнением других людей и избегать конфликтов	504	49
Нет ответа	9	1
ВСЕГО	1026	100

Наиболее категорично в данном вопросе проявили себя таджики, а также значительная часть узбеков и азербайджанцев. Кроме того, представители внутренних мигрантов также в большей степени ориентированы на отстаивание собственной точки зрения. Наиболее толерантны – туркмены – среди них 85% отметили, что предпочтительным является сохранять конформность.

Среди опрошенных ярко доминирует ориентация на толерантные взаимоотношения с народами республики. Данные, приведенные в таблице 4.21, показывают, что подавляющее большинство из них стремится лучше узнать традиции и обычаи народов Татарстана (в совокупности, эта доля составила 93%). Лишь 7% отметили, что такого желания они не испытывают, что, возможно, связано с достаточным, по их мнению, знанием таких традиций. Среди опрошенных мигрантов 15% указали на выраженное желание изучать традиции и культуру народов, что свидетельствует о необходимости учитывать данный потенциал в развитии межкультурной политики региона.

Таблица 4.21

Мнение мигрантов о необходимости знаний в области культуры народов республики (**В какой мере Вы согласны с утверждениями: Я хотел бы больше знать о традициях и обычаях коренных народов Татарстана**), N=1026, в % к опрошенным

Варианты ответов	Кол-во ответивших, чел.	Доля ответивших, %
Согласен	531	52
Скорее, согласен	423	41
Скорее, не согласен	54	5
Не согласен	18	2
Нет ответа	-	-
ВСЕГО	1026	100

Довольна значительна доля респондентов, выражающих очевидное желание больше знать и культуре народов Татарстана, среди представителей туркмен (76%), среди представителей остальных этнических групп эта доля примерно одинакова и составляет не более 40-50%. Наоборот, представители других этнических групп, включая и внутренних мигрантов, выражают положительное, но более сдержанное желание знать больше о культуре народов республики. Среди мигрантов, выражающих отрицательное мнение по вопросу стремления больше знать о культуре народов Татарстана, – часть азербайджанцев и часть узбеков, а также чувашаи. Среди остальных мигрантов данного мнения не выразил практически никто.

Согласно распределениям ответов по вопросу о наличии у опрошенных неприязни к отдельным народам, можно заключить, что тенденция к негативизации образа отдельных народов вполне имеется. Так, 40% согласны с условным высказыванием о том, что отдельные народы вызывают у них неприязнь. Примерно такая же доля опрошенных выразила категорическое несогласие с данным утверждением, 21% – скорее, не согласны с ним; однако, 15% респондентов уверенно согласились с данным мнением, и это демон-

стрирует наличие националистической настроенной группы мигрантов в общей совокупности мигрантов (см. табл. 4.22).

Таблица 4.22

Уровень межкультурной толерантности мигрантов (**В какой мере Вы согласны с утверждениями: Есть народы, которые вызывают у меня неприязнь**), N=1026, в % к опрошенным

Варианты ответов	Кол-во ответивших, чел.	Доля ответивших, %
Согласен	153	15
Скорее, согласен	252	25
Скорее, не согласен	216	21
Не согласен	387	38
Нет ответа	-	-
ВСЕГО	1026	100

Наиболее категоричные мнения в данном вопросе высказала большая часть таджиков, некоторая часть туркмен, узбеков и армян. Представители данных этнических групп чаще остальных выражают мнение, что некоторые народы определенно вызывают у них неприязнь. Абсолютно не согласны с данным утверждением туркмены, китайцы, некоторая часть узбеков, а также внутренние мигранты. В целом, респонденты склонны выражать более сдержанные мнения по данному вопросу (выбирая варианты ответов «скорее, да» и «скорее, нет»), нежели демонстрировать категоричность.

Неприязненное отношение данной группы мигрантов примерно одинаково проявляется к представителям различных этнических групп. Из данных, приведенных в таблице 4.23, видно, что наименьшую степень неприязни вызывают у мигрантов представители азербайджанской национальности (20% опрошенных отметили, что им неприятно общаться с азербайджанцами), наибольшую степень неприязни – представители русской (29%), армян (29%), узбеков (31%).

Остальные национальности вызывают одинаковую степень неприязни у мигрантов, в среднем 24-25% опрошенных отметили наличие неприязненных чувств к представителям различных этнических групп, тем самым демонстрируя низкий уровень межкультурной и межнациональной толерантности.

Таблица 4.23

Отношение мигрантов к представителям отдельных этнических групп (**В какой мере Вы согласны с утверждением...**), N=1026, в % к опрошенным

Мне неприятно общаться с ...	согласен	не согласен	Нет ответа	ВСЕГО
Русскими	29	71	-	100
Татарами	24	76	-	100
Украинцами	25	75	-	100
Грузинами	25	75	-	100
Армянами	29	71	-	100
Азербайджанцами	20	80	-	100
Чеченцами	25	75	-	100
Узбеками	31	69	-	100
Таджиками	24	75	1	100

Так, в разрезе этнического статуса респондентов, более нетерпимыми к русским показали себя представители узбекской, азербайджанской этнических групп, а также часть туркмен. В большей степени лояльны к русским большинство армян, часть туркмен, а также внутренние мигранты. Нетерпимость к представителям татарской национальности демонстрируют некоторая часть туркмен и узбеков, а также некоторая часть азербайджанцев. Представители остальных этнических групп вполне лояльно воспринимают татар. Неприязненное отношение к узбекам выражают представители азербайджанцев, туркмен, а также сами узбеки (37%). Последний фактор дополнительно подтверждает выдвинутый ранее тезис о наличии определенного раскола внутри данной этнической группы.

Таблица 4.24

Отношение мигрантов к возможности установления дружеских связей с представителями различных этнических групп (**В какой мере Вы согласны с утверждениями: Мне не важно, какой национальности мои друзья**), N=1026, в % к опрошенным

Варианты ответов	Кол-во ответивших, чел.	Доля ответивших, %
Согласен	756	74
Скорее, согласен	144	14
Скорее, не согласен	63	6
Не согласен	63	6
Нет ответа	-	-
ВСЕГО	1026	100

Три четверти опрошенных (74%) демонстрируют высокий уровень толерантности в отношении установления близких связей между представителями своей и иной национальности. Они полностью согласились с мнением, что им не важно, какой национальности их друзья. Шестая часть опрошенных также вполне согласна с данным утверждением (14%). Остальная часть опрошенных мигрантов (12%) отметила, что не согласна с данным утверждением, в том числе, 6% – категорически не согласна (см. табл. 4.24). Таким образом, большинство мигрантов вполне лояльно относятся к возможности установления дружеских контактов с представителями иной национальности, в то же время, имеется потенциал неприязни к отдельным межнациональным контактам.

Более других вызывают у мигрантов негативное чувство при установлении дружеских контактов представители русской, армянской и узбекской этнических групп, что подтверждает ранее выдвинутый тезис о наличии более негативного отношения к данным национальностям в среде мигрантов. Так, 23% опрошенных отметили, что не хотели бы, чтобы среди их друзей были русские, 25% – армяне, 23% – узбеки. Кроме того, 18-19% опрошенных не хотели бы иметь

среди своих друзей и представителей иных этнических групп. Менее других этнических групп нежелание устанавливать дружеские связи вызывают азербайджанцы (13%), то есть, к представителям данной национальности наиболее лояльное отношение, среди остальных перечисленных этносов. Более других нелояльное отношение при установлении дружеских связей с представителями русской национальности выражают узбеки и туркмены; с представителями армянской национальности – туркмены и узбеки; с представителями узбекской национальности – татары и азербайджанцы. Подавляющее большинство мигрантов отметили, что им неважна национальная принадлежность своих друзей (см. табл. 4.25).

Таблица 4.25

Уровень межкультурной толерантности мигрантов в отношении представителей отдельных этнических групп (**В какой мере Вы согласны с утверждениями: Я бы не хотел, чтобы среди моих друзей были представители....**), N=1026, в % к опрошенным

Я бы <u>не хотел</u>, чтобы среди моих друзей были представители....	согласен	не согласен	Нет ответа	ВСЕГО
Русские	23	77	-	100
Татары	17	83	-	100
Украинцы	17	83	-	100
Грузины	18	82	-	100
Армяне	25	75	-	100
Азербайджанцы	13	87	-	100
Чеченцы	19	80	1	100
Узбеки	23	77		100
Таджики	19	80	1	100

Как следует из приведенных в таблице 4.26 данных, более половины (две трети) мигрантов выражают конформные поведенческие установки. Они склонны избегать ситуаций, провоцирующих кон-

фликты между людьми, и не стремятся сами участвовать в конфликтах. 38% мигрантов, наоборот, стараются отвечать грубостью на грубость, демонстрируя более агрессивные социальные настроения. Из приведенных данных следует, что большинство мигрантов настроены вполне дружелюбно, в том числе, по отношению к коренным жителям республики, однако есть категория мигрантов, обладающих потенциалом социальной агрессивности, ее доля составляет менее половины всей совокупности опрошенных.

Таблица 4.26

Самооценка мигрантами стратегий поведения в ситуациях конфликта (**Какое из высказываний Вам ближе?**), N=1026, в % к опрошенным

Варианты ответов	Кол-во ответивших, чел.	Доля ответивших, %
Если кто-то поступает со мной грубо, я отвечаю тем же	387	38
Я стараюсь избегать конфликтных ситуаций с людьми	639	62
Нет ответа	-	-
ВСЕГО	1026	100

В целом, мигранты фиксируют дружественное отношение к ним со стороны коренного населения республики – как русских, так и татар. Подавляющее большинство опрошенных (82%) отметили, что народы Татарстана вполне позитивно принимают их как представителей инокультурной среды и настроены к ним дружелюбно. 18% отметили, что со стороны коренных народов республики имеется определенная степень недоверия к ним (см. табл. 4.27). Формирование доверительных отношений между представителями коренных народов и приезжими выступает одним из наиболее значимых факторов социокультурной адаптации мигрантов в регионе, и данный фактор, как следует из данных опроса, вполне позитивен.

Таблица 4.27

Оценка мигрантами характера отношения к себе со стороны представителей народов республики (**Какое из высказываний Вам ближе?**), N=1026, в % к опрошенным

Варианты ответов	Кол-во ответивших, чел.	Доля ответивших, %
Представители коренного населения Татарстана дружелюбны по отношению ко мне	837	82
Представители коренного населения Татарстана недоверчиво относятся ко мне	189	18
Нет ответа	-	-
ВСЕГО	1026	100

Таблица 4.28

Отношение мигрантов к возможности установления дружеских отношений с представителями иных этнических групп (**Какое из высказываний Вам ближе?**), N=1026, в % к опрошенным

Варианты ответов	Кол-во ответивших, чел.	Доля ответивших, %
Я бы хотел иметь друзей среди представителей коренных народов Татарстана (русских, татар)	882	86
Я бы хотел иметь друзей только среди представителей моей национальности	144	14
Нет ответа	-	-
ВСЕГО	1026	100

По вопросу толерантного отношения мигрантов к представителям коренного населения индикатором служит желание приезжих устанавливать дружеские контакты с татарами и русскими. Согласно данным, представленным в таблице 4.28, 14% опрошенных хотели бы иметь друзей только среди представителей своей национальности, подавляющее большинство – наоборот, желает установить дружеские

отношения с коренными народами республики. Это – важный фактор интеграции и социальной адаптации мигрантов. Таким образом, среди мигрантов существует вполне лояльное отношение к населению республики, однако фиксируется и определенный потенциал не вполне лояльно настроенных мигрантов.

Фактором адаптации является возможности занятости мигрантов, поиска подходящей работы в регионе. Согласно полученным распределениям ответов, половина опрошенных полагает, что представители их национальности испытывают трудности в поиске работы в республике; такая же доля респондентов отметила, что представители их национальности легко находят себе работу (см. табл. 4.29). Очевидно, что полученные результаты свидетельствуют о наличии проблемных зоне в данном аспекте. Трудоустройство, в данном случае, лишь отчасти выступает положительным фактором адаптации мигрантов.

Таблица 4.29

Оценка мигрантами наличия сложностей с поиском работы в Татарстане (**Какое из высказываний Вам ближе?**), N=1026, в % к опрошенным

Варианты ответов	Кол-во ответивших, чел.	Доля ответивших, %
Представители моей национальности испытывают сложности с поиском работы в Татарстане	495	49
Представители моей национальности легко находят себе работу в Татарстане	531	51
Нет ответа	-	-
ВСЕГО	1026	100

Таблица 4.30

Самооценка мигрантами сложностей взаимодействия с представителями коренных народов республики (**Какое из высказываний Вам ближе?**), N=1026, в % к опрошенным

Варианты ответов	Кол-во ответивших, чел.	Доля ответивших, %
Я легко устанавливаю контакт с представителями коренных народов Татарстана	774	75
Мне сложно дается общение с представителями коренных народов Татарстана	243	24
Нет ответа	9	1
ВСЕГО	1026	100

Большинство мигрантов, по собственным оценкам, достаточно легко устанавливают контакты с представителями коренного населения республики – так ответили 75% опрошенных. В то же время, четверть респондентов фиксирует наличие определенных сложностей в установлении контактов с представителями местного населения (см. табл. 4.30). Это свидетельствует о наличии высокого потенциала в среде мигрантов, но одновременно подчеркивает функционирование определенной категории мигрантов, имеющих проблемы адаптации к условиям инокультурной среды.

Важным индикатором социального самочувствия мигрантов и степени их адаптации служит желание и намерение остаться жить в регионе теперешнего пребывания. Согласно полученным данным, три четверти (74%) опрошенных в определенной мере выражают готовность остаться в республике. При этом вполне четко выражают данное желание 21% респондентов. Четверть опрошенных мигрантов не хотела бы оставаться жить в регионе (см. табл. 4.31).

Таблица 4.31

Желание мигрантов остаться проживать в республике (**Хотели бы Вы или не хотели бы остаться жить в Татарстане?**), N=1026, в % к опрошенным

Варианты ответов	Кол-во ответивших, чел.	Доля ответивших, %
Да, я хочу остаться здесь жить	216	21
Я подумываю о том, чтобы остаться здесь жить	540	53
Нет, я не хочу оставаться жить в Татарстане	270	26
Нет ответа	-	-
ВСЕГО	1026	100

Факторами, благоприятствующими или, наоборот, препятствующими желанию остаться жить в республике, выступают такие как поддержка представителей этнических общин и страны, откуда мигранты прибыли; политика страны прибытия в отношении мигрантов; условия проживания и занятости; наличие близких и друзей в регионе пребывания. Роль данных факторов следующим образом распределилась в таблице 4.32. Сдерживающими факторами выступают, прежде всего, отсутствие достаточной поддержки со стороны принимающей стороны (55% опрошенных отметили, что хотели бы остаться в республике, если бы *«было больше поддержки от властей и государственных служб Татарстана»*), – и это первая позиция по рангу значимости. На втором месте находится семья – 50% респондентов указали, что остались бы жить в республике, если бы их семья была рядом. На третьем по значимости месте находятся условия занятости – 34% отметили, что остались бы жить в республике, если бы были лучшие возможности для трудоустройства, занятости. В целом, мигрантам не хватает также и поддержки местных этнических сообществ (общин) – на это указали 12% опрошенных, а также и поддержки от своей родной страны (21%). Пятая часть респондентов отметила недостаток понимания и поддержки со стороны коренного населения республики.

Таблица 4.32

Условия, при которых мигранты хотели бы остаться проживать в республике (**При каких условиях Вы хотели бы остаться жить в Татарстане? Я остался бы жить в Татарстане, если бы...**), N=1026, в % к опрошенным²⁰⁵

Я остался бы жить в Татарстане, если бы...	Кол-во ответивших, чел.	Доля ответивших, %	Ранг значимости фактора
Было больше поддержки от властей и государственных служб Татарстана	459	55	1
Моя семья была здесь, со мной	513	50	2
Были лучшие условия работы	351	34	3
Мои друзья (мои близкие) были здесь, со мной	252	25	4/5
Было больше поддержки моих друзей и близких	261	25	4/5
Были лучшие условия проживания	252	24	6
Было больше поддержки от моей родной страны	216	21	7
Было больше поддержки и понимания от представителей коренных народов Татарстана	198	20	8
Было больше поддержки от местных этнических общин	126	12	9
Иное	27	3	10
Ни при каких условиях не хочу оставаться	108	11	
Нет ответа	-	-	
ВСЕГО	1026	100	

²⁰⁵ Сумма ответов по столбцу может составлять более 100%, так как респонденты имели возможность выбрать несколько вариантов ответов

Таким образом, условиями, препятствующими дальнейшему проживанию мигрантов на территории региона, являются как факторы внешнего порядка (политика страны прибытия, отношение к приезжим со стороны местного населения), так и внутреннего порядка (личные и семейные обстоятельства).

Факторами, благоприятствующими или, наоборот, препятствующими желанию остаться жить в республике, выступают такие как поддержка представителей этнических общин и страны, откуда мигранты прибыли; политика страны прибытия в отношении мигрантов; условия проживания и занятости; наличие близких и друзей в регионе пребывания. Роль данных факторов следующим образом распределена в таблице 4.32. Сдерживающими факторами выступают, прежде всего, отсутствие достаточной поддержки со стороны принимающей стороны (55% опрошенных отметили, что хотели бы остаться в республике, если бы *«было больше поддержки от властей и государственных служб Татарстана»*), – и это первая позиция по рангу значимости. На втором месте находится семья – 50% респондентов указали, что остались бы жить в республике, если бы их семья была рядом. На третьем по значимости месте находятся условия занятости – 34% отметили, что остались бы жить в республике, если бы были лучшие возможности для трудоустройства, занятости. В целом, мигрантам не хватает также и поддержки местных этнических сообществ (общин) – на это указали 12% опрошенных, а также и поддержки от своей родной страны (21%). Пятая часть респондентов отметила недостаток понимания и поддержки со стороны коренного населения республики. Таким образом, условиями, препятствующими дальнейшему проживанию мигрантов на территории региона, являются как факторы внешнего порядка (политика страны прибытия, отношение к приезжим со стороны местного населения), так и внутреннего порядка (личные и семейные обстоятельства).

Таблица 4.33

Оценка мигрантами необходимости дополнительной поддержки в период проживания в республике (**В каких сферах и вопросах жизнедеятельности в период проживания в Татарстане Вы чувствуете необходимость дополнительной поддержки государства?**), N=1026, в % к опрошенным²⁰⁶

Варианты ответов	Кол-во ответивших, чел.	Доля ответивших, %
Трудоустройство	513	50
Помощь в обеспечении семьи	198	20
Помощь в улучшении жилищных условий	225	21
Консультативная помощь по юридическим вопросам	180	18
Помощь в оформлении документов	315	31
Психологическая поддержка	90	9
Помощь в получении образования	252	25
Иное (напишите)	27	3
Дополнительная поддержка мне не нужна ни по каким вопросам	135	14
Нет ответа	-	-
ВСЕГО	1026	100

Важным вопросом для понимания проблем мигрантов на территории республики служит вопрос анкеты «В каких сферах и вопросах жизнедеятельности в период проживания в Татарстане Вы чувствуете необходимость дополнительной поддержки государства?». Согласно данным, полученным в результате исследования, половина опрошенных склонна считать, что им не хватает поддержки в трудоустройстве (50%) – и это максимальная доля ответов. Также мигрантам требуется дополнительная помощь в оформлении документов – так ответили 31% опрошенных. Четверть респондентов указала на то, что им недо-

²⁰⁶ Сумма ответов по столбцу может составлять более 100%, так как респонденты имели возможность выбрать несколько вариантов ответов

стает помощи в получении образования (25%). Кроме того, заметная доля опрошенных – от 18 до 20% отметила, что им не хватает помощи в материальной поддержке своей семьи, помощи в улучшении жилищных условий, юридической помощи в различных вопросах. Менее всего мигранты нуждаются в психологической поддержке (9%), что указывает на то, что они не привыкли обращаться к внешним источникам за психологической помощью, но отнюдь не свидетельствует о том, что такая поддержка им не нужна. Лишь 14% мигрантов отметили, что *«дополнительная поддержка им не нужна ни по каким вопросам»* (см. табл. 4.33).

В случае возникновения трудной жизненной ситуации мигранты склонны выражать мнение, что скорее всего обратятся к помощи государственных социальных служб, действующих в Татарстане – так ответили 40% опрошенных. Это высокий процент, он свидетельствует о достаточной степени доверия мигрантов к официальным органам власти в республике и в целом, о лояльности государственным органам страны прибытия. Пятая часть опрошенных предпочитает, в случае трудной жизненной ситуации, обратиться за поддержкой к представителям своей этнической общины на территории Татарстана (22%). Тем не менее, наибольшая часть опрошенных выразила мнение о том, что более всего в таком случае доверяет близким друзьям и знакомым на территории Татарстана (61%) (см. табл. 4.34). Таким образом, канал личных связей остается наиболее важным в процессе адаптации мигрантов на территории региона, – ему более всего доверяют опрошенные. Доверие как ресурс становится важнейшим инструментом формирования приверженности стране прибытия, одним из инструментов адаптации мигрантов. Следовательно, формирование высокого доверия есть механизм развития межкультурной толерантности в республике и регионе.

Таблица 4.34

Оценка мигрантами каналов оказания помощи и поддержки в трудной жизненной ситуации (**В случае возникновения трудной жизненной ситуации Вы, скорее, всего, обратитесь к помощи...**), N=1026, в % к опрошенным

Варианты ответов	Кол-во ответивших, чел.	Доля ответивших, %
Государственных социальных служб, действующих в Татарстане	414	40
Некоммерческим организациям, фондам в Татарстане	-	-
Представителям своей этнической общины на территории Татарстана	225	22
Близким друзьям и знакомым на территории Татарстана	621	61
Иное	-	-
Нет ответа	-	-
ВСЕГО	1026	100

На основе результатов исследования возможно сформировать эмпирическую картину адаптации мигрантов в инокультурной среде. По индикатору трудоустройства уровень адаптации мигрантов в республике, в целом, средний: лишь около 34% мигрантов трудоустроены, еще 1% имеет свой бизнес; остальные учатся, либо не трудоустроены. При этом, лишь 6% трудоустроились самостоятельно, остальным была необходима помощь в данном вопросе. Наиболее высоким уровень трудоустройства является среди мигрантов этнической группы азербайджанцев, что позволяет отнести данную группу к высокой степени адаптируемости. В данную группу также относятся внутренние мигранты. Наименее трудоустроены мигранты этнической группы туркмен, и данная группа по критерию трудоустройства относится к низкой степени адаптируемости. Этнические группы узбеков, таджиков, армян условно можно отнести к средней степени адаптируемости.

По индикатору «включенность в сообщества» степень адаптируемости мигрантов, в целом по массиву, – средняя. Так, 22% мигрантов, скорее, обратятся к помощи представителей своей этнической общины в случае возникновения сложностей, 61% – к близким и друзьям на территории республики; половина мигрантов отметила, что чаще взаимодействует с членами своей общины, нежели с внешним социальным окружением.

Наиболее высоко адаптированными в данном аспекте являются мигранты таких этнических групп как узбеки, – среди них выше включенность в инокультурные сообщества; также в эту группу относятся внутренние мигранты; средней степенью адаптируемости обладают этнические группы туркмен, китайцев и армян; этнические группы азербайджанцев и таджиков можно отнести к низкой степени адаптируемости – среди них преобладает ориентация на закрытые контакты, – ограничение своим этническим сообществом.

По индикатору «взаимодействие с коренным населением» наблюдается схожая ситуация. В данном аспекте высоко адаптированных групп, из числа внешних мигрантов, нет: анализ показал, что разброс признаков примерно одинаков среди всех этнических групп внешних мигрантов, фактически отсутствует видимая тенденция тесной включенности мигрантов в инокультурную среду. К группе средней степени адаптируемости относятся мигранты этнических групп китайцев, туркмен, узбеков; к низко адаптируемым относятся мигранты азербайджанской и таджикской этнических групп. Среди последних выше всего доля мигрантов, кто предпочитает обратиться к представителям своей общины в случае возникновения жизненных трудностей, а также предпочитает выстраивать контакты с членами своей этнической общины.

В этой же связи, как среднюю можно обозначить степень адаптируемости мигрантов, в целом, по массиву, по индикатору «установление дружеских отношений». Более других показали себя включенными в инокультурные сообщества представители узбекских этниче-

ских групп, отметив, что подтверждается наличием среди них большей степени ориентированности на установление дружеских контактов с теми, кто не является похожими на них. Среди представителей этнических групп туркмен, таджиков и азербайджанцев высока доля тех, кто, по собственным оценкам, предпочел бы иметь друзей среди представителей народов Татарстана; однако, на деле, фактически имеет друзей среди представителей своей этнической группы. Это подтверждает факт рассогласования установок, с одной стороны, и фактического поведения, с другой стороны и свидетельствует о низкой степени адаптируемости мигрантов указанных групп, в аспекте установления тесных (дружеских) отношений с коренным населением республики. В целом, по массиву, три четверти опрошенных мигрантов отметили, что вполне легко устанавливают контакты с местным населением, однако, как показал более детальный анализ, это в меньшей степени касается установления дружеских связей. Кроме того, четверть мигрантов указала на то, что им сложно дается процесс общения с народами республики. Как показали результаты исследования, данный аспект практически не зависит от этнической принадлежности мигрантов.

Таким образом, следует проводить грань между повседневным взаимодействием мигрантов с коренным населением республики, где серьезных проблем не наблюдается, и установлением тесных контактов, преломляющихся сквозь дружеские связи. В последнем случае наблюдается наличие проблемных зон, что позволяет констатировать определенную степень изоляции различных этнических групп мигрантов в инокультурной среде.

К высоко адаптируемой группе мигрантов можно отнести представителей внутренних мигрантов – среди них наиболее высока доля тех, кто не ограничивается кругом людей своей национальности при установлении дружеских контактов. Мигранты этнических групп китайцев, узбеков, таджиков, азербайджанцев, армян могут быть отнесены к группе средней степени адаптируемости, а представители эт-

нических групп туркмен – к низко адаптируемым мигрантам. Среди последних доминирует видимая установка на установление дружеских отношений с представителями своей этнической группы.

По индикатору «создание семьи» степень адаптируемости мигрантов можно обозначить как низкую. Подавляющее большинство опрошенных мигрантов, из тех, кто еще не имеет своей семьи, не хочет создавать семью в регионе настоящего проживания и ориентировано на создание семьи у себя на родине. В большей степени к этому выражают склонность представители туркменской, узбекской и китайской этнических общин. Кроме того, в вопросах межнациональных браков представители китайской этнической общины наиболее ярко выражают мнение о том, что межнациональные браки нежелательны. Такое же мнение часто выражают представители таджикской, азербайджанской и частично – туркменской этнических общин. Таким образом, выделенные группы являются наименее настроенными на установление брачных, семейных связей с представителями народов республики.

По данному индикатору фактически не выявляются этнические группы, наиболее всего ориентированные на создание семьи в регионе их настоящего пребывания; к группе низкой степени адаптируемости можно отнести все выше перечисленные этнические группы: среди них минимально, либо вообще отсутствует стремление создавать семью в регионе их настоящего пребывания. В данную группу могут быть включены также и внутренние мигранты.

Следующим индикатором уровня адаптации и степени адаптируемости мигрантов выступает стремление остаться жить в регионе пребывания. Согласно полученным данным, степень адаптируемости мигрантов по данному индикатору является средним: большинство опрошенных, в целом-то, не исключают возможности остаться жить в республике. Однако определенно хотят здесь остаться проживать 21% мигрантов, что свидетельствует о том, что велика роль сдерживающих факторов. К средней степени адаптируемости можно отнести предста-

вителей туркменской, азербайджанской этнических групп (среди них очень высок разброс признаков); среди других этнических групп фактически не выявляется никакой тенденции. Так, среди узбеков фиксируются полярные установки: высока доля тех, кто хотел бы остаться жить в республике, но одновременно и высока доля тех, кто ни при каких условиях не хочет оставаться жить в регионе пребывания.

Последним из выделенных индикаторов является индикатор «наличие/отсутствие проблем в адаптации», представляющий собой субъективную трактовку вопросов адаптации, данную опрошенными мигрантами. Согласно полученным данным, лишь 14% мигрантов отметили, что им не требуется никакой дополнительной поддержки в период их проживания в республике. Остальные в той или иной степени заинтересованы в такой поддержке, что свидетельствует о наличии определенных сложностей в процессе их адаптации. Чаще всего, такое мнение (помощь не требуется) выражают представители узбекских этнических групп, а также внутренние мигранты. Следовательно, в определенной степени можно считать представителей данных этнических групп более адаптированными к ситуации проживания в инокультурной среде. Кроме того, пятая часть опрошенных указала на тот факт, что, скорее всего, обратится к помощи своей этнической общины, в случае возникновения трудной ситуации. Данный фактор также указывает на невысокую степень адаптированности части мигрантов. Причем данный аспект в этническом разрезе не дает никаких различий.

Согласно полученным распределениям ответов по данному индикатору, большинство опрошенных имеют те или иные проблемы с адаптацией, и в целом по массиву степень адаптируемости мигрантов можно охарактеризовать как среднюю. Наиболее высоко адаптируемыми являются представители внутренних мигрантов; к группе средней степени адаптируемости можно отнести представителей узбекской, туркменской, азербайджанской этнических групп.

Резюмируя и агрегируя данные по выделенным индикаторам, в совокупности можно обозначить уровень адаптации мигрантов в республике как средний; об этом свидетельствует высокая доля опрошенных, в средней степени адаптированных в сфере экономических отношений; наличие контактов с местным населением и наличие установки на сохранение дружеских отношений с представителями коренного населения; среднюю степень стремления остаться в регионе настоящего пребывания. Наиболее высоко адаптированными, по совокупности индикаторов, являются представители групп внутренних мигрантов; средне-высокой степенью адаптируемости обладают этнические группы узбеков (по части индикаторов они относятся к высокой степени адаптируемости, по части индикаторов – к среднему уровню адаптируемости); к группе средней степени адаптируемости относятся представители этнических групп армян; к группе средне-низкой степени адаптируемости относятся представители китайской, туркменской, азербайджанской, таджикской этнических групп (по части индикаторов они относятся к низкой степени адаптируемости, по части индикаторов – к средней степени адаптируемости).

Соответственно, по уровню адаптации и степени адаптируемости мигрантов можно выделить несколько их групп:

- группа с высоким уровнем адаптации (гибкая адаптируемость): в общей совокупности опрошенных составляет 10-15%; ее признаками, в рамках настоящей эмпирической картины, является средняя степень адаптируемости в экономическом поле, высокая степень адаптируемости в поле социальных отношений, высокая и средняя степени адаптируемости в поле установления дружеских связей, наличие стремления и дальше оставаться проживать в регионе настоящего пребывания.

- группа с посредственным уровнем адаптации (средняя адаптируемость) – в общей совокупности опрошенных составляет 65-75%. Характеризуется средней или низкой степенью адаптируемости в экономическом поле, средней степенью адаптируемости – в поле

социальных отношений, средней или низкой степенью – в поле межличностных (дружеских) отношений, наличием определенных проблем в адаптации и их осознанием.

- группа с низким уровнем адаптации (жесткая адаптируемость) – в общей совокупности опрошенных составляет 15-20%. Для ее представителей свойственны низкая степень адаптации в поле экономических, социальных, межличностных отношений, наличием осознаваемых и неосознаваемых проблем в адаптации.

Таким образом, наибольший удельный вес в массиве мигрантов (от двух третей до трех четвертей, по различным индикаторам) составляют мигранты со средней степенью адаптируемости.

В разрезе трех компонентов (критериев) уровень адаптации мигрантов имеет следующую картину.

По когнитивному компоненту наблюдается средний уровень адаптации, в целом, 54% в той или иной степени знакомы с историей и культурой народов региона пребывания: менее половины отметили, что знакомы с историей Татарстана; чуть более половины отметили, что хорошо знают культуру и традиции народов республики.

Данный компонент адаптации достаточно развит. Кроме того, он имеет дальнейший потенциал к развитию: 93% мигрантов хотели бы больше знать об истории и культуре народов республики. Более других данный компонент развит у таких этнических групп как туркмены и части узбеков; в меньшей степени он развит у представителей китайской, армянской, таджикской этнических групп, а также у внутренних мигрантов.

По эмоциональному компоненту зафиксирован высокий уровень адаптации мигрантов: 87% отметили, что, проживая в Татарстане, они ощущают себя очень комфортно; 82% указали, что им нравятся окружающие их люди; 84% и 85% соответственно, отметили, что им нравится культура и религия народов Татарстана. В целом, это указывает на высокую степень принятия культуры народов республики приезжими и на высокую степень эмоционального принятия местного

населения, если судить в целом по массиву опрошенных. Очень комфортно, по собственным оценкам, ощущают себя, проживая в республике, представители туркменской этнической группы, а также часть узбекской этнической группы. Следовательно, данные группы можно считать условно наиболее эмоционально адаптированными к инокультурной среде республики.

В разрезе поведенческого компонента адаптации мигрантов можно заключить, что он развит менее остальных и представляет собой наиболее проблемное звено, в структуре адаптации мигрантов. Будучи интерпретирован как поведение в различных сферах жизнедеятельности, он проявляет себя через поведенческие стратегии в экономической сфере (занятость и трудоустройство), социальные взаимодействия и межличностные взаимодействия. В целом, 6% мигрантов продемонстрировали высокую степень адаптируемости в экономическом поле, поскольку состоят в отношениях экономической занятости, и при этом трудоустроились вполне самостоятельно. Эта доля мигрантов относительно невысока. В данном аспекте не прослеживается зависимости в этническом разрезе.

49% мигрантов продемонстрировали высокий и средний уровни адаптации в поле социальных взаимоотношений. Наиболее высоко адаптированными в данном аспекте являются представители части узбекской, азербайджанской этнических групп, а также внутренние мигранты – большинство из них указали на то, что не стремятся общаться только в кругу своих этнических родственников. Значительная часть представителей этнических групп узбеков, азербайджанцев, армян не стремятся в повседневном общении использовать свой родной язык, разговаривая также и на языке народов республики. Данный фактор свидетельствует о средне-высоком уровне адаптации мигрантов указанных групп по данному индикатору поведенческого уровня адаптации.

Представители туркменской этнической группы, наоборот, менее адаптированы в данном аспекте: они предпочитают общаться и

выстраивать контакты внутри своей этнической группы. Та же ситуация наблюдается у представителей таджикской и китайской этнических групп.

До 40% мигрантов продемонстрировали среднюю степень адаптированности в поле межличностных взаимоотношений. Так, 44% из них отметили, что держат дружбу не только с членами своей этнической общины; но лишь 3% мигрантов хотели бы создать семью в регионе их настоящего пребывания. Таким образом, между установлением дружеских связей и родственных связей имеется значительный интервал психологической терпимости. Если к установлению дружеских связей с представителями инокультурной среды вполне лояльно относятся почти половина опрошенных, то к установлению родственных связей и кровосмешению – лишь единицы из них. Возможность вступить в брак с представителем инокультурной среды выступает для большинства опрошенных серьезным барьером адаптации и подсознательно рассматривается как некая угроза. Это подтверждается также тем, что четверть опрошенных (25%) прямо указали, что *«межнациональные браки разрушают народ»*. Более категорично в данном вопросе настроены представители азербайджанской и таджикской этнических групп.

Таким образом, уровень социальной адаптации мигрантов в поведенческом аспекте может быть охарактеризован как средний. Наиболее высок он в сфере социальных отношений, наименее высок – в экономическом поле и в межличностных отношениях. Наиболее высоко адаптированных групп мигрантов, на поведенческом уровне не выявлено; наименее адаптированными на поведенческом уровне показали себя представители туркменской, азербайджанской, таджикской этнических групп.

Таким образом, представители туркменской, узбекской, азербайджанской этнических групп являются наиболее адаптированными по когнитивному компоненту; представители туркменской и узбек-

ской этнических групп – по эмоциональному компоненту. По поведенческому компоненту высоко адаптированных групп не выявлено.

Согласно приведенному выше определению, гибкой адаптируемостью мигранты не обладают, поскольку высокий уровень адаптации по когнитивному компоненту и высокая степень адаптации по эмоциональному компоненту не сопровождаются высокой степенью адаптации по поведенческому компоненту. Для большинства мигрантов характерен посредственный уровень адаптации: при высоком или среднем развитии когнитивного компонента наблюдается высокий или средний уровни развития эмоционального компонента и средний, либо низкий уровень развития поведенческого компонента.

Кроме того, часть мигрантов может быть отнесена к группе жесткой адаптируемости, поскольку отдает средним уровнем развития когнитивного компонента адаптации, средним уровнем развития эмоционального компонента и низким уровнем – поведенческого компонента. К данной группе, согласно результатам исследования, могут быть отнесены определенная часть туркменской, азербайджанской и таджикской этнических групп мигрантов.

Успешность или неуспешность адаптации мигрантов в инокультурной среде обеспечивается влиянием нескольких групп факторов. Среди них, согласно результатам исследований, наибольшее влияние имеют экономические и социокультурные. Так, экономические факторы оказывают комплексное влияние, одновременно сдерживая и помогая адаптации мигрантов. Результаты исследований показали, что 35% мигрантов трудоустроены (работают по найму или имеют собственный бизнес в регионе настоящего проживания). 33% отметили, что они положительно оценивают возможности трудоустроиться в республике; 6% мигрантов трудоустроились, не прибегая к посторонней помощи. 51% мигрантов в целом по массиву указали на то, что *«представители моей национальности легко находят себе работу в Татарстане»*. Таким образом, возможности трудоустройства и экономической занятости для мигрантов в республике можно оценить

как вполне приемлемые. В то же время, для определенных этнических групп имеются сложности. Так, наличие сложностей в трудоустройстве и поиске работы отметили около 70% узбекской этнической группы; 32% – туркменской группы, 90% азербайджанцев и 80% – таджиков. Наименьшие сложности в данном аспекте испытывают внутренние мигранты вне зависимости от их этнической принадлежности.

Корреляция между признаками «представители моей этнической группы легко находят себе работу в Татарстане» и «Я вполне комфортно ощущаю себя, проживая в республике» составила $r=-0,29$. Эти данные свидетельствуют о том, что имеет место обратная корреляционная зависимость между признаками: связь имеется, но невысокая. Мигранты тем легче находят работу в республике, чем более хорошо себя чувствуют эмоционально. Следовательно, высокий эмоциональный комфорт в определенной мере обуславливает и возможности их трудоустройства.

Социокультурные факторы оказывают весомое влияние на степень адаптации мигрантов к инокультурной среде. Так, по самооценкам респондентов, 82% из них считают, что народы Татарстана вполне дружелюбны по отношению к ним.

Однако имеется группа мигрантов, которая полагает, что население республики недоверчиво относится к ним. К данной группе относится часть узбеков (23%), азербайджанцев (38%), таджиков (41%).

Корреляция между признаками «Представители коренного населения Татарстана дружелюбны по отношению ко мне» и «Я вполне комфортно ощущаю себя, проживая в республике» составила $r=0,56$. Согласно полученным данным, между признаками существует заметная прямая связь: дружелюбие коренных жителей напрямую сказывается на ощущении комфорта и хорошего социального самочувствия мигрантов.

Социальная политика также оказывает влияние на адаптацию мигрантов, через их установки и поведенческие стратегии. Часть ми-

грантов указала, что хотела бы остаться и далее жить в республике, при определенных положительных условиях социальной политики. Большинство мигрантов (55%) отметили, что остались бы, если бы «Было больше поддержки от властей и государственных служб Татарстана», и это – максимальная доля ответов по данному вопросу (ранг значимости фактора= 1).

Корреляция между признаками «Было больше поддержки от властей и государственных служб Татарстана» и «Я хотел бы остаться жить в Татарстане» составила $r=0,19$. Взаимосвязь признаков очень слаба, что означает слабое влияние фактора социальной политики принимающей стороны на стремление и желание мигрантов остаться жить в республике.

Среди локальных факторов наиболее видимо влияние установление дружеских связей, стремление и возможность иметь друзей среди представителей коренного населения республики.

Этнические сообщества оказывают заметное влияние на способность к адаптации мигрантов к условиям инокультурной среды. Так, пятая часть опрошенных (22%) предпочитает, в случае трудной жизненной ситуации, обратиться за поддержкой к представителям своей этнической общины на территории Татарстана. Корреляция между признаками «В случае возникновения трудной жизненной ситуации я, скорее, всего, обращусь к помощи этнического сообщества» и «Я хотел бы остаться жить в Татарстане» составила $r=0,03$. Корреляционный анализ показал отсутствие связи между признаками. Каналы оказания помощи в случае возникновения трудной жизненной ситуации никак не влияют на стремление мигрантов остаться жить в республике. Попросту, они не задумываются над этим вопросом, слабо рефлексируя и прогнозируя возможную жизненную ситуацию.

Теснота взаимодействий между мигрантами и коренным населением региона пребывания является одним из важнейших факторов адаптации. Половина опрошенных (51%) отметила, что чаще взаимодействует с членами своей этнической общины, чем с представителя-

ми коренных народов Татарстана. Корреляция между признаками «Я чаще взаимодействую с представителями коренных народов Татарстана» и «Я вполне комфортно ощущаю себя, проживая в республике» составила $r=-0,2$. Анализ показал отсутствие любой (прямой или обратной) связи между признаками. Ощущение комфорта проживания фактически напрямую не зависит от степени взаимодействия мигрантов с коренным населением республики: они могут хорошо себя ощущать, как общаясь в кругу представителей своего этнического сообщества, так и устанавливая отношения с представителями коренных народов республики. Однако степень установления дружеских связей с коренным населением оказывает заметное влияние на способность к адаптации.

Стремление больше знать об истории и культуре народов республики как фактор адаптации свойственен 93% мигрантов. Это выявляет большой потенциал адаптации мигрантов в аспекте приобретения ими новых знаний о культуре народов республики. Однако корреляция между признаками «Я хотел бы больше знать о традициях и обычаях коренных народов Татарстана» и «Я хотел бы остаться жить в Татарстане» составила $r=0,2$. Это означает, что между признаками фактически отсутствует прямая связь: стремление мигрантов знать больше о культуре народов Татарстана никак не влияет на их желание остаться проживать в республике.

Влияние на процесс и степень адаптации мигрантов, согласно данным исследований, оказывает коммуникативно-поведенческий фактор (стремление и умение выстраивать социальные контакты). Так, 75% мигрантов указали, что им вполне легко дается установление контактов с представителями коренных народов Татарстана.

Корреляция между признаками «Я легко устанавливаю контакт с представителями коренных народов Татарстана» и «Я хотел бы остаться жить в Татарстане» составила $r=0,29$. Связь между признаками имеется, но слабая. Умение устанавливать контакт с представителями коренного населения определенным образом влияет на ощу-

щение комфорта от проживания в инокультурной среде и стремление остаться жить в республике.

Также заметную степень влияния на способности к адаптации мигрантов оказывают их этнические особенности (менталитет). Это видно на примере корреляций между соответствующими признаками.

Корреляция между признаками «иногда я испытываю стыд за людей своей национальности», «Я безразлично отношусь к своей национальной принадлежности», «иногда я чувствую превосходство своего народа над другими», с одной стороны, и «Я вполне комфортно ощущаю себя, проживая в республике», – с другой стороны, составила $r=0,17$. Фактически отсутствует связь между признаками: отношение к своей национальной принадлежности (уровень этнического самосознания) не влияет на степень ощущения комфорта в проживании на территории республики. Данный фактор подтверждается и другими вычислениями: корреляция между признаками «иногда я испытываю стыд за людей своей национальности», «Я безразлично отношусь к своей национальной принадлежности», «иногда я чувствую превосходство своего народа над другими», с одной стороны, и «Я хотел бы остаться жить в Татарстане», – с другой стороны, составила $r=0,05$.

Корреляция между признаками «Есть народы, которые вызывают у меня неприязнь» и «Я вполне комфортно ощущаю себя, проживая в республике» составила $r=-0,22$. Между признаками выявлена обратная, но слабая связь. Степень ощущения комфорта в проживании в инокультурной среде определенным образом влияет на эмоциональное принятие или непринятие представителей иных народов. Однако данный факт никаким образом не влияет на стремление остаться проживать на территории республики. Это доказывается следующими значениями: корреляция между признаками «Есть народы, которые вызывают у меня неприязнь» и «Я хотел бы остаться жить в Татарстане» составила $r=-0,04$.

Корреляция между признаками «Мне не важно, какой национальности мои друзья» и «Я вполне комфортно ощущаю себя, проживая в республике» составила $r=0,33$. Наличие прямой связи между признаками свидетельствует о том, что установление дружеских отношений, в отличие от любых иных социальных отношений, с представителями той или иной национальности определенным образом влияет на степень ощущения комфорта от проживания в инокультурной среде, но фактически не влияет на стремлением остаться жить в регионе: корреляция между признаками «Мне не важно, какой национальности мои друзья» и «Я хотел бы остаться жить в Татарстане» составила $r=0,14$.

Корреляция между признаками «Я бы хотел иметь друзей среди представителей коренных народов Татарстана (русских, татар)» и «Я вполне комфортно ощущаю себя, проживая в республике» составила $r=0,47$. Анализ показал наличие устойчивой заметной прямой связи между признаками. Желание иметь друзей среди представителей коренных народов республики и степень ощущения комфорта от проживания в инокультурной среде напрямую взаимосвязаны. Таким образом, наличие дружеских отношений с представителями коренного населения республики является важным фактором социального самочувствия мигрантов. Данный фактор оказывает прямое влияние и на стремление остаться жить в республике: корреляция между признаками «Я бы хотел иметь друзей среди представителей коренных народов Татарстана (русских, татар)» и «Я хотел бы остаться жить в Татарстане» составила $r=0,22$.

Согласно замыслу исследования, толерантность выделена в отдельную группу факторов, влияющих на способность к адаптации и на степень адаптируемости мигрантов. В процессе исследования зафиксированы следующие значения толерантности мигрантов как фактора их способности к адаптации в инокультурной среде. Каждому индикатору толерантности условно присвоен индекс толерантности, рассчитываемый как отношение толерантных мигрантов к нето-

лерантным мигрантам. К примеру, полярные высказывания дают индекс толерантности как отношение числа мигрантов, высказавших толерантные установки к числу мигрантов, высказавших резкие суждения, не вписываемые в понятие толерантных.

По этническому индикатору толерантности (терпимость к другим народам) 72% опрошенных высказали вполне толерантные установки, отметив, что в повседневном общении национальность не имеет значения; индекс толерантности составил 2,8. Менее других этнический компонент толерантности выражен у азербайджанцев (индекс составил 1,8), таджиков (1,7), туркмен (2,1). По вопросу об отношении к людям своей национальности большинство мигрантов (40%) указали на то, что иногда им свойственно чувствовать превосходство своего народа над другими; в то же время 25% отметили, что «безразлично относятся к своей национальной принадлежности», а 32% – «иногда испытывают стыд за людей своей национальности». Согласно представленным данным, индекс толерантности составил, в целом по массиву, 1,4. По вопросу «В какой мере Вы согласны с утверждением: Есть народы, которые вызывают у меня неприязнь» 40% согласились с данным утверждением, продемонстрировав определенную степень этнической нетерпимости. Согласно полученным данным, индекс толерантности в данном аспекте составил 1,6. По вопросу «В какой мере Вы согласны с утверждением: Мне не важно, какой национальности мои друзья» 88% согласились с высказыванием. Индекс толерантности составил 7,0. Однако, по следующему вопросу данные иные: в целом по массиву, от 13 до 25% мигрантов указали, что не желали бы иметь друзей определенной национальности. Согласно данному распределению, индекс этнической толерантности составил, максимально 4,8, минимально – 3,0 (варьируется по отношению мигрантов к различным этническим группам, см. табл. 4.25).

Резюмируя, следует отметить, что по этническому индикатору толерантности не наблюдается очевидной картины, она варьируется в зависимости от тесноты устанавливаемых отношений между пред-

ставителями определенных этнических групп мигрантов и другими этническими группами. Чем теснее возможные отношения, тем ниже индекс толерантности. Так, если иные этнические группы не вызывают отрицательного отношения у представителей определенных этнических групп мигрантов в быту, то возможность установления с ними дружеских отношений рассматривается как неприемлемое условие или даже риск, угроза. В зависимости от данного фактора, индекс этнической толерантности колеблется в пределах 4,8-1,4. Наименьшее значение индекса присвоено этническим группам мигрантов азербайджанцев и таджиков; среднее значение – туркменам, узбекам, китайцам, армянам; высокий индекс этнической толерантности не присвоен ни одной из групп.

Корреляция между признаками «в повседневном общении национальность не имеет значения» и «Проживая в Татарстане, я ощущаю себя очень комфортно» составила $r=0,4$. Согласно результатам анализа, между двумя признаками зафиксирована заметная прямая связь. Степень толерантности по отношению к представителям иной национальности обуславливает и уровень комфорта мигрантов в инокультурной среде. Данный фактор подтверждается и другими вычислениями: корреляция между признаками «в повседневном общении национальность не имеет значения» и «я хотел бы остаться жить в Татарстане» составила $r=0,24$. Связь имеется, но менее выражена.

Следующий индикатор толерантности – социальный, он показывает терпимость к представителям полярных социальных групп населения. По вопросу «Выбрать из двух высказываний: Нищие и бродяги сами виноваты в своих проблемах ИЛИ Слабым и бедным нужно помогать» подавляющее большинство опрошенных (87%) высказались за второй вариант ответа. Индекс толерантности составил 7,0. Наименее высок он у представителей этнической группы узбеков (5,7), а также у представителей внутренних мигрантов (5,5). По остальному массиву опрошенных данные примерно выровнены.

Таким образом, уровень толерантности мигрантов по социальному индикатору относительно высок и примерно одинаков у различных групп опрошенных. Индекс социальной толерантности много выше, чем индекс этнической толерантности, и это свидетельствует о наличии определенных негативных настроений именно в этническом аспекте взаимоотношений мигрантов.

Наименьшее значение индекса присвоено этническим группам мигрантов узбеков, а также представителям внутренних мигрантов; остальные этнические группы получили высокий индекс социальной толерантности.

Следующий индикатор толерантности – межличностный, он показывает терпимость к «инаковости» других людей. По вопросу «Если кто-то поступает со мной грубо, я отвечаю тем же ИЛИ Я стараюсь избегать конфликтных ситуаций с людьми» большинство опрошенных (62%) высказались за второй вариант ответа. Индекс толерантности составил 1,6. Наименее высок он у представителей этнической группы азербайджанцев (1,2), узбеков (1,4), таджиков (1,4). Наиболее высок – у представителей этнической группы китайцев (2,0). По остальному массиву опрошенных данные примерно выровнены.

По другому вопросу межличностных отношений половина опрошенных (50%) отметила, что «Свою точку зрения важно отстаивать любыми способами»; столько же (49%) указали на то, что «Человек должен чаще соглашаться с мнением других людей и избегать конфликтов». Индекс толерантности в данном вопросе составил 1,0. Наименее высок он у представителей этнической группы узбеков (0,9), таджиков (0,8), азербайджанцев (0,8), таджиков (0,7), а также у представителей внутренних мигрантов (0,8). Наиболее высок индекс – у представителей этнических групп китайцев (2,0) и армян (1,7).

Таким образом, уровень толерантности мигрантов по межличностному индикатору является средним и различен у групп опрошенных мигрантов. Индекс межличностной толерантности выше, чем ин-

декс этнической толерантности, но значительно ниже, чем индекс социальной толерантности.

Наименьшее значение индекса присвоено этническим группам мигрантов азербайджанцев, узбеков, таджиков; наибольшее значение присвоено этническим группам армян и китайцев.

Корреляция между признаками «Свою точку зрения важно отстаивать любыми способами» и «Проживая в Татарстане, я ощущаю себя очень комфортно» составила $r=-0,015$. Анализ показал отсутствие прямой связи между двумя признаками. Также и корреляция между признаками «Свою точку зрения важно отстаивать любыми способами» и «я хотел бы остаться жить в Татарстане» составила $r=-0,09$; корреляция между признаками «Свою точку зрения важно отстаивать любыми способами» и «Народы Татарстана дружелюбны по отношению ко мне» составила $r=0,027$. Уровень межличностной толерантности и степень конфликтности личности фактически не влияет на ощущение комфорта от проживания в инокультурной среде.

Из приведенного выше следуют выводы о потенциале толерантности мигрантов как важного фактора их адаптации к условиям инокультурной среды. Потенциал толерантности наряду с иными факторами адаптации, рассмотренными выше, позволяет граadirовать группы мигрантов по степени их адаптируемости. На основе выводов о потенциале толерантности следуют прогностические функции исследования.

Потенциал толерантности условно предполагает два уровня: эмоциональный и поведенческий. Эмоциональный уровень как принятие или непринятие представителей иных народов фиксируется посредством оценки мигрантами характера отношений с представителями коренных народов республики: 82% опрошенных, в целом по массиву, оценили отношение к себе как дружелюбное. Менее других так полагают представители азербайджанской и таджикской этнических групп. Среди последних, таким образом, эмоциональный потенциал толерантности ниже, чем среди представителей иных групп.

Корреляция между признаками «Народы Татарстана дружелюбны по отношению ко мне» и «Я чувствую себя вполне комфортно, проживая в Татарстане» составила $r=0,56$. Анализ показал наличие заметной прямой связи между признаками. Степень дружелюбия коренных народов к мигрантам напрямую влияет на степень ощущения ими комфорта от проживания в инокультурной среде.

Поведенческий уровень как готовность к установлению социальных контактов с представителями других народов фиксируется посредством готовности и стремления мигрантов устанавливать дружеские отношения с представителями коренных народов республики: 86% опрошенных, в целом по массиву, выразили такую. Более других нацелены на установление дружеских отношений с представителями народов республики туркмены, узбеки, армяне, китайцы, внутренние мигранты. 75% мигрантов отметили, что легко устанавливают контакт с представителями народов республики. Чаще других подобное поведение свойственно представителям этнических групп узбеков, а также внутренние мигранты вне зависимости от национальной принадлежности.

Таким образом, по совокупности признаков, поведенческий потенциал толерантности выше среди этнических групп туркмен, узбеков, армян, китайцев, внутренних мигрантов.

Корреляция между признаками «Я легко устанавливаю контакт с представителями коренных народов Татарстана» и «я хотел бы остаться жить в Татарстане» составила $r=0,29$. Коммуникативные навыки мигрантов напрямую влияют на ощущение ими комфорта от проживания в инокультурной среде. Это подтверждается и другими данными: корреляция между признаками «Я легко устанавливаю контакт с представителями коренных народов Татарстана» и «Я чувствую себя вполне комфортно, проживая в Татарстане» составила $r=0,4$, что означает наличие заметной прямой связи между признаками.

Выводы

Результаты исследования показали, что уровень адаптации мигрантов на территории республики является средним (посредственным). Он варьируется по различным этническим группам, но, в среднем, не столь значительно. Вариации наблюдаются, скорее, в разрезе отдельных компонентов и индикаторов адаптации. Большинство мигрантов позитивно настроены на установление дружеских контактов с местным населением, в средней степени адаптированы к условиям поиска работы и занятости, вполне комфортно чувствуют себя в инокультурной среде. Однако лишь небольшая доля мигрантов выражает желание остаться жить на территории республики в дальнейшем.

Большинство мигрантов указали на наличие каких-либо сложностей в процессе адаптации в инокультурной среде. Тем не менее, фактор социальной политики принимающей стороны фактически слабо сказывается на ощущении комфорта мигрантами и не влияет на их желание и стремление остаться проживать в республике. В случае же возникновения трудных жизненных ситуаций мигранты скорее всего обратятся к помощи своих друзей или членам этнической общины, нежели к государственным социальным службам или иным субъектам социальной политики (к примеру, к некоммерческим организациям). Это указывает на замкнутость мигрантов и их относительную изоляцию в инокультурной среде. Кроме того, половина опрошенных (51%) отметила, что чаще взаимодействует с членами своей этнической общины, чем с представителями коренных народов Татарстана, чаще говорит на родном языке, нежели на языке коренных народов республики.

Пропорционально можно выделить следующие группы мигрантов: группа гибкой адаптируемости (10-15%); группа средней адаптируемости (65-75%); группа жесткой адаптируемости (15-20%).

Наиболее развитым компонентом адаптации у мигрантов является эмоциональный компонент: степень адаптации в разрезе данного

компонента является высокой у большинства мигрантов. Наиболее адаптированы по когнитивному компоненту представители туркменской, узбекской, азербайджанской этнических групп. Наиболее адаптированы по эмоциональному компоненту представители туркменской и узбекской этнических групп.

Менее всего у мигрантов развит поведенческий компонент адаптации, он является проблемным звеном в структуре адаптации мигрантов. В поведенческом аспекте уровень адаптации более всего развит в сфере социальных отношений, не требующих установления тесных межличностных отношений. Чем теснее отношения, тем в большей степени мигранты испытывают сложности в их установлении с представителями коренного населения. В сфере межличностных отношений уровень адаптации мигрантов наименее высок. Следует проводить грань между повседневным взаимодействием мигрантов с коренным населением республики, где серьезных проблем не наблюдается, и установлением тесных контактов, преломляющихся сквозь дружеские или брачные связи (семейные отношения). В последнем случае наблюдается наличие проблемных зон, что позволяет констатировать определенную степень самоизоляции различных этнических групп мигрантов в инокультурной среде. Если к установлению дружеских связей с представителями инокультурной среды вполне лояльно относится почти половина опрошенных, то к установлению родственных связей и кровосмешению – лишь единицы из них. В целом, по поведенческому компоненту высоко адаптированных групп не выявлено.

Часть мигрантов может быть отнесена к группе жесткой адаптируемости, поскольку отдает средним уровнем развития когнитивного компонента адаптации, средним уровнем развития эмоционального компонента и низким уровнем развития поведенческого компонента. К данной группе, согласно результатам исследования, могут быть отнесены определенная часть туркменской, азербайджанской и таджикской этнических групп мигрантов.

Степень эмоциональной адаптации напрямую обуславливает возможности поиска работы мигрантами. Чем более комфортно чувствуют себя мигранты, тем легче им дается поиск работы. Таким образом, для повышения степени трудоустраиваемости мигрантов важно обеспечить максимально высокий уровень эмоционального комфорта, который, в свою очередь, детерминирован отношением представителей коренных народов к приезжим, их дружелюбием. Согласно данным исследования, дружелюбие коренных жителей напрямую сказывается на ощущении комфорта и хорошего социального самочувствия мигрантов. Таким образом, среди локальных факторов адаптации мигрантов наиболее видимо влияние дружеских связей, стремление и возможность иметь друзей среди представителей коренного населения республики.

Другим важным фактором, оказывающим заметное влияние на способности к адаптации, выступает коммуникативно-поведенческий фактор (стремление и умение выстраивать социальные контакты). Чем выше коммуникативные способности мигрантов, тем в большей степени они ощущают комфорт от проживания в инокультурной среде, что обусловлено снижением коммуникативных барьеров при общении с местным населением.

Уровень толерантности мигрантов к представителям иных культур и статусов лишь условно оказывает влияние на их адаптационные способности. Скорее, наоборот, уровень социального и эмоционального комфорта от проживания в инокультурной среде обуславливает формирование определенного уровня толерантности. Иными словами, чем комфортнее чувствуют себя мигранты в инокультурной среде, тем выше уровень их толерантности по отношению к иным группам – социальным, этническим. Уровень же комфорта детерминирован установлением дружеских отношений, в том числе, с представителями коренного населения республики. Таким образом, наличие дружеских отношений с представителями коренного населения республики является важным фактором социального самочувствия ми-

грантов. Данный фактор оказывает прямое влияние и на стремление остаться жить в республике.

Толерантность мигрантов является многослойным образованием и варьируется от группы к группе, а также различна в разрезе компонентов. Так, наиболее высок разброс признаков по этническому компоненту толерантности; он варьируется в зависимости от тесноты устанавливаемых отношений между представителями определенных этнических групп мигрантов и другими этническими группами. Чем теснее возможные отношения, тем ниже индекс толерантности. Так, если иные этнические группы не вызывают отрицательного отношения у представителей определенных этнических групп мигрантов в быту, то возможность установления с ними дружеских отношений рассматривается как неприемлемое условие или даже риск, угроза. Высокий индекс этнической толерантности не присвоен ни одной из этногрупп. Наиболее высок индекс толерантности по социальному ее компоненту. Индекс межличностной толерантности выше, чем индекс этнической толерантности, но значительно ниже, чем индекс социальной толерантности. Таким образом, в этническом аспекте взаимоотношений мигрантов имеются определенные негативные настроения; возможно, они обусловлены, в том числе, религиозными факторами, но данная гипотеза специально нами не проверялась.

Результаты исследования продемонстрировали наличие влияния уровня толерантности мигрантов на их способность к адаптации, но данное влияние не является ключевым. Его воздействие, скорее, опосредовано: дружелюбие и принятие коренными народами приезжих формирует высокий уровень эмоционального комфорта от пребывания и проживания в республике; в свою очередь, это формирует повышение толерантного отношения мигрантов к принимающей стороне.

Заключение

Современный мир становится все более полиэтничным. Миграционные процессы усиливают культурное разнообразие, но одновременно создают ряд угроз стабильности принимающих стран и регионов. Предупреждение конфликтов между мигрантами и принимающей стороной становится все более актуальной проблемой современных обществ. Примеры стран ЕС позволяют сделать вывод о необходимости прогнозирования и планирования миграционных процессов. Это позволяет избежать значительных рисков, как для местного, принимающего населения, так и для прибывающих в регион мигрантов.

Следует отметить, что понятие рисков носит многоплановый характер, используется в разных областях социального знания, где определение этого термина приобретает специфические черты.

Проведенный теоретический анализ показал наличие позитивных практик на европейском и евразийском пространствах в сфере политического и правового регулирования миграции, подходов к адаптации и интеграции, методик прогнозирования рисков миграционных процессов, что позволяет интегрировать полученный опыт и транслировать его в масштабе регионов Российской Федерации, а также и за рубежом. В этом отношении прикладной интерес представляет методика обучения гражданственности как способа преодоления практик социальной исключенности мигрантов.

В монографическом труде также продемонстрирована методика прогнозирования рисков развития конфликтов с мигрантами в поликультурном регионе и описаны результаты апробации данной методики на материалах Республики Татарстан. На основе данных, полученных в ходе исследования, сделан вывод о возможности позитивного вектора в развитии адаптационного потенциала мигрантов в инокультурной среде региона. Подобная ситуация может быть обусловлена особенностями комплексной миграционной политики, как это имеет место в Республике Татарстан. Поэтому, выводы данного

исследования не могут быть прямо экстраполированы на другие регионы, при отсутствии комплексной миграционной политики, однако разработанная методика диагностики степени адаптируемости мигрантов к условиям инокультурной среды, а также исследовательский инструментарий, могут быть признаны относительно универсальными и имеет потенциал применения также и к иным социокультурным условиям.

Несомненно, современное общество остро нуждается в развитии механизмов управления новыми явлениями, событиями и процессами. В этой связи, становится особенно важной интеграция усилий различных сообществ в определении наиболее оптимального механизма прогнозирования траекторий развития социальных процессов. Обмен опытом между регионами, странами и культурами позволит совместными усилиями выработать некие общие подходы и средства управления миграционными потоками, предупреждения потенциальных конфликтов. Опыт исследований, представленный в данной монографии, направлен на решение подобной задачи, призванной обеспечить формирование междисциплинарного диалога и поиск путей решения комплексных проблем миграции, в международном и межрегиональном пространствах.

Вопросник для оценки миграционной ситуации в РТ

Здравствуйтесь, друзья!

Наше исследование направлено на выявление тех сфер и вопросов, которые мешают приезжим в Республике Татарстан чувствовать себя вполне комфортно на ее территории. Ваши ответы помогут нам устранить эти проблемы. Просим принять активное участие в опросе. Пожалуйста, ответьте на предложенные ниже вопросы, проставив знаки «V» или «+» напротив подходящего варианта ответа или дайте свой вариант ответа. Если считаете, что вопрос Вам неудобен, допускается не отвечать на него.

Опрос анонимный, подписывать анкету не нужно. Все данные будут использованы только в обобщенном виде.

Заранее благодарим за участие!

Блок 0: Паспортная часть

01. Как давно Вы приехали в Республику Татарстан? (один ответ в графе напротив)

А) менее 1 года назад	
Б) 1-3 года назад	
В) 3-5 лет назад	
Г) более 5 лет назад	

02. Из какой страны/из какого региона РФ Вы прибыли в Татарстан? (напишите свой ответ)

03. Ваш пол (один ответ в графе напротив)

А) мужской	
Б) женский	

04. Ваш возраст (один ответ в графе напротив)

А) до 25 лет	
Б) 26-35 лет	
В) 36-45 лет	
Г) 46-55 лет	
Д) 56-65 лет	
Е) старше 65 лет	

05. Ваша национальность (пожалуйста, укажите, – это ВАЖНО!)

Блок 1. В следующих вопросах расскажите немного о своем пребывании в Татарстане

1.1. Что Вам более всего нравится и что – не нравится в Татарстане? (один ответ в каждой графе напротив)

Варианты ответов	Нравится	Не нравится	Затрудняюсь ответить
А) Окружающие меня люди			
Б) Политика республики в отношении мигрантов			
В) Возможность трудоустроиться			
Г) Возможность получать хорошее образование			
Д) Благоустройство городов, селений			
Е) Культура народов Татарстана			
Ж) Религии народов Татарстана			
З) Иное (можете указать свой вариант ответа, при необходимости)			

1.2. В какой мере Вы согласны с утверждениями: (один ответ в графе напротив)

1.2.1. Я хорошо знаком с историей Татарстана

А) Согласен	
Б) Скорее, согласен	
В) Скорее, не согласен	
Г) Не согласен	

1.2.2. Я хорошо знаком с культурой коренных народов (татар, русских), проживающих на территории Татарстана

А) Согласен	
Б) Скорее, согласен	
В) Скорее, не согласен	
Г) Не согласен	

1.2.3. Проживая в Татарстане, я ощущаю себя очень комфортно

А) Согласен	
Б) Скорее, согласен	
В) Скорее, не согласен	
Г) Не согласен	

1.3. Пребывая в Татарстане, чем, в настоящий период времени, Вы занимаетесь? (отметьте все подходящие варианты ответов в графах напротив)

А) Работаю по найму	
Б) Имею свой бизнес	
В) Живу на социальное пособие/пенсию (вынужденный мигрант, беженец, пенсионер, безработный)	
Г) Учусь	
Д) Пока не трудоустроился	
Е) Иное (напишите)	

1.4. Если Вы работаете, кто оказал Вам помощь в трудоустройстве? (отметьте все подходящие варианты ответов в графах напротив)

А) Государственные социальные службы	
Б) Моя этническая община, сообщество земляков	
В) Мои близкие и друзья	
Г) Никто не оказывал помощи, устроился самостоятельно	
Д) Пока не работаю	
Е) Иное (напишите)	

1.5. В какой мере Вы согласны с утверждениями: (один ответ в графе напротив)

1.5.1. Я чаще взаимодействую с членами своей этнической общины, чем с представителями коренных народов Татарстана

А) Согласен	
Б) Скорее, согласен	
В) Скорее, не согласен	
Г) Не согласен	

1.5.2. Я чаще говорю на своем родном языке, чем на языках коренных народов Татарстана

А) Согласен	
Б) Скорее, согласен	
В) Скорее, не согласен	
Г) Не согласен	

1.5.3. Мои друзья – это, прежде всего, члены моей этнической общины (мои земляки)

А) Согласен	
Б) Скорее, согласен	
В) Скорее, не согласен	
Г) Не согласен	

1.6. Есть ли у Вас собственная семья? Если есть, то проживает ли она с Вами или отдельно от Вас? (один ответ в графе напротив)

А) У меня есть семья, она проживает вместе со мной	
Б) У меня есть семья, она проживает на моей родине	
В) У меня нет семьи, но я хотел бы ее создать здесь, в Татарстане	
Г) У меня нет семьи, но я хотел бы создать ее у себя на родине	
Д) У меня нет семьи, и я не хочу ее пока создавать	
Е) Иное (напишите)	

Блок 2. В следующих вопросах расскажите, пожалуйста, о некоторых своих убеждениях, взглядах

2.1. Обозначьте, пожалуйста, ваши взгляды по вопросам межнациональных отношений

2.1.1. Какое из высказываний Вам ближе? (один ответ в графе напротив)

А) в повседневном общении национальность не имеет значения	
Б) межнациональные браки разрушают народ	

2.1.2. Какое из высказываний Вам ближе? (один ответ в графе напротив)

А) иногда я испытываю стыд за людей своей национальности	
Б) я безразлично отношусь к своей национальной принадлежности	
В) иногда я чувствую превосходство своего народа над другими	

2.2. Обозначьте, пожалуйста, ваши взгляды по вопросам социальных отношений

2.2.1. Какое из высказываний Вам ближе? (один ответ в графе напротив)

А) Нищие и бродяги сами виноваты в своих проблемах	
Б) Слабым и бедным нужно помогать	

2.3. Обозначьте, пожалуйста, ваши взгляды по вопросам отношений с другими людьми

2.3.1. Какое из высказываний Вам ближе? (один ответ в графе напротив)

А) Свою точку зрения важно отстаивать любыми способами	
Б) Человек должен чаще соглашаться с мнением других людей и избегать конфликтов	

2.4. Я хотел бы больше знать о традициях и обычаях коренных народов Татарстана (один ответ в графе напротив)

А) Согласен	
Б) Скорее, согласен	
В) Скорее, не согласен	
Г) Не согласен	

2.5. Есть народы, которые вызывают у меня неприязнь (один ответ в графе напротив)

А) Согласен	
Б) Скорее, согласен	
В) Скорее, не согласен	
Г) Не согласен	

один ответ в каждой графе напротив

2.6. Мне неприятно общаться с ...	согласен	не согласен
2.6.1. Русскими		
2.6.2. Татарами		
2.6.3. Украинцами		
2.6.4. Грузинами		
2.6.5. Армянами		
2.6.6. Азербайджанцами		
2.6.7. Чеченцами		
2.6.8. Узбеками		
2.6.9. Таджикиками		

2.7. Мне не важно, какой национальности мои друзья (один ответ в графе напротив)

А) Согласен	
Б) Скорее, согласен	
В) Скорее, не согласен	
Г) Не согласен	

один ответ в каждой графе напротив

2.8. Я бы <u>не хотел</u>, чтобы среди моих друзей были представители....	согласен	не согласен
2.8.1. Русских		
2.8.2. Татар		
2.8.3. Украинцев		
2.8.4. Грузин		
2.8.5. Армян		

2.8.6. Азербайджанцев		
2.8.7. Чеченцев		
2.8.8. Узбеков		
2.8.9. Таджикиков		

2.9. Обозначьте, пожалуйста, ваши взгляды по вопросам взаимодействий с другими людьми

(один ответ в графе напротив)

2.9.1. Какое из высказываний Вам ближе? (один ответ в графе напротив)

А) Если кто-то поступает со мной грубо, я отвечаю тем же	
Б) Я стараюсь избегать конфликтных ситуаций с людьми	

2.9.2. Какое из высказываний Вам ближе? (один ответ в графе напротив)

А) Представители коренного населения Татарстана дружелюбны по отношению ко мне	
Б) Представители коренного населения Татарстана недоверчиво относятся ко мне	

2.10. Какое из высказываний Вам ближе? (один ответ в графе напротив)

А) Я бы хотел иметь друзей среди представителей коренных народов Татарстана (русских, татар)	
Б) Я бы хотел иметь друзей только среди представителей моей национальности	

2.11. Какое из высказываний Вам ближе? (один ответ в графе напротив)

А) Представители моей национальности испытывают сложности с поиском работы в Татарстане	
Б) Представители моей национальности легко находят себе работу в Татарстане	

2.12. Какое из высказываний Вам ближе? (один ответ в графе напротив)

А) Я легко устанавливаю контакт с представителями коренных народов Татарстана	
Б) Мне сложно дается общение с представителями коренных народов Татарстана	

Блок 3. В заключительных вопросах поделитесь, пожалуйста, своим мнением относительно своего проживания в Республике Татарстан

3.1. Хотели бы Вы или не хотели бы остаться жить в Татарстане? (один ответ в графе напротив)

А) Да, я хочу остаться здесь жить	
Б) Я подумываю о том, чтобы остаться здесь жить	
В) Нет, я не хочу оставаться жить в Татарстане	

3.2. При каких условиях Вы хотели бы остаться жить в Татарстане? Я остался бы жить в Татарстане, если бы... (отметьте все подходящие варианты ответов в графах напротив)

Я остался бы жить в Татарстане, если бы...	
А) Было больше поддержки от моей родной страны	
Б) Было больше поддержки от властей и государственных служб Татарстана	
В) Было больше поддержки от местных этнических общин	
Г) Было больше поддержки моих друзей и близких	
Д) Было больше поддержки и понимания от представителей коренных народов Татарстана	
Я остался бы жить в Татарстане, если бы...	
Е) Были лучшие условия работы	
Ж) Были лучшие условия проживания	
З) Моя семья была здесь, со мной	
И) Мои друзья (мои близкие) были здесь, со мной	
К) Иное (напишите)	
Л) Ни при каких условиях не хочу оставаться	

3.3. В каких сферах и вопросах жизнедеятельности в период проживания в Татарстане Вы чувствуете необходимость дополнительной поддержки государства? (отметьте все подходящие варианты ответов в графах напротив)

А) Трудоустройство	
Б) Помощь в обеспечении семьи	
В) Помощь в улучшении жилищных условий	
Г) Консультативная помощь по юридическим вопросам	

Д) Помощь в оформлении документов	
Е) Психологическая поддержка	
Ж) Помощь в получении образования	
З) Иное (напишите)	
Л) Дополнительная поддержка мне не нужна ни по каким вопросам	

3.4. В случае возникновения трудной жизненной ситуации Вы, скорее, всего, обратитесь к помощи... (один ответ в графе напротив)

А) Государственных социальных служб, действующих в Татарстане	
Б) Некоммерческим организациям, фондам в Татарстане	
В) Представителям своей этнической общины на территории Татарстана	
Г) Близким друзьям и знакомым на территории Татарстана	
Д) Иное	

Спасибо, желаем успехов!

Сведения об авторах

Бигнами Филиппо, PhD, старший научный сотрудник, преподаватель и руководитель группы по исследованию проблем труда, городского пространства и гражданства Департамента экономики, здравоохранения и социальных наук Университета прикладных наук Южной Швейцарии (SUPSI, Швейцария). Являлся приглашенным научным консультантом Международной организации труда (МОТ), приглашенным профессором в Азиатско-Европейском институте Государственного университета Малайи (Куала-Лумпур, Малайзия) и старшим научным сотрудником Швейцарского федерального института профессионального образования и обучения. Его главные научные интересы связаны с гражданством в политической и социальной теории, включая прикладные исследования политики гражданственности и обучения гражданственности, в том числе с применением их к условиям городской трансформации и миграционным проблемам. Руководитель научных проектов: “Tokyo Olympics 2020: Transformations, City and Citizenship in a Case Study”, n. OG_05_122017 (SERI and ETH Zurich Leading house), “PLUS - Platform Labour in Urban Spaces: Fairness, Welfare, Development” n. 822638 (Horizon- 2020). Член научного совета редколлегии журнала «World Complexity Science Academy journal». E-mail: filippo.bignami@supsi.ch

Дроздова Юлия Алексеевна, кандидат социологических наук, доцент, декан факультета государственного и муниципального управления Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ». Ее научные интересы: социология региона, региональная идентичность, территориальные общности, социология миграции, миграционные риски, социология управления, управление информационной деятельностью. Она являлась руководителем грантов: РГНФ № 13-13-34009 «Имидж региона как коммуникативная стратегия власти и СМИ» (2013-2014); РФФИ №16-13-34011 «Миграционные риски в полиэтничном регионе: социолого-

управленческий анализ» (2016-2017)»; РФФИ № 19-411-340002 «Территориальные общности в условиях социальных трансформаций: социолого-управленческий анализ» (2019 -2020)». Автор более 130 публикаций. Член Российского общества социологов и РОО «Сообщество профессиональных социологов». E-mail: juliadrozdova@mail.ru

Заннони Федерико, PhD, старший научный сотрудник Департамента образования Болонского университета (UNIBO, Италия). Его научные интересы связаны с исследованием проблем межкультурного образования. В частности, он изучал вопросы этнических стереотипов и предрассудков среди детей, проблемы молодых мигрантов второго поколения в Италии, аспекты культурной медиации и разрешения конфликтов, сектаризм и разделение в городской среде, темы межрелигиозного и межкультурного диалога. Он участвовал в десятках научных конференций в Великобритании, Португалии, Румынии, Италии и России. Являлся участником проекта «Actions of the Lifelong Learning addressing Multicultural Education and Tolerance in Russia (ALLMEET)», поддержанного программой EACEA Tempus IV. Является членом Итальянского общества педагогики (SIPED) и автором более чем 70 научных публикаций. E-mail: federico.zannoni3@unibo.it

Игонин Денис Иванович, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского федерального университета. Круг научных интересов: миграция, миграционные процессы и миграционная политика в России и в мире, политические институты, процессы и технологии, политическая регионалистика и этнополитика. Опыт работы в научно-образовательной сфере более 11 лет. Автор более чем 30 научных публикаций. Член Российской ассоциации политической науки (РАПН). E-mail: IgoninDenis1983@yandex.ru

Измайлов Рустам Искандерович, ассистент кафедры исторического и обществоведческого образования (на базе Института всеобщей истории Российской академии наук) Казанского (Приволжско-

го) федерального университета. Круг научных интересов: этническая история, нациестроительство, миграционные процессы. Участвовал в научных проектах: РФФИ - «Предикторы возникновения конфликтов с мигрантами-мусульманами в Республике Татарстан (межэтнический и межконфессиональный факторы)» (2018-2019 гг.). Научно-педагогический стаж – 5 лет. E-mail: izmaylov-r@hotmail.com

Панченко Ольга Львовна, кандидат социологических наук

Доцент кафедры всемирного культурного наследия, Институт международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет. Автор более 190 научных работ, включая изданные монографии (1 – авторская, 8 – в соавторстве), научные и научно-методические пособия.

Автор и руководитель нескольких проектов, реализованных на средства конкурсов и грантов, включая гранты Президента РФ (2014, 2017), победитель конкурса «50 лучших инновационных идей для Республики Татарстан» (2017).

Области профессиональных интересов: социология образования; социальная структура и стратификация; качество профессионального образования и рынок труда; качество жизни населения; социология инклюзивного образования. E-mail: kadri@bk.ru

Сакаев Василь Тимерьянович, кандидат исторических наук, доцент. Работает на должности доцента кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Казанского (Приволжского) федерального университета. В 2016-2018 гг. работал в «Центре мониторинга межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Татарстан» АН РТ. Автор более чем 60 публикаций, в том числе монографии «Политика и демография: проблемы взаимодействия и взаимозависимости» (Казань, Издательство Казанского университета, 2016), которая была отмечена Российской ассоциацией политической науки как лучшее печатное издание года. Принимал участие в международных конференциях в России, США, Великобритании, Германии, Италии и Польше. Участвовал в научных проектах: РФФИ - «Предикторы возникновения конфликтов с мигрантами-

мусульманами в Республике Татарстан (межэтнический и межконфессиональный факторы)» (2018-2019 гг.); «Russia and China in the Global World. State and Society: Between Internal Dynamics and External Projections» (2015-2017 гг.), РГНФ - «Население Республики Татарстан в 1945-1991 гг.: историко-демографический анализ» (2017-2018 гг.), EACEA Tempus IV «Actions of Lifelong Learning addressing Multicultural Education and Tolerance in Russia» (2014-2016 гг.). Член Итальянской ассоциации исследования народонаселения и Российской ассоциации политической науки. Под его руководством, при поддержке Благотворительного фонда Владимира Потанина, был реализован научно-образовательный проект «Политическая демография» (www.politdem.ru). E-mail: sakaev2003@mail.ru

Труфанов Дмитрий Олегович, кандидат социологических наук, доцент. Работает доцентом кафедры социологии Института педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета. Генеральный директор Центра социологических исследований «Мониторинг общественного мнения» (Красноярск). Круг научных интересов – теоретическая социология, социология миграции, этносоциология, социология региона. Руководитель серии исследований межэтнических, межконфессиональных и миграционных отношений в Красноярском крае в 2009-2020 гг. Член Российского общества социологов. Автор более чем 80 научных работ. E-mail: dtrufanov@sfu-kras.ru

Фахрутдинов Раиль Равилович, доктор исторических наук, профессор. Заведующий кафедрой исторического и обществоведческого образования (на базе ИВИ РАН) Института международных отношений Казанского федерального университета. Научные интересы: «Этнополитическая история народов Среднего Поволжья и Приуралья», «Современные этнополитические проблемы», «Современные миграционные процессы». Опыт работы, связанный с тематикой исследования – 10 лет. Автор более 150 работ, среди которых 3 монографии. Руководитель научных проектов: РГНФ № 14-16-16010, от

14.04.2014; РФФИ - «Предикторы возникновения конфликтов с мигрантами-мусульманами в Республике Татарстан (межэтнический и межконфессиональный факторы)» (2018-2019 гг.). Эксперт ВАКа по историческим наукам, эксперт РАН, эксперт АН РТ, председатель регионального отделения общественной организации «Всероссийская ассоциация учителей истории и обществознания». E-mail: fahrutdinov.rail@mail.ru

Фахрутдинов Бахтияр Раилевич, аспирант Института международных отношений Казанского федерального университета. Юрист ООО «Седьмое небо интернейшнл». Научные интересы: Этническая история народов Поволжья. Опыт работы, связанный с тематикой исследования – 3 года. Количество публикаций: 24 опубликованных научных статей. E-mail: fbakh93@mail.ru

Феньвеш Татьяна Анатольевна, кандидат философских наук, доцент. Занимает должность доцента кафедры социологии Института педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета. Круг научных интересов – социально-антропологическая проблематика в сфере этнических и национальных отношений. Автор 40 научных публикаций. E-mail: fenvesh@yandex.ru

Научное издание

**МИГРАЦИОННЫЕ РИСКИ
КАК ФАКТОР ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОНФЛИКТОВ**

ЕВРАЗИЙСКИЙ И ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ РЕШЕНИЯ

Монография

Компьютерная верстка

Абдрахмановой Р.М.

Дизайн обложки

Подписано в печать 10.06.2020.

Бумага офсетная. Печать цифровая

Формат 60x84 1/16. Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 23,9

Уч.-изд. л. 10,3. Тираж 600 экз. Заказ.

Отпечатано в типографии

Издательства Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужи́на, 1/37

тел. (843) 233-73-59, 233-73-28